

**РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**МОДЕРНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
ЕВРАЗИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И
РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В XXI ВЕКЕ:
СТРАТЕГИИ, НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПОТЕНЦИАЛ**

**Материалы Международной научной конференции
(15 декабря 2021 г., г.Душанбе)**

Душанбе – 2022

УДК 327(470:574/575) (063)
ГРНТИ № Р 76

Модернизация государств Центральной Евразии в условиях глобализации и регионализации в XXI веке: стратегии, новые тенденции и потенциал: материалы Международной научной конференции (15 декабря 2021 г., РТСУ, г. Душанбе). – Душанбе: РТСУ, 2022. – 316с.

Сборник посвящен исследованию проблем системной модернизации государств Центральной Евразии на современном этапе их развития в условиях глобализации и регионализации. Рассматриваются концептуальные основы данного процесса, его тенденции и потенциал. Особое внимание уделяется анализу национальных интересов государств региона и механизмов их обеспечения. Дается экспертная оценка экономической политики стран Центральной Евразии по реализации стратегий их устойчивого развития. Интерес учёных вызывают также вопросы создания новых форматов сотрудничества акторов в регионе в целях достижения стабильности и прогресса, обеспечения кибербезопасности государств в свете усиления глобальных угроз, изучения опыта их скоординированной политики в рамках ООН, ШОС, ОДКБ по поддержанию глобальной и региональной стабильности.

Для специалистов внешнеполитических ведомств, исследователей проблем регионоведения, международных отношений, политологии, истории, культурологи и для всех тех, кто интересуется проблемами мировой политики.

Ответственный редактор: **Г.М.Майтдинова** – доктор исторических наук,
профессор РТСУ, директор ЦГИ РТСУ

Рецензенты: **К.И.Искандаров** – доктор исторических наук
О.М.Шарапов – кандидат политических наук

Редакционная коллегия: **Х.Д.Шамбезаде** – доктор филологических наук,
профессор, проректор по науке и инновациям РТСУ
Г.М.Майтдинова – доктор исторических наук,
профессор РТСУ, директор ЦГИ РТСУ
Н.И.Каримова – доктор филологических наук,
начальник Управления науки и инноваций РТСУ
Р.В.Баратова – редактор

Рекомендовано к печати РИС РТСУ

ЦГИ РТСУ не несёт ответственности за мнения и оценки экспертов, высказанные в данном издании.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Гайнуddинова А. Г. Вступительное слово	5
Мухаммадзода П.А. Вызовы и угрозы безопасности в зоне ответственности ОДКБ и перспективы коллективного противодействия им	8
Бурулько И.Е. О содействии России странам Центральной Азии	13
Илолов М.И., Каримова С.М. О перспективных трендах развития энергетики в Центральной Азии	18
Дмитриева М.О., Давыдов З.В. Формат C5+1 (Центральная Азия+Республика Корея) как инструмент сбалансированного развития региона	27
Курбанмурадова О.М. Экономическое сотрудничество Республики Таджикистан в рамках региональных и глобальных интеграционных структур	33
Курылев К.П. Роль Российской Федерации в борьбе с пандемией COVID-19 на пространстве СНГ	38
Кабазиев М.Ш. Обращение к прошлому как фактор воспроизводства национальной идентичности и национального интереса государств	46
Нугманова К.Ж. Модернизация государств Центральной Евразии в условиях глобализации и регионализации в XXI веке: стратегии, новые тенденции и потенциал	59
Умаров Х.У. Модернизация как наиболее эффективная форма осуществления новой индустриализации	73
Губайдуллина М.Ш., Ёрмадов Г.З. Векторы регионального сотрудничества по экологической безопасности в проектах ЕС для Центральной Азии на примере «Wescoor»	85
Эргашев Б.И. Политика индустриализации как ключевое направление модернизации в странах Центральной Азии	94
Комлева Н.А. Россия – Запад: обмен ударами в Казахстане	98
Комлева Н.А. Евразийская интеграция на постсоветском пространстве: три препятствия	108
Искандаров К.И. Приход террористической организации «Талибан» к власти в Афганистане и проблемы обеспечения безопасности Таджикистана	123
Ежова М.Ю. Институт уполномоченного по правам ребенка как новый формат сотрудничества на постсоветском пространстве	131
Хайдаров Р.Д. Цифровизация общества как ключевой фактор обеспечения кибербезопасности государств в период глобализации	136
Олимов М.А. Республика Таджикистан и интеграционные процессы в Центральной Азии	143

Каримова М.Т., Курбонали А. Региональное сотрудничество государств Центральной Азии: взгляд из Таджикистана.....	149
Самиев Х.С. Культурная дипломатия Таджикистана в контексте новой внешнеполитической концепции государства: приоритетные направления и механизмы реализации.....	157
Латифов Д.Л. Реформа образования – важнейший ресурс решения стратегических задач Республики Таджикистан.....	171
Сангинов Н.Н. О противодействии ОДКБ «гибридным войнам» на Евразийском пространстве.....	179
Майтдинова Г.М. Интеграционный проект "Центральная Азия+Южная Азия" как фактор устойчивого развития Центральноазиатского региона в XXI веке.....	186
Ульмасов Р.У. Национальный интерес и национальная безопасность в контексте миграции населения: взаимосвязь и взаимодействие.....	199
Мамадазимов А. Корректировка стратегий развития стран Центральной Азии после вывода американских войск из Афганистана.....	205
Рахмонов А.С., Шарапов О.М., Рахмонзода Д.А. Теоретические аспекты современных информационных войн и их влияние на информационную безопасность государств: особенности, формы, виды, потенциал, направления.....	210
Курбонова З.М. Кибербезопасность Таджикистана: основные вызовы и угрозы.....	237
Шарапов О.М. Приоритетные сферы внешнеэкономической политики Таджикистана и России в двустороннем формате: состояние, проблемы и перспективы развития.....	243
Коваленко Г.В. Влияние исторических традиций и геополитических факторов на формирование внешнеполитического курса центральноазиатских государств в XXI веке.....	249
Шарипов А. Особенности осуществления “мягкой силы” Китая в Центральной Азии.....	264
Ризоен Ш. Причины и триггеры таджикско-кыргызского конфликта– взгляд из Душанбе.....	273
Майтдинова Г.М., Комилова Х.Г. Европейская политика безопасности и развития в Центральной Азии: эволюция, приоритеты, инструменты реализации.....	281
Шамсуддинов М. Доктрина «двойной циркуляции» Китая и её отражение на таджикско-китайских отношениях.....	297
Нуров М. "Мягкая сила" Республики Таджикистан в киберпространстве: новые подходы и инструменты.....	307

Вступительное слово

Первого проректора, проректора по учебной работе
Российско-Таджикского (Славянского) университета

А.Г.Гайнуддиновой

Уважаемые участники Международной научной конференции!

Позвольте приветствовать Вас в стенах Российско-Таджикского (Славянского) университета и пожелать всем успешной работы в рамках столь серьёзного научного мероприятия. Прежде всего я хочу выразить огромную благодарность всем, кто нашёл возможность принять наше приглашение и представить на конференции свои позиции и точки зрения по обсуждаемым проблемам. Особую благодарность я хочу выразить – Центру стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан за поддержку нашей инициативы, а также информационным партнерам и всем, кто принимал участие и оказывал содействие в организации этого престижного научного форума.

В конференции принимают участие представители Правительства РТ, российские дипломаты, известные эксперты России, государств Центральной Азии, представители министерств РТ, учёные Национальной Академии наук Таджикистана, вузов республики и др.

Необходимость проведения подобных конференций не вызывает сомнения.

Международная ситуация в Центральной Евразии в настоящее время характеризуется определенной сложностью. Модернизация новых государств региона и их переход к новому технологическому укладу проходит в условиях нового мироустройства и пандемии COVID-19. В этих реалиях реализация национальных интересов государств Центральной Евразии является основой регионального стратегического проектирования развития. Следует сказать, что геополитические перемены обуславливают появление новых форматов сотрудничества акторов в регионе. В этих условиях не исключена активизация деятельности террористических оппозиционных групп, представляющих реальную угрозу для безопасности Таджикистана и других государств Евразии. Серьезную озабочен-

ность вызывает кибербезопасность государств Центральной Евразии в свете усиления глобальных угроз, и в данном контексте важны информационные аспекты обеспечения национальной и региональной стабильности. Государства региона могут оказаться на «переднем крае защиты» Центральной Евразии, что ставит под угрозу реализацию национальных стратегий развития по поддержанию глобальной и региональной стабильности. И здесь важен опыт скоординированной политики государств Центральной Евразии в рамках ООН, ШОС, ОДКБ.

Целью сегодняшней конференции является промежуточный мониторинг процесса системной модернизации государств Центральной Евразии с акцентом на рассмотрении концептуальных основ обновления векторов развития и механизмов реализации данного процесса.

В своих докладах учёные и эксперты обсудят проблемы реализации национальных стратегий развития государств Центральной Евразии в условиях модернизации, при этом особое внимание будет уделено ресурсной базе обновления, реализации целей национального развития и их сопряжению с интеграционными проектами. Исследователи рассмотрят экономическую политику государств Центральной Евразии в реализации стратегий устойчивого развития, особенности экономического взаимодействия новых государств в Центральноевразийском регионе в условиях регионализации и глобализации.

Сам факт, что мы собрались здесь для того, чтобы путем дискуссий отстаивать свои точки зрения на реализацию национальных стратегий развития государств Центральной Евразии, является важным шагом на пути интеграции экспертного сообщества евразийского пространства. В этом контексте будут очень важны любая оценка, любой общий вывод, которые станут результатом наших обсуждений. Важной задачей работы нашей конференции, я считаю, широкое распространение ее итогов средствами массовой информации, через которые мы могли бы донести наши экспертные оценки для широкой общественности и политиков, принимающих решения.

Уважаемые участники конференции, позвольте пожелать вам плодотворной работы и позитивных практических результатов по завершении нашего форума.

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЗОНЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОДКБ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОЛЛЕКТИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ

Мухаммадзода П.А

Доктор политических наук, профессор,
заместитель директора Центра стратегических исследований
при Президенте Республики Таджикистан

Республика Таджикистан в своей внешней политике придает особое значение сотрудничеству с государствами-членами ОДКБ. Таджикистан в 2021 году успешно выполнил функцию председательства в ОДКБ.

Следует констатировать, что наличие стратегических ресурсов, нестабильный Афганистан, различие интересов мировых держав и продолжающаяся дестабилизация Ближнего Востока являются основными факторами международной напряженности на пространстве ОДКБ. В целом, обстановка практически по всему периметру границ государств-членов ОДКБ остается сложной. Особенно беспокоит ситуация в Афганистане, где до сих пор поддерживается достаточно высокий уровень военно-политической активности, что превращает эту страну в арену прокси-войны между глобальными державами.

15 сентября 2021 г. в Душанбе участники совместного заседания Совета министров иностранных дел, Совета министров обороны и Комитета секретарей советов безопасности, обсуждая положение дел на таджикско-афганской границе, в частности, отметили, что «сегодня там ситуация неблагоприятная, но таджикские пограничники и правоохранительные органы полностью контролируют рубежи страны».

Наряду с этим, в совместном заявлении министров иностранных дел государств-членов ОДКБ «О положении в Афганистане», которое было принято в Душанбе, содержится призыв к международному сообществу по расширению гуманитарной помощи афганскому населению, подтверждаются намерения государств-членов ОДКБ

содействовать Афганистану в становлении мирной, стабильной, процветающей страны, свободной от терроризма, войны и наркотиков и готовность участвовать в международных усилиях по стабилизации и развитию Афганистана при центральной координирующей роли ООН.

Относительно уровня обеспечения коллективной безопасности Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон в своем вступительном слове на открытии сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ 16 сентября 2021 года заявил, что работа, проделанная странами Организации Договора о коллективной безопасности в период председательства Таджикистана, способствовала дальнейшему укреплению потенциала организации. Кроме того, он отметил, что нам удалось в целом поддерживать высокий уровень политического взаимодействия и обеспечивать координацию внешнеполитических позиций.

Следовательно, можно констатировать, что сегодня каждая страна и регион сталкиваются с различными рисками, вызовами и угрозами, непосредственно влияющими на государственную безопасность, с наличием очагов нестабильности в непосредственной близости к границам государств-членов ОДКБ.

Современное экспертно-аналитическое сообщество объективно отмечает множество различных рисков, вызовов и угроз, разделяя их на традиционные и не традиционные, мы же остановимся на пяти из них, которые таят, на наш взгляд, наибольшую опасность для государств - членов ОДКБ.

Во-первых, последние события убедительно свидетельствуют о том, что в настоящее время главным и основным источником угрозы безопасности государств-членов ОДКБ остаётся деятельность радикально - экстремистских и террористических организаций.

Сам масштаб терроризма уже приобрёл угрожающий характер, а сами формы террористических атак постоянно видоизменяются, становясь все более изощренными и антигуманными. Помимо этого, деструктивные организации активно ведут пропаганду своей идеологии с использованием всех современных информационно-коммуникационных технологий.

Во-вторых, большую обеспокоенность также вызывает проблема незаконного оборота наркотиков и деятельность транснацио-

нальных организованных преступных группировок, которая оказывает самое разрушительное влияние на генофонд нации.

В-третьих, серьезную тревогу вызывают усиление и массовое распространение различного рода агрессивных материалов идеологического характера. Они направлены на насаждение и продвижение деструктивных взглядов и идей, в частности на подмен морально-духовных ценностей, разжигание межнациональной и религиозной вражды, нетерпимости и иных негативных проявлений. В результате это всё способствует возникновению межгосударственных или же межнациональных конфликтов.

Одним из факторов развития экстремизма и терроризма является широкое использование террористическими организациями современных информационных технологий, в особенности интернет-сетей, в целях пропаганды экстремизма, привлечения в свои ряды новых членов, их подготовки и стимулирования к разрушительным действиям. Соответственно, из этого вытекает четвертая угроза для безопасности в зоне ответственности ОДКБ – информационный и кибернетический терроризм.

С учетом возрастающей популярности различных социальных сетей среди нашей молодежи, роста трудовой миграции, уязвимости молодого поколения перед вызовами современности, важно скоординировать и разработать сугубо региональную стратегию противодействия информационному и кибертерроризму, поскольку для наших стран в настоящее время одним из ключевых вопросов обеспечения национальной безопасности является эффективная информационно-психологическая борьба против террористических и экстремистских групп.

В-пятых, коронавирусная инфекция не побеждена до сих пор, и она продолжает угрожать всему человечеству. В перспективе не исключено массовое распространение других инфекционных заболеваний. К тому же появление таких смертельно опасных заболеваний носит стихийный характер, в то время как никто не готов к их предотвращению.

Таким образом, указанные нами вызовы и угрозы безопасности требуют скоординированной и единой политики по борьбе с ними. На наш взгляд, для эффективного противодействия терроризму, сепаратизму, экстремизму, незаконному обороту наркотиков, оружия,

транснациональной преступности и обеспечения международной информационной безопасности необходимо, в первую очередь, стабилизировать обстановку в Афганистане и на Ближнем Востоке.

Одним из факторов успешной борьбы против международного терроризма и экстремизма является пресечение финансирования международных террористических и экстремистских групп со стороны заинтересованных стран. С этой целью считаем необходимым соблюдение соответствующих резолюций ООН и положений Душанбинских деклараций по итогам Международных конференций высокого уровня «Противодействие терроризму и насильственному экстремизму» (3-4 мая 2018 года) и «Международное и региональное сотрудничество в борьбе с терроризмом и источниками его финансирования, в том числе незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью» (16-17 мая 2019 года), известных как «Душанбинский процесс».

Подводя итоги, мы уверены, что учет нижеследующих рекомендаций позволит наладить действенный механизм сотрудничества по борьбе с современными вызовами и угрозами в зоне ответственности ОДКБ:

1) Проработать механизм многостороннего реагирования на вызовы и угрозы, исходящие из Афганистана.

2) Ключевые игроки и соседние с Афганистаном государства в рамках ООН должны принять конкретное решение о создании пояса безопасности вокруг Афганистана с целью категорического недопущения проникновения всех видов оружия, военной инфраструктуры и боевиков в Афганистан и страны ОДКБ.

3) Необходимо усилить работу по борьбе с производством и распространением наркотиков, развивать просветительскую деятельность для борьбы с наркоманией среди граждан. В этой сфере немаловажным является налаживание тесной кооперации в треугольном формате ОДКБ-ШОС-ООН.

4) Повышение уровня научно-аналитического прогнозирования событий в военно-политической и социально-экономической сферах. В этих целях необходимо на практике укрепить научно-аналитическое и исследовательское сотрудничество между государствами ОДКБ.

5) Обратить особое внимание на вопросы подготовки кадров в области кибербезопасности. На базе передовых университетов государств ОДКБ создать специальный Сетевой Университет по подготовке специалистов в данной области.

6) Активизировать взаимодействия государств-членов ОДКБ в противодействии виртуальным угрозам безопасности.

7) В рамках борьбы с угрозами биотерроризма считаем целесообразным сотрудничество биологических лабораторий государств-членов ОДКБ, ШОС, а также с потенциальными заинтересованными странами.

8) Проработать возможность внедрения механизма оперативно-го реагирования на внутриполитические проблемы между государствами-членами ОДКБ.

О СОДЕЙСТВИИ РОССИИ СТРАНАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Бурулько И.Е.

Первый секретарь

Посольства Российской Федерации в Республике Таджикистан

Государства Центральной Азии являются привилегированными партнёрами России. Россия выстраивает с ними отношения равноправия, взаимного уважения, дружбы и добрососедства на основе принципов стратегического партнёрства или союзничества. Главной целью является обеспечение условий для стабильного, динамичного развития государств региона, совместный вклад в поддержание региональной и континентальной безопасности.

Все страны ЦА являются участниками интеграционных процессов в формате СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС и двусторонних договоров о стратегическом партнерстве.

Меры содействия региону можно объединить в следующие группы:

В сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам.

Стратегическое партнёрство или союзничество между государствами ЦА и Россией предполагает взаимопомощь в случае возникновения существенных угроз безопасности. Эти угрозы исходят от международных террористических организаций и нестабильности в соседнем Афганистане, усилившейся вследствие вывода иностранного воинского контингента в августе 2021 года. С терроризмом неразрывно связана и наркотическая проблема.

В связи с этим особый акцент в нашем сотрудничестве делается на взаимодействие и работу по линии антитеррористических и антинаркотических структур СНГ, ОДКБ и ШОС.

На регулярной основе между нами проводятся консультации по противодействию международному терроризму. Россия оказывает содействие и материально-техническую помощь. Осуществляется комплекс мероприятий в рамках деятельности Региональной антитеррористической структуры ШОС, Антитеррористического центра СНГ.

В сфере военного и военно-технического сотрудничества реализуются среднесрочные и долгосрочные программы помощи, направленной на модернизацию вооруженных сил союзников по ОДКБ, а также Узбекистана. Оказывается содействие в подготовке кадров для вооружённых сил, спецслужб (в т.ч. в сфере охраны границ) и правоохранительных органов всех государств ЦА. На регулярной основе проводятся многосторонние командно-штабные учения.

Важнейшим фактором коллективной безопасности региона и нейтрализации террористических угроз служит дислоцированная в Таджикистане 201-я российская военная база и авиационная группировка в Киргизии.

По линии МВД России успешно реализуются среднесрочные программы оказания финансовой и материально-технической помощи ведомствам, занимающимся борьбой с наркотиками. По этой линии только Таджикистану в период с 2019 г. была оказана помощь в объеме около 3,5 млн долл. США.

Правительством России принято решение об оказании безвозмездной помощи Таджикистану (1,1 млн долл. США) на строительство заставы на таджикско-афганской границе.

Выделенные Российской Федерацией в 2021 г. добровольные взносы Управлению ООН по контртерроризму направлены на реализацию третьей фазы Совместного плана действий по реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН в ЦА (400 тыс. долл. США), а также первого этапа инициативы по противодействию оружейной подпитке террористов в ЦА (500 тыс. долл. США). На запуск второй фазы упомянутого «оружейного» проекта в ЦА Россией уже выделено 350 тыс. долл. США.

Меры в сфере содействия устойчивому развитию.

Россия является ведущим партнёром стран ЦА в целом ряде областей, имеющих важное значение для стабильного и устойчивого развития региона. Всего за период 2008-2020 гг. оказано содействие странам ЦА в объёме, превышающем 6,0 млрд долл. США, в т.ч. на двусторонней основе - более 4,2 млрд. долл. США; по линии ООН – 600 млн долл. США; по линии Всемирного Банка и других структур – 600 млн долл. США; по линии ЕАЭС – еще почти 600 млн долл. США.

196 тыс. граждан государств ЦА в настоящее время обучаются в вузах России. Из них – более 70 тыс. за счёт бюджета России (около 190 млн долл. США в год).

Россией переданы десятки тонн имущества и транспортных средств. В частности, 7 сентября 2021 г. Правительству Таджикистана были безвозмездно переданы 10 новых автомобилей скорой помощи российской сборки со всем необходимым оборудованием общей стоимостью 56 миллионов рублей. Оказана поддержка ряду государств региона в форме беспошлинной поставки нефти и нефтепродуктов (полученные реципиентами преференции оцениваются в 2 млрд долл. США). Переданы сотни тыс. тонн продовольствия и семян для более чем 100 тыс. домохозяйств в странах ТТЛ. Только в этом году в Таджикистан из России было поставлено почти 7 тыс. тонн продовольствия на 6 млн. долл. США в рамках Программы школьного питания ВПП ООН, финансируемой Российской Федерацией.

Государства Центральной Азии являются бенефициарами ряда региональных проектов СНГ в сфере энергоэффективности, образования, гуманитарного сотрудничества. Межгосударственным фондом гуманитарного сотрудничества СНГ (добровольный взнос России как основного спонсора МФГС в 2021 г. составил 3,5 млн долл. США) финансируется Межгосударственная программа «Культурные столицы Содружества». В этом году Культурной столицей СНГ был г.Душанбе.

В интересах социально-экономического развития стран ЦА реализуется 23 проекта по линии ООН (совокупный российский взнос – более 132 млн долл. США). Средства направлены на повышение устойчивости к изменению климата, в первую очередь в сельских районах и в различных секторах экономики, а также на укрепление систем здравоохранения и борьбу с инфекционными заболеваниями, улучшение продовольственной безопасности и школьного питания.

В ходе реализации проектов с российским донорским участием проводятся мероприятия по расширению возможностей женщин и молодёжи, в частности, через повышение занятости, создание новых рабочих мест, развитие предпринимательства, улучшение цифровых навыков.

Двустороннее экономическое и инвестиционное сотрудничество.

Россия занимает позиции крупнейшего инвестора в ЦА. Накопленные российские инвестиции в этом регионе за период 2010-2021 гг. составляют около 25 млрд долл. США (топливно-энергетический комплекс, нефте- и газохимия, строительство, энергетика, машиностроение, телекоммуникации, золотодобыча и др.). В центральноазиатских странах работают более 10 тыс. российских и совместных предприятий. В общей сложности ими создано свыше 900 тыс. рабочих мест.

Экономическая интеграция.

ЕАЭС – привлекательный центр экономического взаимодействия со странами ЦА. Создан крупнейший общий рынок товаров, услуг, капиталов и рабочей силы с совокупным ВВП около 2 трлн долл. США. Ёмкость общего рынка: 183,4 млн потребителей.

В рамках Союза обеспечивается проведение скоординированной, согласованной и единой политики в ключевых отраслях экономики, ведутся работы над созданием общего рынка электроэнергетики, нефти и газа. В планах сформировать к 2025 г. единый финансовый рынок.

Реализуются программы по линии Евразийского банка развития и Евразийского фонда стабилизации и развития. В контексте присоединения к ЕАЭС оказана техническая помощь Киргизии на сумму 145 млн долл. США, большая часть из которых использована на оснащение таможенных пунктов пропуска и лабораторий.

10 августа с.г. в рамках проекта «Караван здоровья» Евразийского фонда стабилизации и развития, которым управляет ЕАБР, Таджикистану были переданы два многосекционных медицинских «автопоезда» для работы в отдаленной и труднодоступной местности. Данный проект был реализован при российской поддержке.

Миграционное взаимодействие.

Безвизовый режим с большинством государств региона, отсутствие «языкового барьера» обуславливают высокий интерес граждан центральноазиатских стран к российскому рынку труда и образованию. В свою очередь трудовыми мигрантами создаётся до 10% ВВП России, что указывает на обоюдовыгодный характер миграционного взаимодействия.

На сегодня в России на постоянной основе пребывает более 4 млн граждан стран ЦА. За 2013-2020 гг. ими переведено на родину более 64 млрд долл. США, что является важным фактором притока иностранной валюты и платёжеспособного спроса населения.

Несмотря на негативный эффект пандемийных ограничений, в первом полугодии 2021 г. из России в Таджикистан было переведено 754,9 млн. долл. Во втором полугодии эта цифра, скорее всего, превысит 1 млрд. долл.

Россия и государства ЦА связывает многоплановое сотрудничество, отвечающее общим задачам безопасности и устойчивого развития – в полном соответствии с целями и принципами ООН и ОБСЕ. Накопленный опыт, экспертиза и методики, в том числе в рамках ОДКБ, ЕАЭС, СНГ, ШОС заслуживают анализа и применения при реализации проектов и программ под эгидой ОБСЕ.

О ПЕРСПЕКТИВНЫХ ТРЕНДАХ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Илолов М.И.

Профессор, академик АН Республики Таджикистан
директор Центра инновационного развития и новых
технологий Национальной академии наук Таджикистана

Каримова С.М.

Ученый секретарь Центра инновационного развития и новых технологий
Национальной академии наук Таджикистана

Анализ мировой системы в целом за последние десятилетия показывает, что на данный момент времени мировая энергетика находится в стадии перехода от гиперболического роста к новому режиму развития [3]. На рис.1 показано потребление энергии в мире по видам топлива. Причиной этому послужило накопление достаточного количества весомых проблем мирового энергетического развития, что, в свою очередь, ведет к возникновению кризисов. Новый режим развития для энергетического рынка представляет собой как потенциальные возможности, так и угрозы. В целях выбора направлений развития, позволяющих компаниям эффективно функционировать, необходимо снизить возникшую неопределенность путем исследования внешних условий, которые будут оказывать значительное влияние на мировом рынке энергии.

Мировые тренды развития энергетической области.

При прогнозировании развития энергетических рынков в большинстве случаев используется сценарный подход. Разработка и применение методических подходов, базирующихся на различных технологиях и методах математического и компьютерного моделирования, позволяют исследовательским институтам прогнозировать спрос на энергию, научно-технический потенциал энергетики, характер регулирования отрасли. При этом многие институты предлагают несколько сценариев развития, отличающихся друг от друга технологическими, демографическими, политическими, экономическими, социокультурными и экологическими трендами.

К 2040 г. прогнозируется увеличение объемов потребления энергии в 1,7 раз по сравнению с 2000 г. Технологические изменения влекут за собой внедрение и использование совершенно новых цифровых технологий, которые требуют больших энергозатрат. Интеграция прорывных разработок в таких областях, как искусственный интеллект, нанотехнологии и др., в операционные модели на сегодняшний день уже является не конкурентным преимуществом, а необходимым условием.

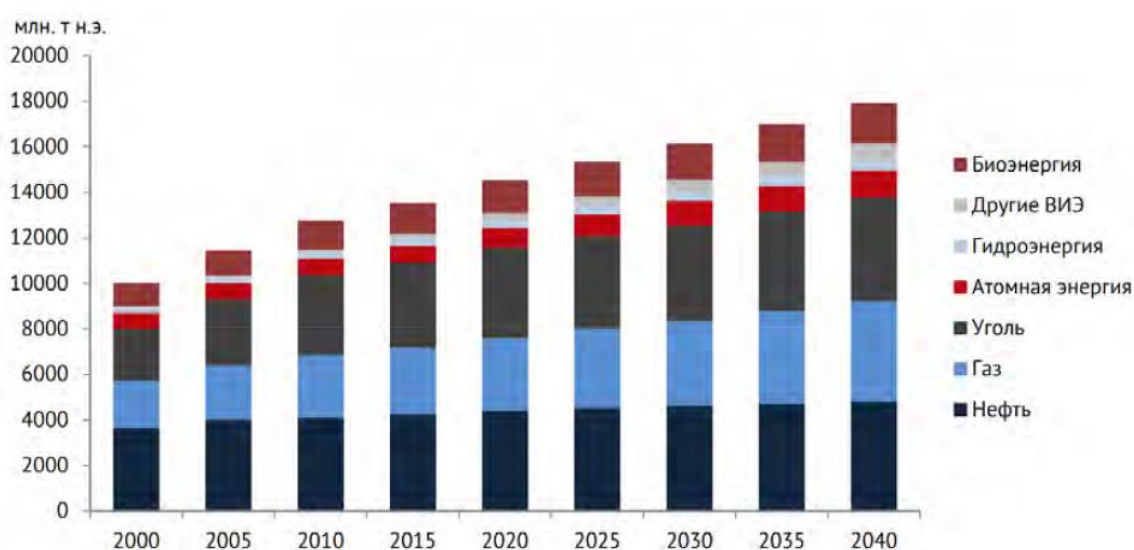

Рисунок 1 – Потребление первичной энергии в мире по видам топлива

Источник: ИНЭИ РАН

Согласно прогнозу консалтинговой компании «Pricewaterhouse Coopers», главной глобальной тенденцией признан технологический прогресс, и к 2030 г. населению потребуется на 50% больше энергии. В рамках технологического прогресса выделены 8 технологий, оказывающих наибольшее влияние на бизнес: технология «Блокчейн», дополненная реальность, беспилотные устройства (дроны), «интернет вещей», трехмерная печать, искусственный интеллект, виртуальная реальность, роботы.

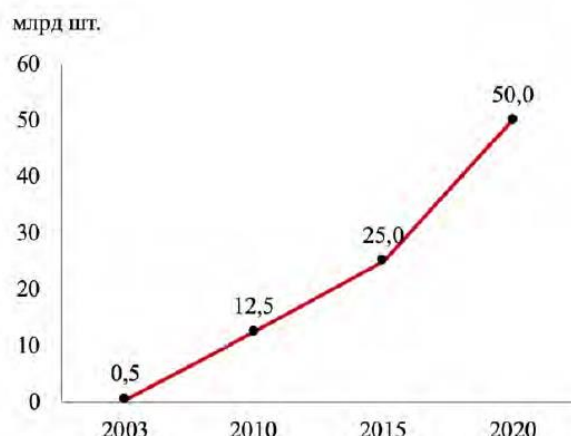

Рисунок 2 – Число подключенных к интернету устройств в мире

Источник: прогноз PwC

Даже в промежутке пяти лет наблюдается увеличение числа подключенных к интернету устройств в 2 раза (см. рис.2). Данная тенденция, несомненно, сказывается на объемах потребления энергии. Второй значимой причиной, вызывающей рост потребления энергии, является демографический фактор, включающий в себя численность населения, долю трудоспособного населения, уровень урбанизации.

Несмотря на все предположения о снижении темпов роста, а затем и вовсе спада абсолютного показателя, до 2050 г. численность населения в мире будет расти (табл. 1).

Таблица 1

Прогноз численности населения согласно 3 сценариям

Страны	2010 г.	Сценарий					
		Инерционный		Стагнационный		Инновационный	
		2030 г.	2050 г.	2030 г.	2050 г.	2030 г.	2050 г.
Мир	6752	8213	9149	7737	7959	7978	8554
Развитые страны	1098	1226	1250	1163	1105	1195	1177
Развивающиеся страны	5654	6987	7899	6574	6854	6783	7377

Источник: расчеты ИЭС по данным ООН

Прорывные технологические разработки «Индустрия 4.0» в энергетической области.

4-я промышленная революция, свидетелями которой мы сейчас являемся, никак не обойдет стороной такую важную отрасль, как электроэнергетику, потому что ни одна сфера производства или услуг не обходится без электричества, следовательно, и начинать

трансформацию любого предприятия следует именно с энерго-снабжения. Новая парадигма заключается во всеобъемлющей цифровизации всего: технологических процессов, событий, параметров, причем такая задача стояла уже давно, ибо любой энергетик просто мечтал иметь абсолютно всю информацию обо всех процессах и параметрах в электросети за любой прошедший период времени, ну хотя бы за день [4].

Что это означает на практике?

1. DIGITALIZATION – Полная цифровизация. Непрерывное измерение и запись всех без исключений параметров электросети.

2. DATA DISTRIBUTION – Распределение данных. Резервное сохранение и копирование данных как на месте получения, так и на удаленных хранилищах с целью предотвращения утери данных в случае сбоев связи.

3. IOT – Интернет вещей. Передача данных по интернету в любое время и в любое место, определенное пользователем. Возможность удаленного и автоматического измерения и управления состоянием выбранных контрольных точек сети.

4. BIGDATA – Большой объем данных. Быстрый анализ всех полученных данных и скоростная выборка необходимых из них.

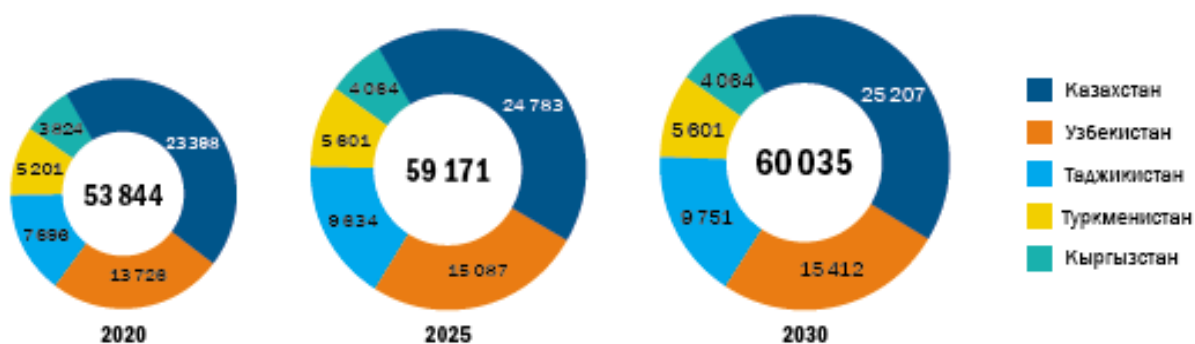
5. ROBOTICS – Роботизация. Избавление квалифицированного персонала от рутинной работы в виде написания отчетов, составления графиков перебоев электропитания, составление отчетов по электроаудиту и т.д.

Почему Bigdata?

Если мы зададимся целью сохранять информацию обо всех процессах и параметрах в электросетях с разрешением хотя бы 20 микросекунд, что достаточно для исследования переходных и прочих процессов в электросети, это приведет к необходимости производить 50 тысяч измерений в секунду. Если мы хотим отслеживать хотя бы 100 параметров, включая спектр гармоник, напряжения, токи, различные виды мощности, то количество данных возрастает до 5 млн в секунду. При стандартной оцифровке данных в 16 бит – мы получим поток данных около 80 МБайт в секунду, передать, обработать и сохранить которые невозможно без специальных технологий Bigdata.

Энергетические стратегии Центральной Азии.

Проводимая в большинстве стран ЦА активная политика по увеличению генерирующих мощностей (увеличение на 12,4%, или на 6,6 ГВт – до 60 ГВт в 2030 г.) позволит удовлетворить растущий спрос в регионе. Основной вклад внесут Узбекистан (увеличение на 2,1 ГВт) за счет реализации крупных проектов ТЭЦ и ГЭС (АЭС на данный момент не включена в прогнозные расчеты), Таджикистан (на 2,1 ГВт) благодаря завершению и модернизации крупных проектов ГЭС, а также Казахстан (на 1,8 ГВт) за счет обновления оборудования на крупных ТЭЦ и проводимой целенаправленной политики по стимулированию ВИЭ [1; 2]. В результате ввода новых мощностей в ответ на увеличение нагрузки на электроэнергетический сектор ЦА ожидаемый прирост выработки электроэнергии может составить 15,1% с увеличением мощности с 222,1 до 255,6 ТВт·ч. (см. рис.3).

ИСТОЧНИК: составлено авторами по данным Fitch Solutions.

Рисунок 3. Прогноз объемов установленных мощностей в ЦА в 2021-2030 г., МВт

В последнее десятилетие трансграничная энергетическая взаимосвязанность стран Центральной Азии значительно улучшилась. Ряд преимуществ такой взаимосвязанности очевиден. Крупномасштабная энергетическая инфраструктура обеспечивает экономию за счет масштаба, прививает культуру сотрудничества и является мощным движущим фактором для обеспечения общей энергетической безопасности за счет долгосрочных взаимоотношений между странами региона.

Взаимные выгоды трансграничной энергетической связанности. Участие в более крупной энергетической сети и системе трубопроводов имеет несколько преимуществ. Это позволяет торговать энергоресурсами по конкурентоспособным ценам, способствует диверсификации источников энергии и маршрутов их передачи, а также обеспечивает более надежными услугами потребителей, поскольку сбои в системе можно быстро компенсировать за счет поддержки со стороны соседей. Плотная сеть также является ключом к успешному введению в действие переменных возобновляемых источников энергии в режиме реального времени. В сочетании с соответствующими регулятивными реформами объединение энергосистем служит катализатором для ускоренной интеграции рынка и подсоединения к глобальным производственно-сбытовым цепочкам. Хотя большинство стран ЦА богаты органическим топливом и гидроресурсами, некоторым странам действительно сложно удовлетворить спрос на электроэнергию за счет внутренних ресурсов, особенно Таджикистану и Кыргызстану. Сильным побуждающим фактором для регионального сотрудничества и партнерства является неравномерное распределение энергетических ресурсов в регионе и их сезонная взаимодополняемость. Поэтому создание умных межсетевых соединений во всем регионе, которые позволяют передавать энергию из стран с избыточным предложением в страны с высоким спросом, повысит уровень энергетической безопасности и экономические выгоды для всех сторон. Региональные межсетевые соединения также играют ключевую роль в укреплении доверия, необходимого для привлечения инвестиций, и смягчении политических ограничений. Установление связи между отраслями, работающими на природном газе и электроэнергии по разные стороны границ, может действительно оправдать мобилизацию инвестиций за счет увеличения размера рынка. Усиление конкуренции и снижение затрат приводят к беспроигрышной ситуации для всех участников, что, в свою очередь, создает благоприятную среду для более широкой экономической интеграции и торговли.

Совместная работа в региональных институтах. Существуют веские причины, по которым страны ЦА должны работать вместе не только при создании и эксплуатации физических соединений, но

также и при организации соответствующих структур регионального управления для решения вопросов, связанных с расширением энергосети, модернизацией энергетической инфраструктуры и другими операционными вопросами, такими, как обмен данными.

С этой целью страны ЦА должны приложить усилия для разработки концепции регионального органа – «Центрально-азиатской ассоциации сотрудничества операторов сетей передачи энергии (ЦААС ОСЭ)», которая объединит всех операторов систем электропередачи данного региона для планирования развития региональной сети (а не только их национальных сетей), а также для разработки правил и стандартов ее эксплуатации для всего региона. В идеале функции этого органа должны включать:

- разработку долгосрочного плана развития региональной сети, включая проекты, представляющие интерес для всего региона, с целью получения приоритетной поддержки;
- регулярное предоставление информации о спросе и предложении электроэнергии и газа на рынке;
- разработку гармонизированных общерегиональных правил эксплуатации системы.

Этот орган должен состоять из операторов систем электропередач всех стран и предоставлять соответствующие структуры для достижения консенсуса в процессе принятия решений (см. рис. 4). Он должен также содействовать торговле энергией в более долгосрочной перспективе.

По мере роста уровня объединения, страны ЦА станут более взаимозависимым и будут нести коллективную ответственность за предотвращение сбоев. Любой инцидент локального масштаба может иметь последствия для соседних стран и поэтому должен будет рассматриваться и разрешаться коллективно, в духе солидарности.

Достижение всеобщего доступа к энергии в разрезе всего региона. Достижение Цели устойчивого развития 7 (доступ к финансово доступной, надежной, устойчивой и современной энергии для всех) является важной региональной целью. На первый взгляд, эта цель может показаться скорее национальной, нежели чем региональной задачей. Однако потребности населения приграничных городов в газе и электроэнергии во многих случаях лучше и более

рентабельно удовлетворяются соседней страной, нежели чем за счет продления собственной национальной сети до данных городов.

Рисунок 4: Новая структура управления для планирования развития региональной сети

Хотя большинство потребителей в регионе подключены к сетям, ряд горных и сельских территорий все еще страдают от сложности или дороговизны охвата сетевой инфраструктурой. Следовательно, необходимо провести оценку возможности внедрения в нуждающихся сообществах автономных систем, предпочтительно функционирующих на основе возобновляемых источников. В этой связи необходимо обеспечить широкое распространение опыта и уроков пилотных проектов, реализованных в регионе и за его пределами. К 2030 году, необходимо обеспечить доступ к современным источникам энергии для потребителей во всех уголках региона ЦА независимо от их подключенности к сети.

Литература

1. Илолов М., Каримова С.М. О перспективах развития возобновляемой энергетики в Центральной Азии // Стратегические ориентиры политики государств Центральной Азии в условиях глобализации и регионализации: сборник научных статей. – Душанбе: РТСУ, 2019. – С.73-77.
2. Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии. Доклады и рабочие документы 21/3, Центр отраслевого анализа. – Алматы: Центр интеграционных исследований, 2021.
3. Сольева К.Ю., Гамилова Д.А. Мировые тренды развития энергетической отрасли в условиях технологических изменений «Индустрии 4.0» // Инновационная наука. – 2019. – №5.
4. <https://www.powerexpo.kz/ru/press-tsentr-shymkent/otraslevyeyenovosti/722-industriya-4-0-v-energetike>.

ФОРМАТ C5+1 (ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ+РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ) КАК ИНСТРУМЕНТ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Дмитриева М.О.

Кандидат политических наук,
старший преподаватель кафедры международных отношений
Дальневосточного Федерального университета
(РФ, Владивосток)

Давыдов З.В.

Старший преподаватель кафедры международных отношений
Дальневосточного Федерального университета
(РФ, Владивосток)

Традиционно приоритетным направлением внешней политики Республики Корея была Северо-Восточная Азия. Отношения с КНДР и проблема воссоединения и денуклиризации, непростые отношения с Японией и Китаем имеют первостепенное значение. Кроме того, РК является союзником Соединенных Штатов, что также влияет на проводимый внешнеполитический курс.

Сеул старается диверсифицировать свои внешнеполитические связи. Так, еще в 80-х гг. XX в., в период президентства Ро Дэ У (1988-1993), Корея инициирует Северную политику, которая была направлена на налаживание отношений с СССР и КНР, а также государствами социалистического лагеря.

Что касается постсоветского периода, дипломатические отношения между РК и новыми независимыми государствами Центральной Азии были установлены в 1992 г. Участие Сеула в делах региона можно разделить на два основных этапа. В первое десятилетие после обретения независимости республиками Центральной Азии Южная Корея оставалась в тени. Исключением можно назвать отношения с Узбекистаном, где она стала одним из главных экономических партнеров. В 2000-х годах, после короткого перерыва, её внимание расширилось и охватило другие республики. Президент Ли подчеркнул важность Центральной Азии в своих усилиях по диверсификации поставок энергии и снижению энергетической зависимости от Ближнего Востока [7].

Страны ЦА приветствовали активизацию политики Сеула в регионе, поскольку это способствовало диверсификации внешнеполитических связей Центральной Азии, экспортных маршрутов и источников инвестиций [4]. Кроме того, у РК отсутствуют какие-либо геополитические амбиции в этой части Евразии, что уберегает ее от негативных реакций, которые возникают у больших игроков – будь то Россия, Китай или страны Запада. Кроме того, успешная экспортная индустриализация в Корее сделала страну потенциальной моделью развития для Центральной Азии. На данный момент основным препятствием для экономических амбиций Южной Кореи в регионе является ее географическая удаленность. У Кореи нет общих границ с центральноазиатскими государствами, а у тех нет выхода к открытому океану, позволившему бы наладить морскую торговлю.

Доктринально сотрудничество Республики Корея со странами Центральной Азии получало импульсы в рамках различных концепций: «Global Korea» (2008 г.), «Новой Азиатской Инициативы» (2009 г.), «Евразийской инициативы» (2013 г.), «Новой северной политике» (2017 г.), которое было представлено на 3-м Восточном экономическом форуме во Владивостоке Мун Чжэином, провозгласившим т.н. инициативу «9 мостов» – базового плана экономического сотрудничества. Инициатива направлена на развитие сотрудничества с Россией и рядом других государств по девяти направлениям: судостроение, сельское хозяйство, энергетика, железнодорожный транспорт, газоснабжение, рыбное хозяйство, развитие морских портов, развитие промышленного комплекса в Приморье, а также совместное освоение Северного морского пути [3].

Эти инициативы имели разный успех в целом и в ЦА в частности. А их целью было позиционировать себя как «мост между развитыми и развивающимися странами», чтобы расширить свою международную роль и повысить свои рычаги влияния в качестве глобального политического и экономического игрока».

Но еще при администрации президента Но Му Хёна была принята Государственная комплексная стратегия продвижения Республики Корея в Центральную Азию. И тогда же начинается свою деятельность Форум сотрудничества «Центральная Азия — Республика Корея», который был создан для обсуждения планов укрепления

сотрудничества между Республикой Корея и Центральной Азией в таких различных областях, как политика, экономика, культура и общество, путем участия специалистов различных кругов и представителей правительств каждого государства [5]. Таким образом, данный формат сотрудничества со всеми государствами Центральной Азии по формуле «С5+1» стало воплощением всеобъемлющего сотрудничества между Кореей и пятью центральноазиатскими странами.

За время своего существования Форум увеличивал свой вклад в расширение сотрудничества в сферах, обладающих большим потенциалом двустороннего и многостороннего взаимодействия, а именно:

- передача корейского опыта экономического развития,
- опыта создания особых экономических зон,
- опыта в области сельского хозяйства, культуры, образования, здравоохранения и медицины, энергетики, научных технологий,
- опыта развития и использования государственных территорий [6].

В 2017 г. было объявлено об официальном создании Секретариата, который позднее был учрежден в Корейском Фонде международного обмена. Целями создания этого органа являются:

- Поддержка эффективного проведения Форума Сотрудничества «Центральная Азия – Республика Корея»;
- Поиск перспективных областей нового сотрудничества и проектов;
- Поддержка в систематическом выполнении и управлении открытых на форуме проектов;
- Укрепление взаимовыгодных отношений по сотрудничеству между странами-участницами Форума.

Секретариат Форума Сотрудничества «Центральная Азия – Республика Корея» избрал следующие 6 перспективных областей для сотрудничества в качестве приоритетных направлений среднесрочного и долгосрочного взаимодействия и проводит поиск и осуществление данного сотрудничества по областям:

- Транспорт и логистика – Создание в Центральной Азии комплексной логистики и налаживание системы перевозок.

- Энергетика – Сотрудничество в области рационализации энергетики и создания новых источников энергии.
- Модернизация и диверсификация промышленности - Обмен опытом Республики Корея в управлении особыми экономическими зонами и приватизации государственных предприятий & сотрудничество в области новых технологий.
- Изменение климата и Экология – Расширение сотрудничества в области лесного хозяйства и экологически чистых проектов.
- Здравоохранение и Медицина – Воспитание медицинских кадров и активизация медицинских взаимобмен.
- Образование и Культура – Построение сети руководителей нового поколения и расширение спортивных и культурных взаимобмен.

Примечательно, что работа Форума не была остановлена во время пандемии коронавируса. И даже продолжила свое развитие. Так, в 2020 г. для содействия всестороннему экономическому обмену и сотрудничеству между Кореей и пятью странами Центральной Азии был создан Деловой совет Корея-Центральная Азия. В качестве организаций-членов с корейской стороны участвуют Секретариат Форума сотрудничества Корея-Центральная Азия и Корейская ассоциация международной торговли (KITA), а со стороны стран Центральной Азии, в свою очередь, участвуют Международная торгово-промышленная палата Казахстана и торгово-промышленные палаты Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

Из последних мероприятий, которые были проведены, – это церемонии запуска сети живого наследия Шёлкового пути, проведение онлайн-ярмарки «Республика Корея-Центральная Азия 2021», вебинар для специалистов в области инфекционных заболеваний из стран Центральной Азии.

Помимо обозначенного выше Форума по сотрудничеству «Республика Корея — Центральная Азия» и содействия развитию, которое осуществляет РК через участие в Комитете содействию развитию (DAC) ОЭСР, существует официальное корейское агентство помощи — Korea International Cooperation Agency (Корейское агентство международного сотрудничества, KOICA), которое занимается обучением и стажировками в Сеуле чиновников централь-

ноазиатских государств. Однако в основном сотрудничество РК со странами региона концентрируется вокруг взаимных экономических интересов и подпитывается наличием историко-культурных связей [1].

Безусловно, корейский вариант формата сотрудничества «С+1», как и подобные структуры в исполнении Японии, Соединенных Штатов, Китая и других стран не лишен изъянов и зачастую подвергается критике за низкую эффективность. Однако стоит признать, что он выгоден двум сторонам. Южной Корее он позволяет «наиболее комплексно воспринимать задачи развития региона Центральной Азии и координировать общие интересы в области развития и сотрудничества со всеми пятью государствами, поскольку двусторонние отношения РК со странами ЦА не являются равнозначными по объемам, сферам сотрудничества, а также интенсивности дипломатических отношений» [2]. Кроме того, это дополнительная площадка для Сеула для артикуляции в целом своего внешнеполитического курса и по частным вопросам. Для республик Центральной Азии сотрудничество с Кореей – это возможность диверсифицировать свой внешнеполитический курс, избегая попасть под чрезмерное влияние других внешних акторов, а также источник инвестиций, технологий и паттернов развития.

Литература

1. Алексенкова Е. Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС). URL: [https:// russiancouncil.ru/ analytics-and-comments/analytics/sravnitelnyy-analiz-deyatelnosti-sozdannykh-v-tsentralnoy-azii-formatov-5-1-s-uchastiem-ssha-yuzhnoy/](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sravnitelnyy-analiz-deyatelnosti-sozdannykh-v-tsentralnoy-azii-formatov-5-1-s-uchastiem-ssha-yuzhnoy/)
2. Буланакова М. Евразийский вектор политики Республики Корея: фактор Центральной Азии. URL: [https:// cyberleninka.ru/article/n/evraziyskiy-vektor-vneshney-politiki-respubliki-koreya-faktor-tsentralnoy-azii/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskiy-vektor-vneshney-politiki-respubliki-koreya-faktor-tsentralnoy-azii/viewer)
3. Волощак В., Лукин А. Российско-южнокорейское сотрудничество в рамках «Новой северной политики» Республики Корея:

- предварительные итоги. URL: https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/4f3/Известия%20ВИ_%202018-4-40_06.pdf
4. Мураталиева Н. Южная Корея в Центральной Азии: включение в Евразию. URL: <https://www.caa-network.org/archives/15513>
5. Форум Сотрудничества «Центральная Азия – Республика Корея». О Форуме. URL: <https://www.kf.or.kr/korcenRus/cm/cntnts/cntntsView2.do?mi=1921>
6. Форум Сотрудничества «Центральная Азия – Республика Корея». Приветственное слово. URL: <https://www.kf.or.kr/korcenRus/cm/cntnts/cntntsView2.do?mi=1924>
7. Fumagalli M. South Korea's engagement in Central Asia. URL: https://www.researchgate.net/publication/272747874_South_Korea's_engagement_in_central_asia

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В РАМКАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ И ГЛОБАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СТРУКТУР

Курбанмурадова О.М.

Начальник управления Центра стратегических исследований
при Президенте Республики Таджикистан

Из всего многообразия теоретических подходов к исследованиям международных отношений одним из наиболее продуктивных «макроподходов» при анализе региональных измерений, как выяснилось за последние пятнадцать-двадцать лет интенсивных исследований в этой области, является системный, так как он является комплексным, т.е. как бы «вбирает» в себя многое из того, что по отдельности реализуется в других подходах, но главное – позволяет теоретически выделять региональный уровень и региональные подсистемы (собственно «региональные подсистемы» и «региональные комплексы») в качестве самостоятельных аналитических объектов исследования. Кроме того, этот подход позволяет решать наряду с теоретическими и вполне практические, прикладные задачи: вычленять и сравнивать ключевые макрорегионы мира и уже на региональном уровне анализировать, как модифицируются общие (глобальные) закономерности применительно к более крупным, чем страны, макрорегиональным и региональным географическим/историческим /историко-культурным/цивилизационным образованиям, региональным организациям разного типа, собственно странам, трансграничным регионам, а также применительно к внутристрановым регионам. Вычленение регионального уровня анализа как теоретическая и практическая проблема одновременно позволяет более адекватно и корректно подойти к проблематике страновой специфики, так как ставит ее в контекст региональных (т.е. модифицированных применительно к конкретной группе связанных определенными общими основаниями объектов) закономерностей, а не интуитивных неформализованных историософских умозаключений страноведческого характера.

Вопросы о региональных и субрегиональных подсистемах, связанные с новейшими трендами современных международных от-

ношений – глобализацией, регионализацией и фрагментацией, как и само понятие региона и в связи с этим конкретное региональное членение мира, являются дискуссионными в мировых общественных науках. Однако от результатов этой дискуссии в конечном счете зависит, какой мир мы увидим в самом близком будущем, так как проблематика регионального уровня непосредственно связана с практикой международных отношений и дипломатии.

Определив понятие глобализации и регионализации важно отметить макроэкономические показатели Пространства стран Центральной Азии, где образуется рынок с численностью населения 75,3 млн. человек. В 2020 году суммарный ВВП стран ЦА составил 291,1 млрд. долл., внешнеторговый оборот – 142,5 млрд. долл. (табл. 1).

Таблица 1

Макроэкономические показатели стран ЦА

Страны	Население (млн. чел)	Внешнеторго- вый оборот (млрд.долл.)		ВВП (в млрд.долл.)		ВВП на душу населе- ния (долл.)	
		2019	2020	2019	2020	2019	2020
Казахстан	18,9	96,1	85,0	181,7	169,8	9812	9056
Узбекистан	34,5	41,8	36,3	57,9	57,7	1724	1686
Туркмени- стан*	6,1	13,9	13,9	46,8	48,0	7724	8074
Кыргызстан	6,6	6,9	5,7	8,5	7,7	1323	1290
Таджикистан	9,3	4,5	4,6	8,3	7,9	873	834
Итого	75,3	168,2	145,5	303,2	291,1		

Источник: Статистические ведомства стран ЦА

Экономики стран ЦА в последние годы имели высокие темпы роста в пределах 5-7%, и даже в кризисный 2020 год темпы роста были отрицательными только в Казахстане и Кыргызстане. По прогнозам Всемирного банка, страны ЦА в 2021 году смогут восстановить положительную динамику роста ВВП и нарастить темпы роста в 2022 году (табл. 2).

Таблица 2

Динамика темпов роста ВВП стран ЦА (в %)

	2017	2018	2019	2020	2021 (**прогноз)	2022г. (**прогноз)
Казахстан	4,1	4,1	4,5	-2,6	2,5	3,5
Узбекистан	4,5	5,4	5,6	1,6	4,3	4,5
Туркменистан*	6,5	6,2	6,3	1,8	-	-
Кыргызстан	4,5	3,8	4,5	-8,6	3,8	4,5
Таджикистан	7,1	7,3	7,5	4,5	3,5	5,5

Источник: Статистические ведомства стран ЦА

Несмотря на то, что страны ЦА в разной степени открыты для международной и региональной торговли, перемещения труда и капитала, они имеют большой потенциал для налаживания между собой более тесных кооперационных связей и интеграционного взаимодействия.

В 2020 году суммарный товарооборот (ТО) (товарами без учета торговли услугами) между странами ЦА составил 12,2 млрд.долл., общий внешнеторговый оборот – 145,5 млрд.долл.

Таким образом, доля внутрирегиональной торговли от общего внешнеторгового оборота стран ЦА составила 8,4% (табл. 3).

Таблица 3

Взаимная торговля (товарами) между странами ЦА в 2020г.

(в млн.долл.)

Страны ЦА	Казах- стан	Кыргыз- стан	Таджи- кистан	Туркме- нистан	Узбекис- тан	Всего	Доля ТО со странами ЦА в общем ТО (в %)
Казахстан	-	796,2	791,4	128,0	2916,5	4632,1	5,5
Кыргызстан	794,1	-	37,3	11,8	341,3	1184,5	21,0
Таджикистан	909,7	36,8	-	7,8	333,8	1288,1	28,3
Туркменистан*	145,9	8,0	12,2	-	440,3	606,4	4,5
Узбекистан	2856,3	878,6	360,6	342,4	-	4437,9	13,3
Всего	4706,0	1719,6	1201,5	490,0	4031,9	12149,0	

Источник: Статистические ведомства стран ЦА

В то же время, следует отметить, что степень участия стран ЦА во взаимной внутрирегиональной торговле разная.

Так, доля Казахстана и Туркменистана в объеме торговли между странами ЦА от их общего товарооборота самая низкая и составляет 5,5% и 4,5% соответственно. Участие Таджикистана и Кыргызстана во внутрирегиональной торговле самая высокая, и составляет 28,3% и 21,0% соответственно. Узбекистан занимает промежуточную позицию с показателем 13,3%.

Внешняя торговля Казахстана и Туркменистана в меньшей степени ориентирована на региональный рынок из-за преобладания в их экспорте углеводородов, которые в основном поставляются в страны дальнего зарубежья (страны Европы, Китай, Россия), и большая часть импорта так же приходится на указанные страны (табл.4).

Таблица 4

Показатели распределения долей в общем товарообороте стран ЦА по странам и регионам в 2020г.

	Доля (в %) от общего товарооборота страны			
	страны ЦА	Россия	Китай	страны Европы
Таджикистан	28,3	21,3	10,4	21,6
Кыргызстан	21,0	27,6	13,8	23,8
Узбекистан	13,3	15,5	17,7	36,4
Казахстан	5,5	21,4	18,1	36,8
Туркменистан*	4,5	5,1	65,7	10,0

Источник: Статистические ведомства стран ЦА

Несмотря на то, что основную часть товарного экспорта стран ЦА составляют ископаемые природные ресурсы и продукты их первичной переработки (до 70-80% всего товарного экспорта), этими товарами страны региона торгуют друг с другом в гораздо меньшей степени, чем продают их за пределы региона.

В частности, в 2020 году доля золота, которое поставляется в Швейцарию или Великобританию в общем объеме экспорта Таджикистана составила – 58,1%, Кыргызстана – 50,2% и Узбекистана – 38,3%. В общем объеме экспорта Казахстана около 66% составил экспорт минеральных продуктов, которые поставляются в основ-

ном в страны Евросоюза. Основная доля экспорта Туркменистана, почти 70-80%, приходится на Китай, куда в основном экспортируется туркменский природный газ.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод о том, что основными перспективными направлениями сотрудничества стран Центральной и Южной Азии являются прокладка новых транспортных коридоров, обеспечивающих выход стран ЦА к южным морским портам, сотрудничество в энергетической сфере (экспорт электроэнергии), поощрение взаимных инвестиций, а также расширение и диверсификация внешней торговли.

Следует отметить, что дальнейшему развитию экономического сотрудничества между странами Центральной и Южной Азией будет содействовать скорейшее урегулирование ситуации в Афганистане, который является мостом между двумя регионами.

В связи с этим реализация на территории Афганистана транспортных и энергетических проектов будет создавать условия для расширения возможностей по наращиванию торгово-экономических и инвестиционных связей, усиления транспортно-коммуникационного взаимодействия между странами Центральной и Южной Азии.

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В БОРЬБЕ С ПАНДЕМИЕЙ COVID-19 НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

Курылев К.П.

Доктор политических наук,
профессор кафедры теории и истории международных
отношений РУДН, директор Центра исследований постсоветских стран,
главный редактор журнала «Постсоветские исследования» (РФ, г. Москва)

Пандемия коронавируса (COVID-19) стала серьезным вызовом для системы здравоохранения всех стран мира. По данным ВОЗ, за период с начала 2020 г. по 1 декабря 2021 г. в мире за зарегистрировано 262 млн. подтвержденных случаев COVID-19, из них 14 млн. случаев было выявлено в ноябре 2021 г. (прирост по сравнению с числом на конец октября составил 5,6 %). За время пандемии от этого заболевания скончались 5,22 млн человек, из них 0,2 млн человек (4,0 %) – в течение ноября 2021 г. Не стала исключением и ситуация в государствах-участниках СНГ. За тот же период в них было зарегистрировано 16 млн подтвержденных случаев COVID-19, а число умерших составило 0,4 млн человек. В течение ноября 2021 г. общее число заболевших в целом по СНГ увеличилось на 1,5 млн человек (или на 10%), число умерших – на 49 тыс. человек (плюс 13%) [8].

Остановимся отдельно на ситуации в государствах Центральной Азии.

По данным ВОЗ, на сегодняшний день Казахстан представил данные о 1063809 инфицированных, подтверждено 18064 случаев смерти. В Кыргызстане – 184027 заболевших с подтвержденным диагнозом COVID-19, 2773 умерших. В Таджикистане – 17493 заболевших, 125 умерших. Узбекистан (196094 заболевших, 1442 умерших) [9]. Особняком в этом списке стоит Туркменистан, который не публикует данные не только о количестве зараженных коронавирусом, но и о заболевших пневмонией.

Приоритетными направлениями внешней политики России являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками СНГ и углубление и расширение интеграции в рамках ЕАЭС. Именно в рамках данных структур раз-

вернута масштабная работа по реагированию на распространение COVID-19 и минимизации ее негативных последствий.

Россия с самого начала распространения по миру COVID-19 помогает многим странам, пострадавшим от болезни. Как и другие государства-доноры, она направила гуманитарные усилия на противодействие распространению новой коронавирусной инфекции.

Напомним, что международная гуманитарная помощь – помощь, которая оказывается жителям стран или регионов, оказавшихся в нужде из-за природных катастроф, конфликтов или иных обстоятельств. Эта помощь носит срочный характер, поскольку нацелена на решение точечных, конкретных проблем, что отличает ее от иных видов международной помощи, целью которых, как правило, является решение долгосрочных задач.

Согласно докладу компании Development Initiatives, в 2020 г. объем международной гуманитарной помощи от государственных и частных доноров составил 30,9 млрд долл. Объемы международной гуманитарной помощи неуклонно увеличивались в период с 2012 по 2018 год, достигнув в 2018 г. пика в 31,3 млрд долл. В 2020 г. последствия пандемии Covid-19 усугубили ситуацию, что привело к значительному увеличению потребностей в помощи [6].

В России приоритеты оказания зарубежным странам помощи, в том числе гуманитарного характера, определены в Концепции государственной политики в сфере содействия международному развитию (СМР) 2014 г. Гуманитарная помощь предоставляется органами власти в рамках государственных программ, в частности госпрограммы «Внешнеполитическая деятельность», и в целом как часть международной деятельности государства. Согласно сведениям, которые Россия представляет в ОЭСР, в 2018 г. на гуманитарную помощь зарубежным странам было израсходовано 15,5 млн долл.

По состоянию на середину августа 2020 г. Россия оказала помощь в борьбе с коронавирусом не менее чем 46 странам в основном по двусторонним каналам. С точки зрения географии российская помощь распределялась следующим образом. Приоритетным регионом для России было ближнее зарубежье. 48 из

114 зафиксированных наблюдений (42%) пришлось на СНГ, прежде всего на республики Центральной Азии, Армению и Беларусь.

Российскую гуманитарную помощь для борьбы с коронавирусом, предоставленную в 2020 г., можно разделить на шесть категорий.

1. Наиболее распространенной формой помощи, оказанной РФ, стали тест-системы для диагностирования коронавируса, разработанные Государственным научным центром вирусологии и биотехнологии «Вектор» Роспотребнадзора. Именно с помощью тест-систем российского производства удалось выявить первых заболевших в Таджикистане.

2. Еще одной распространенной формой гуманитарной помощи из России были средства индивидуальной защиты: медицинские маски, защитные костюмы, перчатки, очки и пр.

3. Страны получили медицинское оборудование: аппараты искусственной вентиляции легких, бесконтактные термометры, оборудование для медицинских комплексов и др.

4. Россия направляла персонал для помощи в борьбе с коронавирусом.

5. Предоставление различных медикаментов в качестве помощи.

6. Поставки дезинфицирующих средств, продуктов питания или выделение денег [1].

По типу субъекта, который оказывал гуманитарную помощь в России, все включенные в базу данных поставки можно разделить на три группы:

1. Основную часть поставок составляет официальная помощь по линии Правительства РФ или региональных органов власти. Непосредственно вовлечены в реализацию такой помощи Роспотребнадзор и Федеральное медикобиологическое агентство (ФМБА России) вместе с подведомственными им учреждениями, если речь идет о поставках тестов на коронавирус, средств индивидуальной защиты, медицинского оборудования и медикаментов. Минобороны России, Минздрав России, Роспотребнадзор и ФМБА России направляют за рубеж своих специалистов для оказания медицинской помощи и проведения санитарно-противоэпидемических мероприятий. Конечным звеном в передаче помощи зачастую выступает МИД России в лице посольств. Внешнеполитическое ведом-

ство играет ключевую роль в процессах, связанных с достижением соответствующих договоренностей и организацией доставки российских гуманитарных грузов.

2. В отдельную категорию была выделена официальная помощь, которая оказывалась по линии международных организаций. В таких случаях организатором поставки гуманитарного груза, финансируемого за счет российских средств, или направления специалистов выступала международная организация.

3. К третьей группе относится помощь по линии других российских организаций, не являющихся органами власти. Условно эту группу можно назвать неправительственной, хотя в ряде таких случаев поставки осуществлялись или финансировались организациями, которые являются государственными или находятся под контролем государства.

- коммерческие и финансовые организации: Российский фонд прямых инвестиций, госкорпорация «Росатом», АО «Рособоронэкспорт», дочерние компании АО «Зарубежнефть», структуры банка ВТБ;

- некоммерческие организации: Русская гуманитарная миссия, Российский фонд мира, Фонд «Российский общественно-политический центр», Императорское православное палестинское общество и благотворительный фонд «РУССАР» [1].

Отдельно остановимся на проблеме вакцинации от COVID-19 в странах Центральной Азии. Она развивается по-разному.

В **Казахстане** вакцинация от коронавируса стартовала 1 февраля 2021 г. На первых порах защиту получали наиболее уязвимые группы населения, а по мере поступления вакцины охват постепенно расширялся. На тот момент жителей республики прививали только «Спутником V», который сначала импортировали, а затем начали производить у себя с использованием субстанции из России. С 26 апреля в республике для иммунизации населения начали применять препарат QazVac, разработанный НИИ проблем биологической безопасности Министерства образования и науки Казахстана. Тогда же, в конце апреля, Казахстан закупил крупную партию вакцины Hayat-Vax, производимой в ОАЭ по технологии китайской компании SinoPharm. В начале июня в республику поступила первая партия китайской вакцины CoronaVac. В июне начались клини-

ческие исследования ещё одной местной вакцины QazCoVac-P. Также используются вакцины от Sinopharm и Pfizer. Всего привито против коронавирусной инфекции первым компонентом более 8,2 млн человек, охват подлежащего вакцинации населения составил 71,9%, или 43,4% от численности населения, вторым компонентом привито около 7,4 млн человек с охватом 64,6% подлежащего населения, или 39% от численности населения по данным на начало ноября 2021 г. [2]

Вакцинация в Кыргызстане стартовала относительно недавно и пока затрагивает только людей из групп риска. До массового охвата пока не дошло из-за недостатка вакцин. По информации на 10 августа кыргызстанцы могут вакцинироваться следующими препаратами: Astra-Zeneca, Sinopharm, Спутник V. Первую партию из России республика получила на безвозмездной основе в конце апреля 2021 г. Сейчас изучается возможность локализации производства нашей вакцины в республике. В то же время Индия из-за сложной эпидемиологической ситуации на своей территории отказала Кыргызстану в поставках вакцины CoviShield. В Кыргызстан доставлено 1,5 млн доз вакцины Sinopharm. По данным Минздрава, на 14 декабря в стране вакцинировано первой дозой 1165204 чел., второй – 947399 чел. [7]

Иммунизация населения Таджикистана от коронавируса стартовала 22 марта 2021 г. На начальном этапе из-за нехватки вакцины прививали только жителей Душанбе из групп риска. На сегодняшний день в стране доступны такие препараты для иммунизации, как Спутник V, Covishield, CoronaVac и Moderna и Pfizer. Буквально на днях, 12 декабря, в страну завезли 460 350 доз вакцин, из них 157950 доз Pfizer и 302400 доз Astra-Zeneca. На данный момент в Таджикистане вакцинировано 3,2 млн человек, что составляет более 55% взрослого населения. Оба этапа вакцинации на данный момент прошли 2,4 млн жителей, или 46% населения [3].

С самого начала пандемии власти Туркменистана отрицали проникновение коронавируса в страну. Но в то же время в республике официально идёт вакцинация от Ковид-19 групп населения с повышенным риском заражения. Точная дата её начала нигде не упоминается. По официальным данным, в Туркменистане используются российские препараты Спутник V и Эпи Вак Корона, китайские

ВIOwak и CoronaVac. Также СМИ сообщали о поступлении в страну небольших партий вакцин производства Astra-Zeneca и Pfizer. Данных о количестве вакцинированных в Туркменистане нет.

Кампания по вакцинации жителей Узбекистана от коронавируса началась 1 апреля. С 28 сентября в республике также стали делать прививки детям старше 12 лет. В настоящее время в стране получают защиту с помощью препаратов от разных производителей: узбеко-китайская ZF-UZ-VAC 2001; российские Спутник V и Спутник Лайт, американская Moderna, американо-немецкая Pfizer, шведско-британская Astra-Zeneca, китайская Corona-Vac. Чаще всего используется трёхкомпонентная вакцина ZF-UZ-VAC2001 [5]. Также применяются российский «Спутник V», производство которого начато в республике. На сегодняшний день полный курс вакцинации прошло 55% населения.

Как видно, хотя все пять стран Центральной Азии зарегистрировали Спутник V, но ни одна из них не рассчитывает исключительно на Россию. Страны региона практикуют многовекторную внешнюю политику и не хотят полагаться на какого-либо одного поставщика, который начал бы обладать эксклюзивным политическим влиянием.

Центральная Азия остается особым геополитическим пространством, где в пандемический период проецируется дипломатия вакцин со стороны России, Китая, западных стран при одновременных попытках налаживания производства внутри региона. Переплетение различных геополитических акцентов в вакцинной дипломатии оказывает влияние на несколько кластеров в регионе. Выбор основного партнера в сфере вакцинации в Центральной Азии повлияет не только геополитику, но и обусловлен также внутривнутриполитическими, в том числе экономическими факторами. Есть три фактора, которые влияют на окончательные решения центральноазиатских правительств. Во-первых, группа внешних или геополитических факторов. Это выбор между Россией, Китаем и Европой, которые являются основными геополитическими игроками в регионе. В этом смысле это выбор не основной вакцины, а страны-партнера. Во-вторых, это экономические факторы, стоимость доставки вакцины и ее обслуживание. К этому же относится проблема с паспортами прививок. В-третьих, самая важная проблема заключается в

том, что странам Центральной Азии просто нужно как можно больше вакцин и как можно быстрее внедрить их, независимо от того, где они производятся [4].

События 2020-2021 г. показали, что глобальные пандемии все также способны коренным образом менять ход человеческой истории, оказывая прямое воздействие на национальное и международное право, экономические и политические процессы, вклиниваясь в двусторонние и многосторонние отношения. На сегодняшний день, когда пандемия коронавируса COVID – 19 ещё далека от своего завершения и ее волны следуют одна за другой, существует уникальная возможность для государств, по крайней мере постсоветского пространства и Центральной Азии, в частности, сблизиться для объединения усилий в борьбе с этим злом, что в постковидном мире даст новые возможности для развития отношений.

Литература

1. Аналитическая записка «Гуманитарная помощь против коронавируса. Кому и как помогала Россия во время пандемии COVID-19? URL: https://cpur.ru/research_pdf/russian-anti-covid-aid-2020.pdf
2. Более 7 млн казахстанцев полностью привились от коронавируса. URL: https://www.inform.kz/ru/bolee-7-mln-kazahstancsev-polnost-yu-privilis-ot-koronavi-rusa_a3853599?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
3. В Таджикистане от COVID-19 вакцинирована почти половина взрослого населения. URL: <https://avesta.tj/2021/10/22/v-tadzhikistane-ot-covid-19-vaktsinirovana-pochti-polovina-vzroslogo-naseleniya/>
4. Дипломатия вакцин в Центральной Азии: геополитика, бизнес и мягкая сила. URL: <https://cabar.asia/ru/diplomatiya-vaktsin-v-tsentralnoj-azii-geopolitika-biznes-i-myagkaya-sila>
5. Журнал Lancet опубликовал статью о "Спутник Лайт". URL: <https://uz.sputniknews.ru/20211103/jurnal-lancet-opublikoval-statyu-o-sputnik-layt-21214827.html>
6. Development Initiatives. URL: <https://devinit.org/>

7. COVID-19. Еще 1,5 миллиона доз вакцины Sinopharm доставил в Кыргызстан Китай. URL: https://24.kg/obschestvo/217167_COVID-19_esche15_millions_doz_vaktsinyi_Sinopharm_dostavil_vkyirgyi_zstan_kitay/
8. World Health Organization. URL: <https://covid19.who.int/>
9. WHO Coronavirus (COVID-19) Dashboard. URL: <https://covid19.who.int/table>

ОБРАЩЕНИЕ К ПРОШЛОМУ КАК ФАКТОР ВОСПРОИЗВОДСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА ГОСУДАРСТВ

Кабазиев М.Ш.

Заместитель председателя Правления Института внешнеполитических
исследований МИД Республики Казахстан
(Республика Казахстан, г. Нур-Султан)

Современная политическая система является совокупностью взаимодействий политических субъектов (как государственных, так и негосударственных институтов), функционально связанных с осуществлением власти и управлением обществом. При этом они не только формулируют и воплощают в жизнь коллективные цели общества или составляющих его групп, но и в политико-культурном смысле обеспечивают определенную гомогенность политически организованного сообщества. В данном случае общий аксиологический базис выступает в качестве обязательного компонента процесса нормального функционирования политической системы. Однако его формирование является проблемой, т.к. ценности, традиции, мифологемы и нормы являются социокультурным продуктом, возникающим в ходе исторического развития сообщества в большей степени непреднамеренно, нежели в результате сознательного их конструирования различными акторами. Для современной политической системы исторически обусловленная нормативно-ценностная система общества создает пространство смыслов и значений, которое обуславливает конструирование общих динамичных рамок социальной реальности. И одним из важных факторов, характеризующих процесс конструирования и параметры функционирования нормативно-ценностной системы общества, является коллективная память.

Обращение к прошлому играет важную роль в формировании и воспроизводстве национальной идентичности. Есть несколько аспектов влияния коллективной памяти на процесс складывания национальной идентичности. В первую очередь это и создание символического образа нации, также способы поддержания демаркационных различий в сообществах, возможности общего понима-

ния прошлого разными поколениями, способствующие сохранению культурной преемственности. Для возникновения национальной идентичности население, как писал Э.Смит, «следует учить тому, кто они, откуда они произошёл и к чему они идут» [17, с.184].

Подход к национальной идентичности получил в литературе название гражданского национализма. С гражданским национализмом, рассматривающим нацию как население страны вне зависимости от этнической принадлежности ее жителей, соседствует этнический, или титульный, национализм. Эта разновидность национализма опирается на этническое понимание нации, в соответствии с которым нацию составляет только титульный этнос, давший государству свое имя. Само государство с позиции титульного национализма трактуется как собственность титульного этноса, смыслом существования которого является защита культуры этого этноса.

Решающее значение национальной идентичности в идентичности современного человека связано как раз с тем, что интерес государства определяет деятельность всех основных сфер общества, а, следовательно, человека как социального существа. Национальная идентичность несет в себе сильный эмоциональный заряд связи индивида со своей нацией и государством. Каждая нация имеет или стремится иметь свое государство, точно так же, как каждое государство есть государство определенной нации. Поэтому связь индивида с нацией выражается через его связь с государством, как верно и то, что связь индивида с государством есть его связь с нацией. У государства есть свои символы, церемонии и ритуалы, являющиеся по существу национальными символами, церемониями и ритуалами. Участие в этих церемониях и ритуалах, несущее в себе сильную эмоциональную нагрузку, дает гражданам чувство сопричастности с нацией и государством, формирует и укрепляет их национальную идентичность.

Население большинства современных национальных государств является полиэтническим по своему составу. Моноэтнические нации, состоящие из одного только этноса, являются на сегодняшний день большой редкостью. Поскольку государство является представителем нации и в то же время активным формирующим её субъектом, то для создания устойчивой нации из своего полиэтнического населения государство должно учитывать интересы всех

составляющих нацию этносов. Речь идет не только об экономических или политических интересах, но также и о культурных, религиозных, языковых и подобных интересах. Эти группы интересов тесно связаны между собой, поскольку они выражаются через близкие по своему содержанию и структуре символы.

В качестве социальной доминанты, организующей и направляющей жизнедеятельность отдельных людей в определенное русло и служащей стержневым принципом их органического соединения, рассматривается национальное самосознание. Для понимания понятия «коллективная идентичность» обратимся для начала к раскрытию понятия «национальная идентичность». Нация существует там, где совпадают составляющие ее политическое и культурное сообщества. Инструментом, которое осуществляет такое совпадение, является национальная идентичность. Отсюда можно понять то исключительное, принципиальное значение, которое имеет национальная идентичность для формирования нации. Без национальной идентичности невозможно зарождение и сколько-нибудь устойчивое существование нации, ее поступательное развитие.

Как политическое сообщество, нация немыслима без своего (национального) государства. У истоков изучения коллективной памяти стоял французский социолог М.Хальбвакс (1877-1945), создавший в 1920-1940-е гг. теорию «collectivememorystudies» не утратившую свое значение до сих пор. Главное открытие М.Хальбвакса – коллективная память как культурный феномен. До него в гуманитарных исследованиях речь шла только об индивидуальной памяти. Большое влияние на ученого оказали работы его соотечественников. Прежде всего философа А.Бергсона, в трудах которого тема памяти занимает одно из центральных мест, а также взгляды Э.Дюркгейма на коллективное сознание как социальный феномен. Однако М.Хальбваксу удалось выстроить собственную оригинальную теорию. Именно он стал первооткрывателем не как индивидуального, а как коллективного феномена. До сих пор его методологические разработки относительно коллективной памяти остаются авторитетными и востребованными в современных гуманитарных науках. По мнению М.Хальбвакса, коллективная память – это особая форма социально конструируемой и транслируемой

индивидуальной памяти, которая меняется в связи с потребностями и связями внутри группы индивидов, где она существует.

Основная идея данной статьи заключается в том, что память способна выдержать испытание временем только в социальной группе, индивидуальные образы прошлого неустойчивы и недолговечны. Память индивида подчинена правилам формирования коллективной памяти и чисто выражает идеальные потребности той или иной группы. «Невозможна память, - пишет М.Хальбвакс – вне референциальных рамок, на которые опираются живущие в обществе люди, чтобы зафиксировать и удержать свои воспоминания» [8, с.57]. Индивид, живущий вне общества, не имел бы никакой памяти, которая возникает лишь в процессе социализации. Индивидуальная память отдельного человека формируется во многом под воздействием социума.

Таким образом, память отдельного человека зависит от контекста коллективной памяти или обращения к прошлому, хотя сам индивид зачастую и не осознает этого. Субъектом памяти является отдельный человек, но он зависим от социальных рамок, организующих его память. Со временем различные варианты индивидуальной памяти сливаются в стереотипные образы, которые и придают форму коллективной памяти. При каждом мысленном обращении к прошлому отличительные образы индивидуальной памяти стираются. Такие воспоминания образуют концептуальные схемы («социальные рамки»). В них размещаются и индивидуальные воспоминания, которые должны соответствовать структуре коллективной памяти. Согласно М.Хальбваксу, индивидуальны лишь ощущения человека, связанные с его телом, а воспоминания неизбежно берут начало в мышлении социальных групп, членами которых являются индивиды. При этом социальные рамки «не сводятся к датам, именам и формулам, а напротив, представляют течения мысли и опыта, в которых мы находим наше прошлое» [7, с.25].

М.Хальбвакс выделяет несколько признаков коллективных воспоминаний. Первый из них – это отнесенность к определенному пространству и времени. Пространство – это значимые памятные («священные») места и окружающая обстановка, в той или иной степени воссоздающая их. Время связано с датами, напоминающими о тех или иных событиях. И эти события коллективно вспоми-

наются социальной группой вновь и вновь в форме праздников, юбилеев, панихид и т.д. Второй признак заключается в том, что коллективная память прочно связана со своими носителями. Кто транслирует ее, тот демонстрирует тем самым свою принадлежность к той или иной социальной группе. Таким образом, память имеет определенную отнесенность к группе, обозначает ее идентификацию. Коллективная память, по теории М.Хальбвакса, направлена на обеспечение идентичности группы. Такая память фиксирует реальные или вымышленные факты прошлого, поддерживающие единство группы, и «вырезает» то, что угрожает ее целостности.

Социальная группа как общность воспоминания смотрит на свое прошлое с двух основных позиций: своеобразия и долговечности. Формируя свои собственные образы прошлого, она стремится подчеркнуть различия с внешним миром, наоборот, преуменьшить внутренние различия. Помимо этого, она сохраняет, выстраивает и отбирает факты прошлого так, чтобы показать преемственность с настоящим. Когда группа осознает, что преемственность разрушена, она перестает существовать как коллектив, уступая место новым сообществам.

Третий признак коллективной памяти – её воссоздающий характер. Это означает, что память постоянно подвергается изменениям, чтобы соответствовать потребностям настоящего. Воспоминания о прошлом часто пересматриваются и поэтому ненадежны для реконструкции прошлого, как образы необходимы с учетом скрытых мотивов.

Одним из тех, кто выдвинул идеи, ставшие категориальной основой для истории памяти, был немецкий философ Т.Адорно (1903-1969). В 1960-е годы он ввел в научный оборот понятие «проработка прошлого», что означало сознательные действия, направленные на искажение исторических фактов или их забвение. Опираясь на данную категорию, Т.Адорно затронул проблему возрождения неонацизма в Германии на почве забвения жертв гитлеровского тоталитарного режима [1, с.36].

В рамках данной статьи представляют интерес труды западных социологов П.Бергера и Т.Лукмана, изданные в 1960-е годы. Эти ученые убедительно доказали, что человеческая реальность – это реальность социально конструируемая. Согласно их выводам дей-

ствительность, в том числе и прошлое, представляет собой сплав объективной и субъективной реальности, по мнению ученых, необходимы следующие составляющие. Во-первых, «значимые другие», то есть окружение индивида, которое подкрепляет его идентичность. Во-вторых, общение посредством речи, письма, жестов. В-третьих, социальная среда, в которой живет человек, то есть «специфический социальный базис и требуемые для его поддержания социальные процессы» [2, с.301].

Большое значение для исследования формирования национальной идентичности имеет концепция английского историка Э.Хобсбаума, связанная с таким общественным явлением, как «изобретение традиций». Дискуссии о степени пластичности памяти были связаны в первую очередь с публикацией в 1983 г. сборника статей «Изобретение традиции» под редакцией Э.Хобсбаума и Т.Рэнджера. Направление, связанное с их подходом к социальной памяти, получило название «теория политики памяти». Здесь акцент делается на анализе того, как политически доминирующие группы манипулируют образами исторического прошлого и внушают массам определённую концепцию истории, легитимизирующую их политические цели и господство. Исследователи, принадлежащие к этому направлению, стремятся показать, как новые традиции и ритуалы произвольно конструируются в соответствии с текущими политическими реалиями и потребностями. Память фактически оказывается здесь тождественной политической идеологии. Таким образом, по мнению исследователей, посредством изобретения традиций люди пытаются установить связь с прошлым для легитимности настоящего. При этом Э.Хобсбаум отмечает, что существует разница между традицией и обычаем [15, с.17].

Однако в рамках данного подхода остаётся без ответа вопрос о пределах этого конструирования. Свободны ли люди (и особенно элиты) изобретать всё, что угодно? Есть ли тут какие-нибудь ограничения? А если нет, то почему далеко не всегда такое конструирование оказывается удачным?

Российский исследователь А.Г.Васильев считает, что ответом на этот вопрос «возник «динамически-коммуникативный» подход к социальной (культурной) памяти. Он делает акцент на существовании коллективной памяти в процессе социальной коммуникации и

на тех структурных ограничениях, которые накладываются контекстом на участников взаимодействия, желающих переинтерпретировать прошлое в своих интересах. С точки зрения этого подхода, память конструируется не только «сверху», правящими элитами, но и «снизу», со стороны подчинённых групп» [3, с.31].

В данной статье интерес представляет концепция структуры культурной памяти Я.Ассмана. В ней подчёркивается, что содержание культурной памяти может по-разному структурироваться в зависимости от интересов и видения мира той или иной социальной общности, в рамках которой создаётся «мемориальный нарратив». Культурная память может быть «горячей» и «холодной». «Горячая» культурная память ориентирована на динамику, развитие. Она концентрируется на уникальном, неповторимом в истории, переломных моментах взлёта, упадка, становления. «Холодная» опция культурной памяти, напротив, призвана сопротивляться изменениям и поэтому обращается ко всему регулярно повторяющемуся, неизменному, создавая образ прошлого как «вечного настоящего». Стимулировать «горячую» опцию более склонны «парии», низшие, угнетённые слои общества, заинтересованные в переменах. Господствующие классы, напротив, стремятся «охладить» память для увековечивания своего положения [13, с.41].

Одним из ведущих современных специалистов в области reasestudies Джоан Гальтунг была предложена концепция комплекса «избранность-миф-травма» (Chosenness-Myths-Traumacomplex) [14, с.58]. Избранность означает идею особой миссии народа. Идея избранности вызывает ощущение величия и способствует формированию мифа о славном прошлом, которое является прологом к славному будущему. Травматический опыт заключается в памяти об ущербе и страданиях, которые избранный народ претерпел от врагов в прошлом. Травма может подкреплять идею избранности, служить доказательством особого предназначения.

Оба элемента присутствуют в культурной памяти всех социокультурных общностей и формируют основы их идентичностей. Однако типологически разновидности «культур воспоминания» народов могут быть расположены на шкале, экстремумами которой будут понятия «триумф-травма».

Взаимодействие между национальным самосознанием и коллективной памятью впервые исследовал на примере Франции П.Нора, инициатор многотомного проекта «Места памяти». Предметом исследования в нем стали места, вещи и события, в совокупности составляющие материал, из которого конструируется коллективная память во Франции. Этими «символическими объектами» стали отдельные местности, памятники, события, ритуалы, символы и традиции, составляющие многообразие французской национальной идентичности: Пантеон, Жанна д'Арк, Триумфальная арка, словарь Ларусса, Стена коммунаров и еще десятки других. «Способ, каким составленные из этих обломков фрагменты прошлого дошли до нас, - говорит Нора, - то, как они возникали, исчезали, дробились на части и вновь использовались, и является тем, что создало нас» Французский ученый доказал тесную связь между коллективной памятью и идентичностью общества. По его мнению, нация – это «символическая реальность», которая опирается на «места памяти». Под местами памяти он подразумевает точки пересечения коллективного воспоминания и идентичности. Поэтому места памяти в трактовке П.Нора – в большей степени культурно-историческое, нежели географическое понятие [5, с.92].

Исследование темы национальной идентичности Казахстана под углом зрения этнокультурного символизма предполагает обращение к ряду проблем и противоречий национальной сферы казахстанского общества. Следует отметить, что многие из проблем и противоречий национальной сферы Казахстана имеют универсальный характер, то есть с ними сталкивается большинство государств и наций современного мира. Однако формы выражения этих противоречий имеют уникальный, конкретно-исторический и специфически-национальный характер. Не случайно для многих людей, включая тех, кто занимается национальной ситуацией Казахстана, эти проблемы и противоречия кажутся уникальными, присущими только нашей стране. Такие взгляды и представления, по мнению казахстанского политолога Р.К.Кадыржанова, проистекают во многом из незнания и непонимания теории нации и национализма. [4, с.33].

Одним из сложных и дискуссионных вопросов теории национализма является вопрос о соотношении нации и государства, в част-

ности, вопрос о роли государства в формировании нации. Национально-государственное строительство осуществляется по формуле, которую Энтони Смит определил как «нация на основе доминирующего этноса». Его концепция «этнического ядра» или «доминирующего этноса» описывает ситуацию, в которой социальные идентичности и солидарности, как в традиционных, так и в современных обществах, выстраиваются «вокруг доминирующего этноса, который притягивает другие этносы или их фрагменты в государство, которому он дает свое имя и культурные основания» [16, с.86]. Модель «доминирующего этноса» получила в современном мире большое распространение.

Развитие нации предполагает создание общности. Эта общность основана на общности языка, общности истории и активной коммуникации внутри общества. Так, исследователь Мирослав Хрох писал по этому поводу: «Многие из этих связей могли взаимно меняться ролями, играя особенно важную роль в одном процессе национального строительства и не более чем подчиненную в другом. Но три из них остаются абсолютно незаменимыми: во-первых, это «память» об общем прошлом, толкуемом как «судьба» группы или хотя бы ее ключевых элементов; во-вторых, плотность и интенсивность языковых или культурных связей, которые обеспечивают более высокий уровень социальной коммуникации в рамках группы, чем за ее пределами; в-третьих, концепция равенства всех членов группы, организованных в гражданское общество» [9, с.122].

Сегодня в социогуманитарной науке важным является и проблема изучения роли памяти в историческом конструировании коллективной идентичности. Процесс самоидентификации рассматривается как «процедура придания смысла» (на основе жизненного опыта или культурного присвоения унаследованного коллективного опыта). Социальное конструирование идентичности — сложный процесс, протекающий в контексте сменяющих друг друга исторических ситуаций и подверженный воздействию разнонаправленных сил и многочисленных случайностей. В этом динамичном контексте образы уходящей реальности проходят процедуру стереотипизации, взаимодействуют с уже, казалось бы, обветшавшими, но удивительно живучими старыми мифологемами, способными актуализироваться в новых исторических обстоятельствах и трансфор-

мироваться сообразно возникающим общественным потребностям. Социальная память «вырастает» из разделяемых или оспариваемых смыслов и ценностей прошлого, которые «вплетаются» в понимание настоящего и в проекции будущего. При этом прошлое оказывается не менее проективным, чем будущее.

Социально сконструированные исторические мифы, представления о прошлом, воспринимаемые как достоверные «воспоминания» (как «история») и составляющие значимую часть данной картины мира, играют важную роль в ориентации, самоидентификации и поведении индивида, в формировании и поддержании коллективной идентичности и трансляции этических ценностей. Решающая роль в конституировании коллективной идентичности принадлежит памяти о центральных событиях прошлого, будь то в модели «национальной катастрофы» или в модели «триумфа» [6, с.11].

Причиной и необходимым условием существования и функционирования коллективной памяти, - как справедливо считает В.Шнирельман, - является то, что каждая этническая группа возникает в какой-то особой исторической обстановке. Общий исторический опыт, сплачивает данную группу и отражается в виде коллективной памяти. Он отличает ее от других групп, составляя важную часть ее мифа о происхождении. Термин «миф» не означает, что описываемые события являются исключительно плодом фантазии. Речь здесь идет всего лишь о том, что «коллективная память» включает только те события прошлого, которые имеют огромное ценностное значение именно для данной этнической группы. Они выполняют функцию символической основы групповой идентичности и позволяют членам этой этнической группы четко дифференцировать себя от других [11, с.5-6].

Роль прошлого в этнической идентификации акцентируется многими современными авторами. Например, казахстанский исследователь Г.У.Шайкемелев подчеркивает, что «любая идентичность, в особенности национальная, имеет символическую природу. Взаимосвязь понятий нации, национальной идентичности и ее символизма раскрывается в современной литературе пониманием национализма как языка и символизма нации. Националистический язык и символизм соединяет эту националистическую идеологию с «массовыми чувствами» широких сегментов референтной группы

посредством слоганов, идей, символов и церемоний.» [10, с.75]. Л.М.Дробижева отмечает, что «в современных условиях унификации этнических культур наряду с неуклонным сокращением этнодифференцирующих признаков возрастает роль общности исторической судьбы как символа единства народа» [12, с.7]. Эти тезисы подтверждаются и результатами исследований В.А.Шнирельмана.

Прошлое выступает одним из ключевых параметров национальной идентификации, которая складывается в XIX веке из двух базовых компонентов — этнокультурного и территориально-государственного, «смешивающихся» между собой в разных пропорциях.

Итак, на основе концепций и теорий вышеуказанных ученых нами определены методологические положения исследования. Существуют несколько важных признаков коллективных воспоминаний. Во-первых, память ассоциируется с определенным временем и пространством. Время — это значимые даты, а пространство — памятные места. Во-вторых, коллективная память тесно связана с ее носителями и направлена на обеспечение их идентичности. Третий признак коллективной памяти заключается в том, что она постоянно меняется, пересматривается в связи с актуальными задачами настоящего.

Обращение к прошлому выполняет следующие функции. Во-первых, оно консолидирует общество и соединяет поколения, то есть три социальных мира: предшественников, современников и преемников. Другой важной функцией памяти является формирование «коллективной идентичности». Под ней подразумевается создаваемый той или иной группой в процессе «воображения» образ самой себя, с которым идентифицируют себя ее члены. Поскольку коллективная идентичность всегда основана на индивидуальном осознании социальной принадлежности, это понятие обозначает представления отдельных людей о собственном сходстве или родстве по отношению к другим. Формирование коллективной идентичности зачастую происходит в результате «травмы», связанной с потерей сообществом прежней идентичности в условиях кризисных явлений. Поэтому обращение к прошлому становится необходимым условием национального интереса для восстановления идентичности. Коллективная память также помогает людям ориентиро-

ваться в социальном пространстве. Она, конечно, служит основой для легитимации существующего порядка или, наоборот, противостоит ему. Таким образом, коллективная память является динамической структурой, которая выступает в качестве фактора конструирования и поддержания национальной идентичности в пространстве отношений национальных интересов государств.

Литература

1. Адорно Т.В. Что означает «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. Дебаты политике и культуре. – 2005. – №2-3 (40-41). – С. 36-37.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995. – 355 с.
3. Васильев А.Г. Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П.Репиной. – М.: Кругъ, 2008. – 800 с.
4. Кадыржанов Р.К. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана. – Алматы: Ин-т философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. – 168 с.
5. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // П.Нора, М.Озуф, Ж.Пюимех, М.Винок // Франция – память. – СПб., 1999. – С.17-50.
6. Репина Л.П. Память о прошлом и история // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П.Репиной. – М.: Кругъ, 2008. – 800 с.
7. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // неприкосновенный запас. Дебаты в политике и культуре. – 2005. – №2-3 (40-41). – С. 8-27.
8. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М., 2007. – 255 с.
9. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / Б.Андерсон, О.Бауэр, М.Хрох и др.; пер. с англ. и нем. Л.Е.Переяславцевой, М.С.Панина, М.Б.Гнедовского. – М.: Праксис, 2002. – С. 122.

10. Шайкемелев М.С. Казахская идентичность – Алматы: Ин-т философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013. – С.23.
11. Шнирельман В.А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнографическое обозрение. – 2003. – №4. – С.3-14.
12. Этническое самосознание русских в современных условиях: идеология и практика // Советская этнография. – 1991. – №1. – С. 7-12.
13. Assman J. Erinnern, um dazuzugehören. Kulturelles Gedächtnis, Zugehörigkeitsstruktur und normative Vergangenheit // Generation und Gedächtnis. Erinnerungen und kollektive Identitäten / K.Platt und M.Dabag (Hg.) unter Mitwirkung von S. Heil. – Opladen, 1995. - 61 p.
14. Galtung J. The Construction of National Identities for Cosmic Drama: Chosenness-Myths-Trauma (CMT) Syndromes and Cultural Pathologies // Handcuffed to History / ed. by P.Udayakumar. – Westport, 2001. – 155 p.
15. Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions // The Invention of Tradition / ed. by E.Hobsbawm and T.Ranger. – Cambridge, 2000. – P.17.
16. Smith A. Nations & Nationalism in Global Era. – Cambridge: Polity Press, 1995. – P.184
17. Smith A.D. National Identity. – Harmondsworth: Penguin, 1991. – P. 86.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В XXI ВЕКЕ: СТРАТЕГИИ, НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПОТЕНЦИАЛ

Нугманова К.Ж.

Доктор политических наук, профессор, президент Международного Центра геополитического прогнозирования «Восток-Запад», директор Ассоциации политических исследований (Республика Казахстан, г. Нур-Султан)

Прогрессирующая секуляризация модернизации Нового мирового порядка. В фокусе внимания автора данной статьи находятся проблемы, связанные с противодействием и предотвращением насильственного экстремизма, переходящего к терроризму сквозь призму модернизации Нового мирового порядка и вирусного удара COVID-19, с пониманием перспектив новых контуров безопасности. В системе нового хозяйственного мироуклада существенно повышается значимость Нового мирового порядка сквозь призму формирования новых кластеров экстремизма. Беспрецедентные глобальные вызовы, с которыми сегодня сталкивается Центральная Евразия – изменение климата, пандемии, распространение ядерного оружия, экономическое неравенство, терроризм, коррупция, наркоторговля, авторитаризм – это общие вызовы Нового мирового порядка. Страны Центральной Евразии не способны решить все эти проблемы, если будут действовать в одиночку, поэтому требуют активизации международного сотрудничества.

В условиях прогрессирующей секуляризации Нового мирового порядка для центральноазиатских стран характерно занятие такой позиции, которая бы не способствовала ухудшению отношений с ведущими державами, так как в этом случае повышается риск политической дестабилизации как в рамках одного государства, так и в масштабе региона в целом. В настоящее время регион Центральной Евразии претерпевает серьёзные изменения. С одной стороны, в 2021 году произошёл вывод американских войск из Афганистана и переход власти в руки талибов, с другой – недавняя внутренняя напряжённость в Казахстане. Наблюдается геополитическая напряжённость в мире, в частности в Центральной Азии.

Исходя из этих постулатов, вопрос обеспечения безопасности Центральноазиатского региона снова актуализируется, и лишь объединённый развитый регион может отражать угрозы традиционного и нетрадиционного характера, которые проистекают извне. Одним из факторов, служащих объединению региона, являются элементы модерна, к которым относится светский строй государственного управления.

Регион Центральной Евразии представляется важным опорным пунктом стратегического значения в деле борьбы с международным терроризмом и, в частности, для осуществления контроля за недопущением возобновления активизации экстремистских групп. Угроза и отрицательные последствия международных процессов, таких как международный терроризм, экстремизм, сепаратизм, организованная преступность, контрабанда наркотических средств, все еще представляют серьезную угрозу таджикскому обществу и государственности, вынуждают Таджикистан искать пути эффективного и совместного сотрудничества с международным сообществом. Во внешнеполитическом дискурсе Таджикистан является активным участником таких межгосударственных образований, как Содружество Независимых Государств (СНГ), ОДКБ, ШОС, Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС), Организация экономического сотрудничества (ЭКО), Организация Исламской Конференции (ОИК), но данное участие не является панацеей от угроз. Так как катализатором изменений во многих сферах геополитики, геоэкономики и безопасности к тому же являются пандемия COVID-19 и вызовы Нового мирового порядка.

Политологический прогноз не исключает, что Новый мировой порядок демонстрируют новые подходы к организации субрегиональной энергетической, транспортной, продовольственной безопасности в условиях фрагментации экономических отношений и иных негативных последствий пандемии. В этой ситуации надо признать, что Центральная Евразия – важный перекресток международной политики и является важнейшей причиной роста заинтересованности благодаря крупным запасам урана, нефти и газа.

В условиях определения Нового мирового порядка и пандемии опыт выживания, развития и поддержания стабильности в центральноазиатском регионе достаточно сложен, так как наращива-

ются внешние и внутренние риски. Информационное взаимодействие приграничных государств Центральной Евразии на высшем правительственном уровне ставит перед собой цель урегулирования возможных споров относительно воздушной, водной и подводной границ, судоходства, торговли, рыбного промысла, добычи углеводородного и минерального сырья, решения вопросов безопасности, а также решения вопросов предотвращения наркотрафика терроризма. Соответственно, нужны опорные точки для определения актуальных задач по защите объектов международных транспортных коридоров и топливно-энергетического комплекса стран Центральной Евразии.

Террористические и экстремистские угрозы государствам-участникам СНГ в контексте геостратегического положения Центральной Евразии. В условиях обострения геополитической игры двойного стандарта для центральноазиатских стран характерно занятие такой позиции, которая бы не способствовала ухудшению отношений с державами, так как в этом случае повышается риск политической дестабилизации как в рамках одного государства, так и в масштабе региона в целом.

Сегодня актуальным является обсуждение новых программных решений, направленных на обеспечение безопасности и стабильности в Центральной Евразии. Значительная часть из них касается предотвращения и пресечения наркотрафика, экстремистских и террористических угроз в контексте геостратегического положения региона. Одним из самых опасных и труднопрогнозируемых явлений стал религиозный экстремизм, представляющий серьезную угрозу региональной и национальной безопасности стран Центральной Азии. Активность экстремизма превратилась в целое политическое направление со своей идеологией, политическими целями, лидерами, и таким образом он окончательно оформился как политический фактор, действующий не на обочине, а в гуще происходящих событий.

Политологический анализ деятельности исламских экстремистов (салафиты и ваххабиты в Казахстане имеют тайное и явное влияние на высший эшелон властной элиты) показывает, что они действуют по следующей схеме: 1. Распространяют экстремистские идеи под видом обучения исламу (причем заявляется, что за годы

Советской власти ислам в регионе искажен); 2. Организуют группы, партии, которые призывают к борьбе за “исламские порядки”; 3. Переходят на нелегальное положение и создают себе имидж борцов за народные интересы при противодействии властей; 4. Устанавливают тесные контакты и объединяются с другими экстремистскими организациями, поддерживают связь с зарубежными центрами и с их помощью объявляют джихад против власти [5].

Радикальные группы используют псевдорелигиозную пропаганду как прикрытие для вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность. Среди тенденций, влияющих на развитие конфессионального пространства региона, можно отметить, что продолжает приобретать все новые черты тема опасности религиозного экстремизма. О ее серьезности свидетельствуют как факты распространения оппозиционной религиозной идеологии среди населения, так и внимание, которое власти уделяют мерам по предотвращению распространения этой идеологии. В данном контексте, интересным представляется подход к рассмотрению темы религиозного экстремизма как феномена маргинального сознания.

Надо отметить, что к внешним факторам, благоприятствующим распространению политического экстремизма и непосредственно терроризма, можно отнести, во-первых, расположение стран Центральноазиатского региона вблизи горячих точек, а именно Афганистана, Синьцзянь-Уйгурского автономного округа, Тибета, Северного Кавказа, Кашмира, откуда может исходить опасность распространения политического и религиозного терроризма; во-вторых, межгосударственные противоречия внутри региона, которые могут повлиять на рост политического экстремизма; в-третьих, заинтересованность некоторых государств в дестабилизации внутриполитической ситуации в регионе для ослабления местных правительств и установления своего идеологического влияния.

Повышенные риски региональной безопасности и реальную угрозу государствам Центральной Азии создают афганские боевики при поддержке центральноазиатских религиозно-экстремистских группировок. Эксперты выделяют такой существенный фактор, как то, «что на территории Афганистана нашли приют пусть немногочисленные, но не чуждые экстремистским установкам религиозно-политические движения: «Аль-Каида», «Хизб-ут-тахрир-аль-

ислами», «Асбат-аль-Ансар», «Исламское движение Узбекистана», «Акрамийя», «Таблиги Джама-ат», «Исламская партия Восточного Туркестана», «Жамаат моджахедов Центральной Азии». Примерами реальности такого вызова можно считать вербовку граждан Узбекистана, а также этнических узбеков сопредельных стран – Таджикистана, Афганистана, Кыргызстана в ряды ИГИЛ и участие их в боевых и противоправных действиях в Сирии на стороне боевиков ИГИЛ. Наибольшую опасность для Узбекистана представляют экстремистские организации «Хизб-ут-Тахрир» и Исламское движение Узбекистана, идеология которых пропитана джихадизмом, идеями вооруженной борьбы за установление халифата. Также необходимо отметить угрозу «Талибана» и ИГИЛ ввиду фактора границы Узбекистана с Афганистаном, а также процессов, происходящих на Ближнем Востоке и в Афганистане [6].

Активизация этих движений, вызванная социально-экономическими проблемами, войной элит, клановыми разборками в государствах Центральной Азии, способна создать реальную угрозу светским политическим режимам государств региона. Вместе с тем у наследия советского атеизма помимо положительного сдерживающего фактора есть и негативная сторона в виде религиозной безграмотности широких слоев населения, которые имеют слабые и нестабильные представления об исламе. Если же к этому добавить маргинализированные слои населения и широкие слои молодежи, разочаровавшейся в социальной справедливости и не имеющей возможности для самореализации, то можно констатировать факт существования угрозы вербовки молодежи в ряды агрессивных исламистов и попадания под влияние пропаганды религиозных заблуждений и агрессивного исламизма.

Внешние условия исламской дуги нестабильности тесно связаны с тектоническими сдвигами в «Большой» геополитической игре в центре Евразии, прогрессирующей секуляризацией Нового мирового порядка. «Большая игра» перешла на новый уровень, но далека от завершения проблемой Афганистана.

Внутренние факторы возникновения терроризма и религиозного экстремизма являются следствием сложной социально-политической и экономической ситуации в ряде стран Центральной Евразии, маргинализации и социокультурной деградации опреде-

ленной части населения, недовольство которого нередко облекается в радикальные оппозиционные движения. Специфика этнокультурного состава стран региона активно используется международными исламистскими силами.

В наложении указанных выше факторов религиозно-мотивированный экстремизм и терроризм в настоящее время представляют одну из самых значительных угроз стабильности Центральной Евразии. Учитывая, что традиционно основной упор Хизб-ут-Тахрир, делает на идеологическую работу с населением, то и стратегия противодействия государственных структур различного уровня и направленности должна быть сосредоточена в этом направлении. Успешное продвижение своей идеологии среди населения центральноазиатского региона обусловлено, прежде всего, сохранением информационного вакуума, образовавшегося в результате неэффективной и непродуманной в этом плане идеологической работы с населением, отсутствием результативных действий государственных и общественных структур.

Важно отметить, что социально значимые последствия пандемии COVID-19 связаны со снижением уровня и качества жизни большого числа людей, ростом безработицы, изменением структуры потоков трудовых мигрантов, массовым социальным стрессом. Эти обстоятельства сделали возможной активизацию международных террористических и экстремистских организаций в направлении вербовки новых адептов, формирования новых кластеров экстремизма политической направленности. На нынешнем этапе в условиях вирусного удара COVID-19 обретают второе дыхание террористические и экстремистские организации, радикальные организации исламистского толка, позиционирующие себя в качестве глобального джихадистского фронта.

Специальные исследования показывают, что существенно расширился диапазон политического экстремизма – от левоанархистского радикализма до ультраправого с выраженной националистической окраской. Экстремизм и терроризм в квазирелигиозной оболочке также сохраняет свои позиции. И в этой ситуации Таджикистан – та естественная граница, через которую боевики могут проходить на север из Афганистана. Известный исследователь терроризма Ян Хартман писал: «Публичность террористического акта

является кардинальным моментом стратегии терроризма. Если террор терпит неудачу в том, чтобы вызвать информационный отклик в общественных кругах, это будет означать, что он бесполезен как орудие социального конфликта [8].

Эмпирические данные и теоретические наработки позволили определить, что политизация религий происходит не в традиционных, архаичных обществах, где большинство населения активно исповедует религию, а, напротив, в обществах, достигших высокой степени модернизации и секуляризации. Радикальные группы используют псевдорелигиозную пропаганду как прикрытие для вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность молодых людей в различных странах мира. Причем условием рекрутинга молодежи является не только невысокий социальный статус и испытываемые затруднения экономического характера в период объявленной пандемии COVID-19, но и низкая религиозная грамотность, пробелы в духовном и национально-культурном образовании. Надо отметить, что ИГИЛ – это не только государство, это идея, это территориальный эпицентр, где показывают модель государства принципиально нового типа. Оно может быть уничтожено, но модель уже показана – вот в чем дело. Не случайно халифат призывает мусульман принимать присягу в разных странах, по сути это призыв к созданию анклавных территорий на всей земле, не только в исламском мире. Халифат уже объявил о воссоздании Хорасана. В планы халифата входит создание двух колонн, одна планируется на Ближнем Востоке, другая в Мавераннахре. Эта территория, включающая большую часть Узбекистана, часть Таджикистана и Кыргызстана, восток Туркменистана и южные регионы Казахстана. По сути дела, после эпохи ИГИЛ мы уже становимся свидетелями эскалации активности групп такфиристов, движимых своей самопровозглашенной идеологией, а также фактами несовершенства действительности и разочарованием от неудач ИГИЛ [2].

Комплексное использование методов политического анализа дало возможность обосновать вывод, что любой социальный и политический протест в условиях традиционного общества могут легко оседлать силы, не имеющие ничего общего с демократией, которые под лозунгами социальной справедливости способны смести нарождающиеся либеральные институты. Это будет означать опро-

кидывание региона в прошлое, смычку Центральной Евразии с серой зоной в Афганистане, выбор новых геополитических ориентиров. Некоторые неконтролируемые зоны в Афганистане могут стать центрами, откуда группы террористических боевиков могут осуществлять проникновение через туркменскую границу к каспийскому региону и далее в Ферганскую долину, где по команде могут активизироваться спящие джихадистские салафитско-ваххабитские ячейки, мечтающие о создании халифата. Возможность массовой переброски боевиков с территории Ирака и Сирии к афгано-таджикской границе может стать миной замедленного действия. Надо учитывать тот фактор, что туркмено-афганская граница является такой же хрупкой защитой от вооруженных формирований, как и сирийско-иракская.

Масштаб распространения изоляционистских групп такфиристов зависит от однородных сообществ. Согласно теории Джеффри Каплана (Jeffrey Kaplan) о пятой волне современного международного терроризма, на определенном этапе экстремистские течения будут физически уединяться в районах дикой природы вдали от уродливого мира, который несет ответственность за неудачу проекта «Исламского государства». Это будет попытка создать новый изолированный и однородный мир, в котором важное место будет отводиться воспитанию детей в изоляции от любых внешних воздействий. Для своих членов такое движение становится основным центром жизни и источником мысли и восприятия [1].

Центральная Евразия является потенциальным коридором наркотрафика. Через регион пролегает так называемый северный маршрут – канал переброски героина из Афганистана в Европу, Россию и страны СНГ. Как известно, от 15 до 30% афганского героина проходит через северный маршрут. Из Афганистана наркотики ввозятся в Таджикистан, а затем перебрасываются через Кыргызстан и Казахстан в Россию. При этом в каждой стране оседает от 10% героина и выше.

Актуальные задачи защиты объектов международных транспортных коридоров Центральноазиатского региона от террористических и экстремистских угроз. Если смотреть сквозь призму Нового мирового порядка и в связи с тенденцией к размыванию однополярного мира с изменением правил игры, то в Цен-

тральной Евразии обостряются политические, военно-стратегические, экономические интересы США, ЕС, Китая и России. Драйверы (движущие факторы) сценариев можно определить как негативные. Для Казахстана фосмажорный период начался с обрушения нефтяных цен, а эпидемиологическая ситуация стала только фактором усугубления кризиса.

Надо учитывать, что в силу многовекторности своего внешнеполитического курса и по уровню привлекательности для иностранных инвесторов Казахстан занимает центральное место в геополитической игре и больше втянут в новые правила игры. К примеру, казахстанский сектор Каспийского моря составляет 28,4% от общей площади акватории и морского дна, протяженность береговой черты Казахстана составляет более 1800 километров, что значительно больше по сравнению с другими прикаспийскими государствами, в северной и центральной части Каспия расположены до 60% всех разведанных запасов углеводородов. До конца 2020 года Казахстан предполагает увеличить объемы добычи нефти и конденсата с нынешних 80 млн. тонн до 130 млн. тонн. По развитию топливно-энергетического комплекса, добыче и экспорту углеводородного сырья Казахстан занимает 14 место в мире по наличию разведанных запасов углеводородного сырья. Освоение его огромного потенциала в ближайшие годы станет важной составляющей всемирного энергетического баланса, придаст импульс развитию экономик прикаспийских государств. Таким образом, становится очевидным, что, находясь в орбите интересов международных террористических организаций, прикаспийский Казахстан должен в ускоренном порядке развивать и оснащать современным вооружением и военной техникой военно-морские группировки на море с целью обеспечить в свою пользу сложившийся баланс сил [3].

По определению президента Совета по международным отношениям Ричарда Хааса (Richard N. Haass, president of the Council on Foreign Relations), могут получить распространение так называемые «розничные террористические акты» (retail of terrorism actions), направленные против тех сообществ, которые такфиристы будут винить в провале ИГИЛ. Терракты могут осуществляться отдельными индивидуумами или небольшими группами в любом месте в

любое время, в том числе с использованием самого современного и разрушительного оружия [7].

Допускается и вариант возможности взаимодействия такфиристов с организованной преступностью и даже формирования гибридных организаций для совместного использования незаконных методов, включая террористические тактики в целях контроля и эксплуатации доступных источников финансирования. Рост изоляционистских такфиристских течений не означает, что террористическая угроза исчезнет. В этой ситуации вполне правомерно будет заключить, что безопасность в Центральной Азии зависит в первую очередь ни от международных организаций, ни ООН, ни ОДКБ, не могут влиять на ситуацию, так как рождается новое право – право силы. Борьба с терроризмом – это не только вооруженные конфликты в некоторых частях света, репрессивная политика по отношению к приверженцам радикальных течений и движений, но и борьба идей.

При анализе этой проблемы возникает необходимость отступления методологического характера. Проблема заключается в том, что COVID-19 напрямую связан с переломом старого мира и выходом в Новый мировой порядок с заваленным валютным и финансовым миром, фондовым рынком, который будет в новой энергетике и организации взаимодействия игроков в большой игре в новой форме глобализма. Неолиберальный дискурс прервался, современный мир находится на этапе перезагрузки. Стартовал процесс «переливания крови мировой экономики», а для глобалистов лучшим способом является политическая дестабилизация, создание предпосылок к социальным/голодным бунтам.

Сегодня Новый мировой порядок диктует новые правила, заявляя, что нефть теперь является ядом для природы. Например, арабские лидеры понимали, что заоблачные цены на нефть не вечны и заговорили о приватизации. Именно этого результата и добивается мировой финансовый регулятор. Перед большой приватизацией мировые элиты максимально обрушивают стоимость актива. Страны-импортеры обязаны будут предпринимать меры, чтобы обрушить рынок. Данная идея давно вынашивалась западными активистами, которые ждут обесценивания топлива. В ЕС и США на данном этапе все крупные производители стараются отстраниться от

использования нефти и газа. Альтернативой для них является электричество, а отказ от нефти в Европе и США может принести убытки до 50 миллиардов евро уже к 2030 году. Китай пока выступает против таких изменений в сфере энергетики, но также постепенно переходит на альтернативные энергоносители

В условиях Нового мирового порядка при преобладании двойных стандартов практика современных международных отношений показывает, что такой интерес может вызвать стремление террористических групп и отдельных государств воспользоваться ресурсами Казахстана. В этой связи усиливается значение такого сдерживающего фактора, как наличие у страны современных Военно-морских сил, способных обеспечить морскую безопасность как состояние государственного благополучия. С целью повышения эффективности защищенности объектов международных транспортных коридоров Центральной Евразии от террористических и экстремистских угроз нельзя исключать риски высокотехнологичного терроризма. В этой связи необходимо в ускоренном порядке развивать и оснащать современным вооружением, военной техникой национальные военно-морские группировки на море с целью обеспечить военную безопасность и изменить в свою пользу сложившийся баланс сил [4].

Вероятные угрозы террористического и экстремистского характера требуют более тщательного анализа и определения необходимости комплексного подхода к их оценке. К тому же социально значимые последствия пандемии COVID-19 связаны со снижением уровня и качества жизни большого числа людей, ростом безработицы, изменением структуры потоков трудовых мигрантов, массовым социальным стрессом. Эти обстоятельства сделали возможной активизацию международных террористических и экстремистских организаций по вербовке новых адептов, формированию новых кластеров экстремизма политической направленности.

Несомненно, требуется корректировка положений программ противодействия экстремизму в государствах Содружества, в том числе государств Каспийского региона.

Ближайшие перспективы. Для эффективного противодействия распространению радикальной идеологии необходима грамотно выстроенная идеологическая альтернатива, последовательно внед-

ряемая среди населения. При этом здесь ключевыми принципами должны стать два аспекта: создание атмосферы нетерпимости по отношению к любым проявлениям экстремизма и внедрение в сознание общества нравственной установки о возможности цивилизованного, легитимного достижения собственных целей, в том числе религиозных и политических. Именно воспитательная религиозно-просветительская политика среди населения должна стать краеугольным камнем в стратегии стран региона в отношении всех подобных организаций экстремистского содержания.

Путем организации превентивной работы СМИ можно будет значительным образом повысить совокупную эффективность в противодействии терроризму и экстремизму, создать общую атмосферу неприятия со стороны населения данных явлений. Умеренно-консервативный сценарий развития ситуации в геополитическом окружении Казахстана в ближнесрочной перспективе предполагает медленную адаптацию стран-ядра евразийской интеграции (Россия, Казахстан и Беларусь) к принятию новых членов и сохранение относительной политической стабильности в Центральной Азии на фоне конкуренции ЕС, США, России и Китая и локальных очагов напряженности на постсоветском пространстве.

Необходимо отметить, что совместная научно-исследовательская работа в области противодействия и предотвращения насильственного экстремизма и терроризма в Центральной Евразии всех заинтересованных институтов общества будет положительно влиять на стабильность и безопасность.

На наш взгляд, обращение стран Центральной Евразии к западным транснациональным компаниям за финансовой поддержкой и технологиями, связанными с добычей и переработкой углеводородного сырья, будет способствовать росту их зависимости от внешних спонсоров. С учетом сказанного, важнейшей задачей является ранжирование угроз, вызовов и рисков в Центральной Евразии в рамках единой иерархической системы. При этом на первый план должны выйти критически важные факторы, которые представляют реальную угрозу стратегическим интересам, имеют глубокий и долгосрочный негативный эффект. Именно на их разрешении и пресечении должны быть сконцентри-

рованы основной потенциал и приоритетные усилия Центральной Евразии.

В то же время при долгосрочном планировании необходимо учитывать скрытые, законсервированные вызовы и потенциальные риски, которые при определенном стечении внутренних факторов и международной конъюнктуры в условиях Нового мирового порядка могут перерасти из латентного состояния в острую стадию с непредсказуемыми последствиями для региона.

Резюмируя, отмечу, что, учитывая религиозно-идеологические, политические, этнические и экономические особенности этого явления, человечество должно использовать весь свой опыт, всю многовековую мудрость в борьбе с террористической угрозой. Указанные проблемы являются актуальными и должны стать предметом обсуждения внешних экспертов, представляющих научные и аналитические структуры государств Центральной Евразии.

В свете вышеизложенного, с целью активизации работы по координации совместной деятельности прикаспийских государств в области противодействия и предотвращения насильственного экстремизма и терроризма в Центральной Евразии полагаем целесообразным:

1) выработать общие подходы к пониманию значения Центральной Евразии для дальнейшего экономического и политического развития государств-участников СНГ в контексте повышенного внимания к региону структур международного терроризма;

2) определить актуальные задачи по защите объектов международных транспортных коридоров и топливно-энергетического комплекса стран Центральной Евразии от террористических и экстремистских угроз;

3) изучить правовое регулирование и положительный опыт практической деятельности компетентных органов государств-участников СНГ по обеспечению комплексной безопасности критически важных объектов, расположенных в регионе, с учетом международного сотрудничества;

4) проанализировать влияние пандемии на активность террористических и экстремистских организаций в Центральной Евразии.

5) выработать предложения по повышению эффективности защищенности объектов международных транспортных коридоров и

ТЭК Каспийского региона от террористических и экстремистских угроз, включая риски высокотехнологичного терроризма.

Литература

1. Джеффри Каплан (JeffreyKaplan) Террористические группы и новый трайбализм: пятая волна терроризма. – Нью-Йорк, 2018. – 235 с.
2. Как с ИГИЛ борются в Центральной Азии. URL: http://zanoza.kg/doc.329396_kak_s_igil_borutsia_v_centralnoy_azii.html
3. Конвенция о правовом статусе Центральной Азии. URL: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki>
4. Нугманова К.Ж. Изучение мирового опыта развития военной науки. Разработка Концепции развития военной науки. – Астана: МО РК, 2018. – 190 с.
5. Нугманова К.Ж. Усиление сотрудничества между государственными органами и гражданским обществом, в том числе и на международном уровне, в противодействии и предотвращении насильственного экстремизма и радикализации, приводящих к терроризму. – Астана: «InDesignstudio», 2016. – 98 с.
6. Религиозная радикализация в Центральной Азии: Мифы и реальность. URL: [http:// www. ca-news.org/news:1172553](http://www.ca-news.org/news:1172553)
7. Ричард Хаас (RichardN.Haass) Пандемия не столько изменит ход истории, сколько ускорит ее. 10.04.2020. Мировой беспорядок, Американская внешняя политика и кризис старого порядка 20.03 2019. URL: <http://www.labirint.ru/books/679404>
8. Ян Хартман. Угроза религиозного экстремизма и роль СМИ в его предотвращении. URL: 04.09.2019.vesti-az.cdn.ampproject.org

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Умаров Х.У.

**Доктор экономических наук,
Профессор финансово-экономического факультета
Таджикского национального университета**

В Стратегии национального развития Республики Таджикистан в качестве 4-й цели перспективного продвижения страны выдвигается индустриализация экономики. Главная цель индустриализации заключается в превращении Таджикистана из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную страну.

Нужно отметить, что в последнем десятилетии советского периода экономика Таджикистана имела индустриально-аграрную структуру. В структуре совокупного общественного продукта страны в 1990 году удельный вес промышленности составлял 55,3%. В 1991 году доля промышленности в структуре ВВП составляла 49,6%. Однако различного рода политические и экономические потрясения привели к так называемому трансформационному спаду, в результате чего экономика страны столкнулась с явлением деиндустриализации. Деиндустриализация больше всего ударила по обрабатывающей промышленности.

Перед распадом Советского Союза в Таджикистане широкое развитие получили более 100 отраслей, подавляющее большинство которых относились к обрабатывающей промышленности. Среди них наиболее динамичное развитие получили электроэнергетика, электротехническая промышленность, электронная и атомная отрасли, сельскохозяйственное машиностроение, инструментальная промышленность, текстильное машиностроение, цементная промышленность, производство бытовых холодильников, мебельная, обувная, чулочно-носочная, шерстяная и трикотажная промышленность. Повсеместное развитие получили молочная и масло-сыродельная отрасли, винодельческая и плодоовощная промыш-

ленность, мясоперерабатывающие и хлебопекарные предприятия. Все эти отрасли были созданы в советские времена в рамках программы индустриализации.

Для сравнения можно отметить, что до Великой Октябрьской социалистической революции в Таджикистане действовали 6 промышленных предприятий, которые были заняты добычей угля и нефти, переработкой хлопка-сырца, производством оконного стекла и шелкоткацких изделий. В результате индустриализации за период с 1924-го по 1980 гг. продукция промышленности в Таджикистане увеличилась в 860 раз. В 1980 году в течение одного рабочего дня промышленные предприятия Таджикистана производили в 2,3 раза больше продукции по сравнению с 1924 годом. Советским правительством были предприняты меры для того, чтобы в результате индустриализации в Таджикистане промышленные предприятия внедряли самые последние достижения научно-технического прогресса. Достаточно отметить, что в 1980 году в промышленности Таджикской республики действовали 1002 механизированных поточных линий, 147 автоматических линий, 517 комплексно-механизированных и автоматизированных участков, 279 единиц оборудования с программным управлением, среди которых работали 50 станков с числовым программным управлением (ЧПУ). В Таджикистане в те времена действовали 33 отраслевых вычислительных центра (ВЦ) и 23 автоматизированные системы управления (АСУ) [3, с.9].

Быстрыми темпами в стране была создана энергосистема, которая в 60-е годы прошлого века стала составной частью единой энергетической системы Центральной Азии. За годы индустриализации были возведены и сданы в эксплуатацию Кайраккумская, Головная, Перепадная, Байпазинская, Нурекская гидроэлектростанции. Однако пионерами энергетической системы Республики Таджикистан были Варзобские ГЭС, которые представляли из себя гидроэнергетический каскад. В 1980 году в Республике Таджикистан было произведено 19 млрд. квт/ч электроэнергии. Спустя 30 лет производство электроэнергии достигло 20 млрд. квт/ч, что в расчете на одного человека меньше по сравнению с 1980 г.

Основная часть промышленной продукции производилась на крупных предприятиях, которые по уровню своей эффективности

выгодно отличались от малых и средних предприятий. К крупным предприятиям относились масложировые и маслоэкстракционные заводы, кондитерские фабрики, винодельческие предприятия, пивоваренные заводы, предприятия по производству овощных и фруктовых консервов, завод по производству бытовых холодильников, кабельный и трансформаторный заводы.

К сожалению, трансформационный спад коренным образом, изменил экономическое лицо страны. В результате деиндустриализации удельный вес промышленности снизился до допустимого минимума. Среди постсоветских стран Таджикистан ныне занимает последнее место по удельному весу промышленности и первое место по удельному весу сельского хозяйства в структуре ВВП. Об этом говорят данные нижеследующей таблицы.

Таблица 1

Сравнительная оценка доли промышленности в структуре валовой добавленной стоимости (в%) [7, с.17]

	Валовая добав- ленная стои- мость	Промышленность	Сельское хо- зяйство
Таджикистан	100	21,2	20,9
Азербайджан	100	45,5	6,3
Армения	100	20,1	13,2
Беларусь	100	29,6	7,8
Казахстан	100	29,6	7,8
РФ	100	29,2	17,3

Данные приведенной таблицы говорят о многом. Страны, которые отличаются низким удельным весом сельского хозяйства, обладают развитым экономическим потенциалом. Из этих данных можно прийти к выводу, что Таджикистан нуждается в ускоренной индустриализации. Новая индустриализация, безусловно, будет отличаться свойствами, вытекающими из действия многих факторов, среди которых ведущую роль занимает изменившийся политический статус страны. К таким факторам относятся утечка значительной части человеческого капитала, низкий уровень инвестиционной привлекательности страны, ликвидация межрегиональной специализации в результате распада СССР, прекращение безвозмездных

финансовых инъекций со стороны несуществующего ныне Центра. Все это стало оказывать влияние на темпы и масштабы развития и восстановления промышленности в Таджикистане.

Перед Таджикистаном стояли многосложные задачи по восстановлению промышленности и других индустриальных отраслей. Достаточно сказать, что численность работников промышленности и строительства в 1991 году было равно 404 тыс. чел., в 2000 году – 158,0 тыс. чел., в 2010 году – 177,0 тыс. чел., в 2019 году – 158,4 тыс. чел. Таким образом за период 1991-2019 гг. общее число занятых в промышленности и строительстве сократилось в 2,6 раза.

Следует отметить, что основными причинами деиндустриализации в Таджикистане стали не только распад СССР, отток русскоязычного населения, братоубийственная гражданская война, но и проведение политики открытых дверей в течение продолжительного периода времени. Мощный приток дешёвых товаров потребительского характера из КНР и некоторых других стран способствовал полному и частичному прекращению деятельности огромного количества промышленных предприятий в Таджикистане. Некоторые экономисты неolibерального толка говорят, что деиндустриализация является закономерным процессом, то есть носит объективный характер. При этом они ссылаются на объективность более высоких темпов развития сферы услуг. Американский экономист корейского происхождения Чхан Ха Джун весьма справедливо ответил на точку зрения, описанную выше: «Считать, что бедная страна способна развиваться, опираясь исключительно на сферу услуг, – чистая фантазия. Для промышленного сектора характерен гораздо больший рост производительности, чем в секторе услуг» [8, с.126].

Известный экономист и политолог Рэндалл Коллинз поддерживает точку зрения Чхан Ха Джуна: «Согласно Шумпетеру, лучшему теоретику капиталистических инноваций, новые товары – следовательно и крупнейшие источник прибыли – появляются на рынке в результате реорганизации производственных факторов в новые комбинации. Но вдохновленные Шумпетером экономисты, принимающие за данность, что количество рабочих мест, создаваемых благодаря новым товарам и услугам, непременно возместит потерю рабочих мест в разрушаемых старых отраслях, опираются в своём

оптимизме не более чем на экстраполяцию прошлых тенденций» [1, с.165]. В данном случае речь у Коллинза идет о модернизации экономики, взятой в широком смысле слова. Р.Коллинз правильно считает, что развитие отраслей реального сектора, оказывающее прямое воздействие на процесс индустриализации, а не деиндустриализации, в разных группах стран приобретает разные формы (включая модернизацию активной части основного капитала) и носят неизбежный характер.

Деиндустриализация экономики имела место в течение всех 30 лет после распада СССР. Удельный вес промышленности в структуре ВВП в Республике Таджикистан в 1991 году составлял 49,6%, в 1995 году – 45,9%, в 2000 году – 43,7%, в 2005 году – 46,7%, в 2010 году – 32%, в 2015 году – 19,8%, в 2019 году – 21,2%. Не подлежит сомнению, что эта тенденция носящая отрицательный характер нуждается в радикальном изменении.

В специфических демографических условиях Таджикистана предстоящая индустриализация призвана обеспечить высокий уровень занятости, поскольку из-за деиндустриализации основная часть экономически активного населения не в состоянии найти себе желаемую работу, по причине чего все больше обращает свой взор на другие страны. Согласно данным миграционной службы РФ, в этой стране ныне работают не менее 1,3 млн. чел. – выходцы из Таджикистана. К тому же сама экономика Таджикистана находится под определяющим давлением широких масштабов безработицы, которая широко распространена среди женщин и молодёжи. Данные нижеследующей таблицы свидетельствуют о серьезности проблемы занятости в промышленности и в сельском хозяйстве.

Таблица 2

Занятость в промышленности и в сельском хозяйстве
[4, с.85; 5, с.89; 6, с.85,88]

	1980	1991	2000	2005	2010	2015	2019
Промышленность	22	21	9,1	8,6	8	6,6	8,9
Сельское и лесное хозяйство	43	45	65	67,5	65,3	64,9	61,2

Данные о занятости показывают более драматичную картину по сравнению с данными об отраслевой структуре ВВП. Благодаря высокому уровню производительности труда в промышленности, удельный вес этой отрасли в структуре ВВП оказался в 2,5 раза выше по сравнению с удельным весом занятости в этой же отрасли. Однако за приведенными данными стоят цифры об огромной численности безработных и отсутствии гарантии на получение желаемой работы, огромные потери человеческого капитала и другие потери.

Сегодня не является секретом, что большое количество промышленных предприятий прекратили свою производственную деятельность и многие приватизаторы – терминаторы индустрии страны продали технологическое оборудование и машины другим странам. Кроме того, на многих предприятиях технологические линии не работают из-за отсутствия потребностей в их продукции, из-за того, что рыночная экономика своей «невидимой рукой» отвергает их продукцию.

Низкий уровень поступления прямых иностранных инвестиций, а также рейдерские захваты, которые резко снизили желание местных инвесторов вложить свои финансовые ресурсы в восстановление или создание новых промышленных предприятий, выступают в качестве серьезного препятствия на путях новой индустриализации экономики Таджикистана. Такая ситуация делает актуальным выдвижение модернизации в качестве генеральной линии индустриализации экономики страны.

Под модернизацией подавляющее большинство экономистов понимают обновление промышленных объектов, приведение их в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, высокими показателями качества. Модернизационные процессы затрагивают, в основном, машины, оборудование и технологические процессы. Однако эти процессы включают в себя и человеческую составляющую. Без последней не представляется возможной успешная модернизация, поскольку она тесно связана с новыми знаниями, новыми методами управления, новой психологией и новым отношением к высокотехнологичным производственным процессам. Благодаря модернизации оборудования и машин происходит либо усовершенствование, либо обновление техноло-

гического оборудования, в результате чего происходит повышение работоспособности предприятия и производительности всех его факторов. На практике выделяют комплексную и частную модернизацию. Под первой понимается полная замена устаревшего оборудования, под второй – замена сегмента или полное обновление системы. Модернизационные процессы предполагают внесение изменений и усовершенствований в конструкцию машин и оборудования, повышение их технического уровня и ведущих параметров их функционирования. В результате происходят прогрессивные сдвиги в производительности факторов производства, долговечности, точности, безопасности работы машин и механизмов. Соответственно изменяются эргономические характеристики оборудования, включая снижение тяжести давления машин на человека.

В условиях Таджикистана модернизация приобретает особое значение, поскольку физический и моральный износ основных производственных фондов в целом по стране достигает до 70-80%, а на предприятиях, полностью прекративших свою производственную деятельность, – до 80-90%. К этому вопросу необходимо подойти системно. Это означает преимущественное решение трех задач:

- а) модернизация машин и оборудования;
- б) восстановление на новой основе профессионально-технических училищ;

в) подготовка современных менеджеров – управляющих производственных процессов. Эти задачи представляются весьма сложными. Они требуют решений, носящих оригинальный характер и отражающих современную социально-экономическую ситуацию в Таджикистане, а также низкий образовательный и профессионально-технический уровень основной части трудовых ресурсов страны. Вполне возможным представляется использование опыта бывшей Югославии, которая под руководством Иосипа Броз Тито прибегала к массовому приобретению модернизированного оборудования «второй руки» в Западной Европе и Америке для ускоренной индустриализации экономики страны и быстрого подъема уровня жизни населения, повышения уровня занятости рабочей силы. Это страна добилась немалых успехов, реализуя именно эту стратегию. Таджикистан имеет более благоприятные возможности по сравне-

нию с бывшей Югославией, поскольку в настоящее время мировой рынок машин, оборудования, технологических линий «второй руки» является более обширным, чем в 50-е годы прошлого века, и к тому же цены на оборудование «второй руки» представляются намного ниже, чем в указанные времена по причине ускорения морального старения техники.

Естественно полагать, что в условиях ограниченности финансовых возможностей страны важное место отводиться приоритетам. В механизме государственного регулирования модернизации промышленности в разрезе отраслей, подотраслей и производств, для Таджикистана особую актуальность приобретает модернизация трудоемких отраслей промышленности. К тому же такая модернизация должна быть ориентирована на решение задач импортозамещения. С этой позиции первоочередным представляется модернизация швейной, обувной и местной промышленности, к которой относятся народные художественные промыслы. Расчеты показывают, что разница в эффективности модернизации трудоемких отраслей по сравнению с капиталоемкими отраслями достигает от 17,5 до 55,5 раза. Это означает, что путем привлечения минимальных инвестиций можно обеспечить рабочими местами огромное количество трудовых ресурсов и тем самым намного быстрее решить задачу занятости, которая в условиях Таджикистана приобретает растущее не только экономическое, но и социальное и политическое значение.

В модернизации нуждаются плодоовощные и винодельческие производства, которые имеют экспортоориентированное значение. За последние 30 лет в мировом масштабе достигнуты огромные успехи и в технологиях, и в качестве продукции, и в её маркетинге. Таджикистан обладает уникальными природно-климатическими условиями для выращивания фруктовых и виноградных насаждений, получения высоких урожаев, качественной продукции. В настоящее время в равнинных зонах страны с одного гектара получают до 70 тонн высококачественного винограда столовых сортов, которые пользуются огромным спросом не только в России, Казахстане, Белоруссии, но и в Афганистане, Пакистане и Индии. Страна имеет реальные возможности для доведения производства винограда до 1 млн. тонн. В современных теплицах, оснащённых новым

оборудованием для гидропонных технологий, получают от 500 до 800 тонн овощей с одного гектара в год. Такая продукция пользуется огромным спросом в других странах как в свежем, так и в обработанном виде. К тому же тепличные хозяйства в Таджикистане, безусловно, являются конкурентоспособными по сравнению с другими центральноазиатскими странами по причине своей высокой энергоэффективности.

Особое значение для Таджикистана приобретает модернизация шелкоткацкого производства. В своем недавнем Послании парламенту страны Президент Таджикистана уважаемый Эмомали Рахмон особое внимание уделял необходимости восстановления сырьевой базы шелкоткацкого дела. Он специально отметил, что выращивание шелковичных коконов позволяет резко повысить уровень занятости женских трудовых ресурсов в сельских местностях. Руководитель страны выдвинул особо важную задачу, носящую не только комплексный, но и системный характер. В его Послании задача ставится намного шире, чем во времена советской власти. Исходя из того, что Таджикистан располагает неповторимыми возможностями по созданию тутовых плантаций, благоприятствующих получению высоких урожаев коконов, можно решить проблему создания шелкоткацких кластеров не только в Душанбе и Худжанде, но и во многих городах, которые сопряжены тесными связями с сельскими районами. Подход, предложенный Президентом, позволит с наименьшими затратами производить не 3200-3500 тонн коконов в масштабе страны, а реализовать более крупную задачу по превращению Таджикистана в крупную державу по производству шелкового сырья и конечной шелковой продукции в мировом масштабе.

В качестве приоритета выдвигается также задача модернизации цементного производства и целой плеяды строительных материалов, носящих как импортозамещающий, так и экспортоориентированный характер. Модернизация Душанбинского цементного завода – одного из старейших цементных предприятий в Центральной Азии позволит увеличить производство и поставку портландцемента высоких марок не только в страны Центральной Азии, но и в Южноазиатский субконтинент. К тому же этот завод располагает самыми широкими возможностями для поставки клинкера на це-

ментные заводы Узбекистана и Кыргызстана, что важно для перевода заводов этих стран на производство высококачественного цемента.

В Таджикистане функционируют несколько малых предприятий по производству каменных блоков, а также изготовлению мраморных и гранитных плит. Однако в настоящее время 90% требуемого объема декоративных плит ввозится из других стран. Такая практика представляется крайне ущербной, поскольку в Таджикистане расположены многочисленные месторождения декоративных камней, которые высоко котируются на мировых рынках. К сожалению, в советские времена этому вопросу не уделяли должного внимания, хотя многие станции метрополитенов и престижных сооружений в России, Украине, Белоруссии, Казахстане и Узбекистане были облицованы декоративными камнями. Туркменистан воздушным путем ввозит белые мраморные плиты из Италии, хотя Таджикистан располагает месторождениями белого мрамора такого же качества, как «каррара» в Италии. Отсутствие современных мощных предприятий по производству высококонкурентных облицовочных плит отодвигает Таджикистан на задние ряды среди всех стран, которые производят и экспортируют облицовочные плиты. Таджикистан располагает месторождениями высококачественных гранитных, мраморных, гранодеоритных и других облицовочных камней. Даштакское месторождение мрамора «белое облако» может дать камни, которые являются самыми конкурентными на мировом рынке декоративных плит и разных художественных изделий. То же самое относится к черному, красному и зеленому травертину, который безусловно может конкурировать с одноименной продукцией на мировом рынке. Стоимость самого крупного завода по производству облицовочных плит составляет 70 млн. долл. В течение одного года такой завод способен полностью окупить себя. В Таджикистане имеются реальные возможности для строительства десятков заводов по производству декоративных плит как для экспорта, так и для замещения импорта.

Особняком стоит вопрос о модернизации бывших предприятий союзного подчинения, которые после распада Советского Союза фактически стали бесхозными. Это стало результатом «утечки мозгов», миграции русскоязычного населения, которое в своей основ-

ной части состояло из квалифицированных рабочих и специалистов. В свое время эти предприятия производили продукцию в таких объемах, которые сопоставимы с нынешними объемами производства промышленной продукции в основных регионах Таджикистана. Среди них можно отметить Исфаринский химический завод, Исфаринский гидрометаллургический завод, Яванский химический завод, закрытые предприятия, производящие продукцию для атомной отрасли и т.д.

В настоящее время во всем мире растут потребности в редких и рассеянных металлах, которые находят широкое применение в электронной, авиационной и космической отраслях, а также в производстве высокотехнологичной оборонной продукции. Есть все основания для того, чтобы вместе с ответственными государственными органами Российской Федерации и ряда развитых стран рассмотреть возможности совместной добычи, обогащения и рафинирования таких металлов на базе действующих предприятий. В данном случае речь идет о комплексной модернизации. Целый ряд месторождений Большого Кони Мансура, Табошара, Такели, Чорухдарона на севере страны, которые содержат целую линию редких и рассеянных элементов, могут стать объектами модернизации на базе действующих сооружений. Для этого требуются интенсивные поиски реальных инвесторов, располагающих широкими экономическими возможностями и связями с прямыми потребителями названных металлов.

Таким образом, модернизация представляется наиболее эффективным способом осуществления новой индустриализации при сложившихся политических и экономических обстоятельствах, которые самым непосредственным образом затрагивают нашу страну. Решение этой задачи, безусловно, под силу соответствующим органам государственной власти, несущим ответственность за перспективами развития экономики страны.

Литература

1. Есть ли будущее у капитализма? – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

2. Очерки о мировой экономике. –М.: Московский Центр Карнеги, 2002.
3. Советский Таджикистан за 60 лет: сб. статей. – Душанбе: Ирфон, 1984.
4. Статистический ежегодник Республики Таджикистан. – Душанбе, 2001.
5. Статистический ежегодник Республики Таджикистан. – Душанбе, 2012.
6. Статистический ежегодник Республики Таджикистан. – Душанбе, 2020.
7. Таджикистан и страны СНГ: сб. статей. – Душанбе, 2020.
8. Чхан Ха Джун. 23 тайны: то, что Вам не расскажут про капитализм. –М.: АСТ, 2014.

ВЕКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОЕКТАХ ЕВРОСОЮЗА ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА ПРИМЕРЕ «WESCOOP»

Губайдуллина М.Ш.

Доктор исторических наук,
профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, директор Центра германских исследований КазНУ им. аль-Фараби (Республика Казахстан, г. Алматы)

Ёрмадов Г.З.

Магистр международных отношений (РТ, г. Душанбе)

Центральноазиатский регион, выступая связующим «мостом» между Азией и Европой, одновременно является одним из важных партнёров Европейского Союза по Глобальной Повестке Дня в борьбе с изменением климата. Проблема устойчивого развития и окружающей среды актуальна для каждого государства. В частности, природные ресурсы большинства государств региона тесно переплетены между собой различными связями – от экономических и социальных до образовательных и научных и т.д. Общеизвестный, не требующий доказательств тезис повторяется в различных контекстах и на разных уровнях и включает в себе признание проблемы и призыв к ее решению: для улучшения экологической ситуации мировое сообщество должно приложить максимум усилий, требуются совместные действия и главное – понимание и доверие. Именно в ракурсе данного тезиса ЕС стремится охватить различные сферы сотрудничества с государствами Центральной Азии.

В этом направлении действует проект Евросоюза под названием «WESCOOP» («Европейский Союз – Центральная Азия: сотрудничество в области водных ресурсов, окружающей среды и изменения климата»), целью которого является улучшение политики в области окружающей среды, изменения климата и водных ресурсов в Центральной Азии через сближение стран региона со стандартами ЕС. Кроме того, проект WESCOOP направлен на стимулирование «зеленых» инвестиций в соответствующие секторы экономики с целью содействия достижению ощутимого сокращения загрязне-

ния, вызванного деятельностью человека, включая выбросы углекислого газа (CO₂) [8]. К примеру, Казахстан разработал проект Программы Партнерства «Зеленый Мост» (Астанинская Инициатива), целью которой является содействие переходу от текущих обычных неустойчивых моделей развития к зеленому росту путем принятия рамок региональной и национальной инновационной политики зеленого роста, позволяющих ускорить проведение стратегических инвестиционных проектов многостороннего сотрудничества и государственно-частного партнерства. Также «Зеленый Мост» направлен на объединение усилий государств, международных организаций, общественного и бизнес-секторов в регионе Европы, Азии и Тихого океана для перехода к зеленой экономике.

Миссия проекта Евросоюза «WESCOOP» – привлечение внимания к вопросам сохранения экологической стабильности и безопасности в Центральной Азии, повышение осведомленности о глобальном изменении климата. Уделяется внимание тренингам и информационной подготовке журналистов, в целом системе масс-медиа. Временный поверенный в делах Представительства Евросоюза в Казахстане Йоханнес Стенбек Мадсен, обращаясь к журналистам, выразил следующую важную мысль: «Изменение климата требует согласованных действий всего общества. СМИ играют незаменимую роль в повышении осведомленности, формировании отношения и влиянии на какие-то действия. Текущая пандемия показала, что у нас есть общий интерес в объединении наших усилий для создания здорового, более жизнеспособного и устойчивого будущего для нашей планеты и нас самих» [9].

Ещё в ходе реализации Стратегии Евросоюза для Центральной Азии (2007-2013) были определены рамки для продвижения Стратегии и учреждена «Платформа сотрудничества Европейский Союз – Центральная Азия в сфере окружающей среды и водных ресурсов». Стратегией была введена такая форма сотрудничества, как координация между инструментами Еврокомиссии и государственных органов. Италия инициировала предложения по углублению экономического сотрудничества (Рим, 2007), а Германия – в сфере управления водными ресурсами (Берлин, 2008). Дополняя Стратегию, ведущие страны ЕС «специализируются» на определенных направлениях в отношениях с Центральной Азией. Так, Италия взя-

ла на себя роль «главного координатора» в Комиссии ЕС в сфере управления окружающей средой и водными ресурсами («Платформа сотрудничества в сфере окружающей среды и водных ресурсов»). Румыния возглавила Рабочую группу в действующей Водной Инициативе ЕС по Восточной Европе, Кавказу и ЦА (ВЕКЦА) с целью содействия развитию потенциала в области управления водными ресурсами. Германия выделила более €15 млн на так называемый «Берлинский процесс» по управлению трансграничными водными ресурсами в Центральной Азии, которой реализуется в тесной координации с проектами Еврокомиссии и другими организациями-донорами [11]. Приоритеты Платформы, впервые согласованные на третьей Конференции высокого уровня ЕС–ЦА в Риме (2009), впоследствии подтверждены на конференциях высокого уровня в Бишкеке (2013), Милане (2015) и Ташкенте (2019). Ведущую роль взяла на себя Италия в связывании интересов и кооперационных связей ЕС–ЦА. В октябре 2019 года проект Евросоюза совместно с Центральной Азией (WESCOOP) был возобновлен уже в ходе запущенной в 2019 году новой Стратегии ЕС в центральноазиатском регионе.

Третья фаза данной трехлетней программы рассчитана до 2022 года. Проект расширяет диалог по устойчивому развитию между странами Центральной Азии и содействует сближению их сотрудничества с ЕС в области охраны окружающей среды и изменения климата. Важно, что речь идет об усовершенствовании и рационализации политических стратегий и укреплении потенциала национальных министерств и государственных ведомств, работающих в соответствующих сферах.

Угроза экологической безопасности в Центральной Азии подкрепляется неутешительными статистическими данными:

- Ежегодно из-за загрязнения окружающей среды, особенно воздуха и воды, умирает 1,7 млн. детей в возрасте до 5 лет;
- Более 90% детей в мире дышат воздухом, загрязнение которого превышает допустимые нормы;
- Трое из десяти человек в мире не обеспечены безопасным и легко доступным водоснабжением по месту жительства;
- В ЦА проживают 74 млн. чел. Большинство жителей в ЦА задействованы в сельском хозяйстве, поэтому изменение климата,

например, засуха или таяние ледников, будет негативно влиять на жизнь миллионов людей [8].

Добавим, стремительная урбанизация во всех странах Центральной Азии, нередко без учета экологических стандартов и продуманной модернизации городских конгломератов, приводит к столь же стремительному лишению городов «зелёной подушки», вырубке деревьев, уменьшению площадей садов и скверов, нехватке естественных способов очистки воздуха. Так, на первом заседании Координационного комитета РГОСИК/WGECC¹, организованного проектом ЕС–ЦА "WESCOOP", которое прошло под председательством Луки Перез (Еврокомиссия) и Джованни Брунелли (МОСЗМР)², признана своевременность продолжения сотрудничества и координация действий по вопросам: качество воздуха и воды, управление отходами, устойчивое развитие энергетики и наилучших доступных технологий и методов, в соответствии с рабочим планом WESCOOP с учетом текущих глобальных условий. «Чистый воздух важен для здоровья человека, окружающей среды и экономики всех стран. Загрязнение воздуха не признаёт границ, и эта проблема не может быть решена странами самостоятельно» (Джованни Брунелли) [9]. Рабочая Группа (РГОСИК), работавшая с февраля 2020 г. до весны 2021 г., осуществляла свою деятельность под председательством ЕС и Министерства окружающей среды, земельных и морских ресурсов Италии. В целом, можно признать действенность данной группы, так как она максимально содействовала укреплению диалога по вопросам выработки государственной политики между ЕС и странами ЦА и в пределах центральноазиатского региона в целях расширения сотрудничества.

Практически повсеместно в Центральной Азии до сих пор не осознается угроза экологической безопасности, продолжается усиленное давление на окружающую среду со стороны растущей экономики, особенно добывающих отраслей, продолжается истощение природных ресурсов. Учитывая, что большая часть земель Казахстана располагается в зоне рискованного сельского хозяйства, к

¹ РГОСИК – Рабочая Группа ЕС – ЦА по окружающей среде и изменению климата (WGECC/ the EU-Central Asia Working Group on Environment and Climate Change). Рабочая Группа включает в себя представителей Генеральных директоров Европейской Комиссии по вопросам окружающей среды и по борьбе с изменением климата.

² МОСЗМР/Министерство окружающей среды, земельных и морских ресурсов Италии.

настоящему времени накопилось множество проблем, в том числе вследствие их беспорядочной эксплуатации. К тому же высокая уязвимость пастбищ, лесных и горных массивов, водных экосистем подвержены усугубляющейся антропогенной нагрузке.

Как известно, эксплуатация природных ресурсов, индустриальное развитие, высокие темпы урбанизации с конца XX века и в XXI веке осуществлялись без должного экологического регулирования. В этот перечень добавим наследие прошлого, когда на территории Казахстана были построены огромные военные полигоны для проведения испытаний новейшего вооружения (Семипалатинский ядерный полигон), велись разработки химического и биологического оружия (Степногорский биокомбинат, остров Вознесения в Аральском море и др.). Казахстан, обеспечивая военнополитическую безопасность, не обращал внимания на экологическую составляющую в этой деятельности. Тем самым окружающей среде был причинен огромный ущерб». К сожалению, процесс в лучшую сторону не выправляется. И сегодня, как никогда прежде, остро стоит вопрос об экологической устойчивости в Казахстане, экологизации хозяйственной деятельности, осознании истощаемости природных ресурсов со стороны руководящих структур и населения [3].

Один из действенных шансов выправления ситуации в экологической сфере является международное сотрудничество, включая участие в международных проектах стран Европейского союза.

Стратегия ЕС по Центральной Азии 2019 года сфокусирована на эффективном достижении целей Парижского климатического соглашения и решении экологических проблем. Особое место в новой Стратегии занимают проекты, поощряющие взаимоприемлемые решения по использованию водных ресурсов в ЦА, особенно те, которые будут способствовать присоединению стран региона к Конвенции ООН по трансграничным водам и к результативному сотрудничеству по вопросам восстановления экосистемы Аральского моря.

Следует отметить Совместное коммюнике по новой Стратегии ЕС по Центральной Азии под названием «ЕС и ЦА: новые возможности для укрепления партнёрства». Напомним, Совместное коммюнике было принято в мае 2019 года Европейской Комиссией и

Верховным Представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности. А 17 июня того же года Совет ЕС определил три взаимосвязанных приоритета *по устойчивости, процветанию и региональному сотрудничеству*. Соответственно, поставлены конкретные цели по «повышению устойчивости окружающей среды, климата и водных ресурсов» [5]. Третья фаза проекта WESCOOP 2019 года предусматривает наибольшую активизацию стран Центральной Азии и их партнеров в тесном взаимодействии с ЕС по направлению экологической безопасности и устойчивости. При этом все проектные задачи связаны с созданием условий по преодолению препятствий в области изменения климата.

Заслуживает упоминания примечательный факт, как в условиях распространения пандемии COVID-19 Рабочая группа ЕС и ЦА по окружающей среде и изменению климата продолжила свою работу с участием сотрудников Еврокомиссии, должностных лиц и национальных экспертов из ЦА и Европы, представителей международных финансовых учреждений и гражданского общества (Брюссель, 12-13 февраля 2020 г.). В повестке дня – определение конкретных задач для Центральной Азии в основную проблематику: это экономика замкнутого цикла, европейский «зеленый» курс, водные ресурсы, охрана окружающей среды и изменение климата. Среди приоритетных вопросов, которые ранее были согласованы на Конференции высокого уровня, названы такие, как управление природоохранной деятельностью, устойчивое производство и потребление, управление водными ресурсами и ряд сопутствующих сквозных тем [4].

В контексте проектных результатов упоминаются прогресс в политике ЕС в области экологического регулирования, обращения с твердыми отходами, а также утверждение новых Технических задач для РГОСИК и Правил процедуры Руководящего комитета РГОСИК (Европейский Союз – Центральная Азия: сотрудничество в области водных ресурсов, окружающей среды и изменения климата). Спецпредставитель ЕС по Центральной Азии Петер Буриан в своей активной деятельности особое внимание уделяет последствиям усыхания Аральского моря и состоянию урановых хвостохранилищ в регионе. Его вопрос, «чем ЕС может помочь Центральной Азии и как помочь улучшить качество жизни людей, проживающих

вблизи Аральского моря», ждет ответа от самих стран ЦА. В целом для реализации проектов Трастового фонда для улучшения качества жизни людей Приаралья в Узбекистане Евросоюзом выделено 5 млн евро. По убеждению П.Буриана, ЕС может «двигаться также по другим направлениям.

Еще одна проблема и соответственно важная программа Евросоюза для Центральной Азии направлена на реабилитацию урановых хвостохранилищ в центральноазиатском регионе, которые являются печальным наследием добычи урана. По мнению европейских экспертов, для реабилитации урановых хвостохранилищ в Центральной Азии необходимо срочное решение". К примеру, состояние уранового хранилища Майлуу-Суу, его защитный саркофаг постепенно размывается водой, угрожая жизнедеятельности густонаселенной Ферганской долине. Эта проблема имеет экологическое распространение во всем регионе. Евросоюз открыл донорский счет для реабилитации урановых хвостохранилищ; уже инвестировано около 35 млн. евро. Эксперты признают, что этой суммы недостаточно. Только для начала реабилитации семи урановых хвостохранилищ в Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане необходимо не менее 80 млн. евро [6].

Кроме этого, ставится вопрос о развитии альтернативных источников энергии в условиях увеличивающегося потребления энергетических природных ресурсов. Снижение экологической нагрузки на окружающую среду и является вкладом в установление устойчивого развития. Энергетические ресурсы, которые в большом масштабе традиционно использует человечество, – нефть, природный газ, уголь, ограничены, могут быть исчерпаны еще до 2100 года. Недостаток ресурсов и неравномерное распределение между странами вызывают беспокойство в отношении будущего рационального их потребления и создания способов заменить энергетическую зависимость от природных ископаемых видов топлива.

В этой связи значительное внимание уделяется возобновляемым источникам энергии, таким как солнце, ветер, вода, теплота недр, биомасса и др. Использование возобновляемых источников энергии поможет в решении накопившихся экологических проблем и, наряду с ними, решать экономические, социальные, политические

вопросы. Регион Центральной Азии обладает значительным количеством природных ресурсов, включая нефть и газ в качестве основных источников энергии, которые являются главными статьями экспорта Казахстана и Туркменистана, а водная энергетика относится к предметам экспортного спора Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Для поддержания стабильности Центральной Азии разрабатываются альтернативные пути энергоснабжения, в частности путем развития возобновляемых источников энергии (ВИЭ), как об этом говорит седьмая цель устойчивого развития ООН [10]. Данное направление является также одним из аспектов решения проблем экологической ситуации в Центральной Азии и последствий изменения климата.

Итак, «прочное современное партнёрство между Евросоюзом и Центральной Азией, по словам Петера Буриана, направлено на совместное решение существующих глобальных и региональных проблем, включая растущее влияние изменения климата» [5]. Несмотря на распространение пандемии COVID-19, экологические проблемы, составляющие комплекс изменений климата, оказались еще более актуальными, требующие глобального ответа.

Литература

1. Губайдуллина М.Ш. Приоритеты и перспективы сотрудничества Европейского союза и Казахстана: критический аспект // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. – 2011. – №3-4 (53-54).
2. Губайдуллина М.Ш., Чеботарев А.Е. Европейский Союз и страны Центральной Азии: возможности и перспективы сотрудничества в свете новой стратегии. – Алматы, 2021.
3. Губайдуллина М.Ш. Экологическая инициатива Казахстана для развития Европейско-Азиатско-Тихоокеанского партнерства. Интервью // 365 Info. – 2020. – №1. – 30 мая. URL: <https://365info.kz/2020/05/ekologicheskaya-initsiativa-kazahstanadlya-razvitiya-evropejsko-aziatsko-tihookeanskogo-partnerstva>
4. Почему Европейский союз интересуют экологические проблемы Центральной Азии // КУРСИБ. – 2020. URL:

- <https://kursiv.kz/news/otraslevye-temy/2020-02/pochemu-evropeyskiy-soyuz-interesuyut-ekologicheskie-problemy>
5. Представительстве ЕС в Таджикистане. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/tajikistan_ru/
 6. Экологические вызовы для Центральной Азии обсудили в Брюсселе // KAZINFORM (Международное информационное агентство). – 2020. URL: https://www.inform.kz/ru/ekologicheskie-vyzovy-dlya-central-noy-azii-obsudili-v-bryussele_a3614195
 7. Gubaidullina M., Balaubaeva B., Karimova Sh. Renewable energy and the regional prospect on sustainable development of Central Asia // International Relations and International Law Journal. – 2018. – № 4. – P.4-17.
 8. WECOOP (EU – Central Asia Cooperation on Water – Environment – Climate Change) – Проект Европейского Союза объявляет конкурс среди журналистов Центральной Азии «Изменение климата: будущее планеты в наших руках». – 2020. URL: <https://wecoop.eu/ru/about/>; <https://wecoop.eu/ru/media-contest/>; Европейский Союз помогает улучшить качество воздуха, воды и экологическую ситуацию в Узбекистане и Центральной Азии // UzDaily.uz. – 2020. URL: <https://uzdaily.uz/ru/post/57466>
 9. WECOOP (EU – Central Asia Cooperation on Water – Environment – Climate Change). Проект Европейского Союза объявляет конкурс среди журналистов Центральной Азии «Изменение климата: будущее планеты в наших руках». – 2020. URL: <https://wecoop.eu/ru/media-contest/>
 10. WECOOP. ЕС и Центральная Азия координируют действия по окружающей среде и климату в условиях пандемии. – 2020. URL: <https://wecoop.eu/ru/news-1wgcc/>
 11. Joint Progress Report by the Council and the European Commission to the European Council on the implementation of the EU Central Asia Strategy. Council of the EU. – Brussels, 2010. – 28 June. 11402/10, COEST 194, NIS 77. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/kazakhstan/documents/eu_kazakhstan/joint_progress_report_eu_ca_strategy_en.pdf/

ПОЛИТИКА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ КАК КЛЮЧЕВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Эргашев Бахтиёр Исмаилович

Директор Центра исследовательских инициатив «Ма'по»

1. Советский этап индустриализации оказался незаконченным для стран региона. Процесс создания и развития большинства производств и современных городов в странах Центральной Азии, происходивший в советский период, был подчинен интересам политики размещения производственных сил в рамках единого хозяйственного комплекса СССР. После распада Советского Союза в 1991 году страны Центральной Азии (за исключением Казахстана) представляли собой аграрно-индустриальные экономики с преобладающим сельским населением.

На сегодня население региона составляет более 69,6 млн. человек, из них 43,8% проживает в городах, т.е. процессы урбанизации оказались незавершенными.

Доля промышленности в экономике стран региона составляла в 1991 году от 27% (Кыргызстан) до 36% (Узбекистан).

После обретения независимости центральноазиатские страны реализовали собственные, во многом различные, модели политических и экономических реформ, что оказывало существенное влияние на развитие общественных процессов. Динамика и глубинные причины этих процессов отличаются от страны к стране, также варьируются и ответы на вызовы модернизации.

2. Все страны региона, с определенными различиями в темпах и формах, переживают глубокие трансформационные процессы:

- политическую трансформацию, для которой характерна коренная ломка прежней системы политических институтов и государственного управления, формирование новой системы, основанной на демократических принципах и демократических институтах;
- социальную трансформацию, когда в центральноазиатских обществах идут сложные процессы социальных изменений, характеризующиеся постепенным размывом ценностей, присущих традиционным/аграрным обществам. Рядом с этими ценностями развиваются новые, сформированные зачастую вне центральноазиат-

ских обществ – индивидуализм и ориентация на личную успешность, размывание семейных ценностей и др. Происходит изменение моделей потребительского поведения, в частности, все большее распространение получает «престижное/статусное» потребление. Другой аспект социальной трансформации – это процессы урбанизации, когда сельское население переезжает в города, что ведет за собой глубокое, коренное изменение поведенческих стереотипов;

- экономическую трансформацию, характеризующуюся переходом от аграрно-индустриальной экономики к индустриально-аграрной экономике (за исключением Казахстана), формированием рыночной экономики.

Ключевым элементом данного процесса является политика индустриализации.

3. Политика индустриализации.

Видение индустриализация, на наш взгляд, – это попытка системного видения перспектив индустриального развития стран Центральной Азии как составной части процессов модернизации и основанной на поиске оптимального баланса между существующей индустриальной моделью старого типа и необходимостью формирования инновационно-индустриальной модели нового типа.

Основные факторы, воздействующие на политику индустриализация:

а) В отличие от советской, замкнутой на внутренних ресурсах модели индустриализации, нынешняя индустриализация, в условиях глобализирующегося мира будет основана на активном привлечении иностранных инвестиций, технологий и компетенций.

б) Необходимость формирования основ инновационной экономики с подключением к формирующимся технологическим платформам пятого технологического уклада.

Основным содержанием политики индустриализации для стран Центральной Азии должно стать:

а) необходимость вовлечения/включения формирующихся национальных индустриальных проектов в глобальные цепочки связи;

б) одновременно необходимость формирования новых региональных промышленных цепочек производства на основе

промышленной кооперации и формирования региональных зон/кластеров ускоренного роста;

в) обеспечение оптимального баланса между развитием трудоемких проектов индустриального типа (предыдущей индустриальной эпохи) с развитием инновационных проектов и формированием в перспективе индустриально-инновационной экономики.

Если коротко сформулировать основной тренд, характерный для всех стран региона, то это – индустриализация и урбанизация. И в средне- и долгосрочной перспективе именно эти процессы будут определять динамику и глубину экономической, политической и социальной трансформации в странах Центральной Азии.

Индустриализация – это процесс управляемый, и правительства стран региона реализуют комплексные программы, направленные на стимулирование роста перерабатывающей промышленности и развитие городов.

В то же время, до сегодняшнего дня политики, за редким исключением, не принимают во внимание региональное измерение – они ориентированы скорее вовнутрь страны (либо ориентированы на рынки развитых стран), чем на выстраивание общерегиональных структур, в которые могли бы интегрироваться отдельные сектора национальных экономик. В результате локализованные в рамках национальных границ программы и проекты промышленного развития могут не давать должного эффекта. Данный вариант можно назвать вариантом неинтегрированного развития.

Необходима разработка и постепенная реализация нового сценария, который бы базировался на общерегиональный, интегрированный подход к реализации индустриальных и транспортно-логистических проектов, формированию зон приграничного сотрудничества и др. В этом контексте перед странами региона стоит масштабная задача – найти сферы, инициативы и конкретные проекты, которые позволят постепенно обеспечить большую сопряженность и взаимодополняемость национальных программ развития.

Что касается вызовов и угроз, то общими для всех стран региона на сегодня являются следующие вызовы:

- сравнительно высокий естественный прирост населения в

сельской местности при ограниченных возможностях для занятости на селе приводит к обострению проблемы безработицы;

- ограниченность водных и земельных ресурсов, которые ставят вопрос о повышении производительности труда в сельском хозяйстве, прежде всего за счет механизации и внедрения новых технологий, в интересах продовольственной безопасности;

- растущая нагрузка на городскую инфраструктуру, которая была создана еще в советское время и на сегодня во многом исчерпала свой жизненный ресурс. Она нуждается в значительных инвестициях и кардинальной модернизации;

- обширность территорий таких стран, как Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, что ограничивает доступ городов к инфраструктурным сетям и зарубежным рынкам, ведет к высоким транспортным и коммуникационным издержкам.

В конечном итоге, все страны региона сегодня сталкиваются с комплексом вопросов о перспективах своей территориальной организации, выстраивании новых пространственных каркасов, отвечающих интересам социально-экономического развития в долгосрочной перспективе.

РОССИЯ – ЗАПАД: ОБМЕН УДАРАМИ В КАЗАХСТАНЕ

Комлева Н. А.

Доктор политических наук, профессор,
директор Центра геополитического анализа Академии
геополитических проблем РФ, вице-президент Академии геополитических
проблем, академик Международной академии дискурс-анализа, эксперт
РАПН, эксперт Общественной палаты Свердловской области (РФ,
г. Екатеринбург)

Безопасность – глобальная, региональная или локальная – в большой степени зависит от взаимоотношений великих держав и их интересов. Эта максима относится и к региону Центральной Азии. На протяжении всей своей истории регион был предметом межгосударственных споров и войн [6; 10]. Сегодня определяющим фактором состояния безопасности стран региона является столкновение интересов России с одной стороны и интересов ведущих стран Запада – с другой.

Взаимоотношения России и ведущих стран Запада почти всегда были напряжёнными, начиная с Великой схизмы 1054 г. [11; 17], что обусловлено прежде всего цивилизационными различиями [13; 20]. В 2021 году эти взаимоотношения достигли высокой степени накала. Обвинения России в агрессивности, угрозы со стороны ведущих политиков США, ЕС и НАТО, а также частые провокации военных самолётов и кораблей НАТО у границ РФ привели к тому, что в июле была принята новая Стратегия безопасности РФ, где напрямую говорилось о необходимости подготовки экономики и армии России к противостоянию военным конфликтам¹. В пункте 17 второго раздела Стратегии национальной безопасности РФ «Россия в современном мире: тенденции и возможности» положение дел характеризуется следующим образом: «Рост геополитической нестабильности и конфликтности, усиление межгосударственных противоречий сопровождаются повышением угрозы использования военной силы. Расшатывание общепризнанных норм и прин-

¹О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. №400. Раздел IV: Обеспечение национальной безопасности, пункт 40, подпункт 10, подпункт 11 // Гарант.ру Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 17.01.2022 г.)

ципов международного права, ослабление и разрушение существующих международных правовых институтов, продолжающийся демонтаж системы договоров и соглашений в области контроля над вооружениями ведут к нарастанию напряженности и обострению военно-политической обстановки, в том числе вблизи государственной границы Российской Федерации. Действия некоторых стран направлены на инспирирование в Содружестве Независимых Государств (СНГ) дезинтеграционных процессов в целях разрушения связей России с ее традиционными союзниками. Ряд государств называет Россию угрозой и даже военным противником. Увеличивается опасность перерастания вооруженных конфликтов в локальные и региональные войны, в том числе с участием ядерных держав. Космическое и информационное пространства активно осваиваются как новые сферы ведения военных действий»¹.

В декабре 2021 года президент Путин потребовал от МИД РФ получить гарантии безусловной безопасности страны, закреплённые документально по результатам переговоров с США и НАТО. «Просто они довели нас до такого состояния, что мы должны им сказать: остановитесь!» [9].

17 декабря 2021 года на сайте МИД РФ были опубликованы проекты договоров РФ с США и НАТО, содержащие формулировки российских требований по обеспечению безопасности страны [12]. В частности, в проекте договора с США содержалось следующее положение: «Соединенные Штаты Америки принимают обязательства исключить дальнейшее расширение Организации Североатлантического договора в восточном направлении, отказаться от приема в альянс государств, ранее входивших в Союз Советских Социалистических Республик» (ст.4) [12], а в проекте договора с НАТО – «Участники, являющиеся государствами-членами Организации Североатлантического договора, отказываются от ведения любой военной деятельности на территории Украины, а также других государств Восточной Европы, Закавказья и Центральной Азии» (ст.7) [12].

¹О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. №400. Раздел IV: Обеспечение национальной безопасности, пункт 40, подпункт 10, подпункт 11 // Гарант.ру Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 17.01.2022 г.)

Переговоры с США по означенным требованиям России были назначены на 10 января 2022 года, с НАТО – на 12 января, а второго января начались волнения в Казахстане, которые, по нашему мнению, можно рассматривать как неформальный ответ Запада на «ультиматум Путина»¹.

Поясним свою позицию.

Первое. «Расширение НАТО на Восток», вопреки общепринятому мнению, это не только появление новых членов НАТО в Восточной Европе и в Закавказье², это ещё и Центральная Азия, где чрезвычайную активность проявляет такой член НАТО, как Турция. Вовлечение в натовские проекты вовсе не обязательно должно сопровождаться формальным вхождением в альянс либо двусторонними договорами страны именно с НАТО как единой организацией. Впрочем, и НАТО как единая организация также активна в Казахстане: учебные центры по подготовке казахстанских военных с преподавателями из стран НАТО и обучением по стандартам НАТО; продажа правительству Казахстана самолетов KingAir B300ER Scorpion с системами разведки, наблюдения и рекогносцировки (ISR); военно-биологические лаборатории и казахстанские НИИ, работающие по программам Пентагона; Банк низкообогащённого урана (сырьё поставляется только на АЭС стран Запада), построенный, в том числе, на деньги США, охраняемый американскими военнослужащими; совместные учения казахстанских и натовских военных подразделений (июль 2021 г., «Степной орёл») [8]. Пентагон обеспечивает казахстанскую каспийскую флотилию военными катерами и разведывательным оборудованием, причём «казахстанские военные уже разместили у себя в пункте «Мыс Скалистый» 11 модульных комплексов технического наблюдения для слежения за российским флотом. Прорабатывается вопрос и возникновения на постоянной основе «учебного полигона» в одном из портов на Каспии, что даст возможность американским военным советникам постоянно присутствовать и собирать разведывательные данные по всей акватории моря» [8]. Однако из всех стран

¹ Разумеется, протестные выступления в Казахстане в январе 2022 г. порождены несколькими причинами, но в рамках данной статьи будет рассматриваться лишь указанный аспект.

² Решение о принятии в альянс Украины и Грузии было принято руководством НАТО в 2008 г., однако конкретные сроки не указаны до сих пор.

НАТО именно Турция проявляет особую активность во взаимоотношениях с Казахстаном.

Турция давно и целенаправленно работает со странами Центральной Азии (ЦА) в рамках проекта пантюркизма. В 2009 г. был создан Совет сотрудничества тюркских государств (Тюркский совет), штаб-квартира которого располагается в Стамбуле, Парламентский совет – в Баку, Тюркская Академия (научные исследования различных аспектов жизни тюркских народов) – в Нурсултане, а Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) – в Анкаре¹. В состав Тюркского совета входят, кроме Турции, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан. Заметим, что из всех членов Тюркского совета, кроме Турции как учредителя, в ключевых проектах Совета задействован именно Казахстан. Так, Тюркской академии в координации с министерствами образования стран Тюркского совета на седьмом саммите Совета в 2019 г. было поручено завершить работу над учебниками для средних школ стран – участниц Совета по «Общей истории тюркских народов до XV века», а также «Общей географии и литературы тюркского мира» [1]. С сентября 2018 г. Тюркский совет, а теперь уже – Организацию тюркских государств возглавляет представитель Казахстана Б.Амреев.

В ноябре 2021 г. Совет преобразован в Организацию тюркских государств (ОТГ). Первое предложение об этом прозвучало из уст представителя Казахстана, елбасы (лидера нации) Нурсултана Назарбаева на седьмом саммите Совета в Баку в 2019 г., где Н. Назарбаев получил статус Почётного председателя Совета [4]. Предложение было поддержано присутствовавшим там же президентом Казахстана Касым-Жомартом Токаевым. На неформальном саммите Тюркского совета в марте-апреле 2021 г., проведённом в режиме видеоконференции по причине пандемии и созванном по инициативе Казахстана, казахский город Туркестан был объявлен духовной столицей тюркского мира. Председательствовал на саммите президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев, который, в частности, сказал: «Наша цель – превратить тюркский мир в одно

¹ Основной целью этой организации провозглашается «сотрудничество между тюркскими народами для сохранения, развития и передачи будущим поколениям общих материальных и культурных памятников тюркских народов». Предшественницей является Организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства, созданная в 1993 г.

из важнейших экономических и культурно-гуманитарных пространств в XXI веке. Призываю начать модернизацию тюркской цивилизации, прежде всего, с представления всему миру наследия Яссави¹ и священного Туркестана. Поэтому сегодняшний саммит называется «Туркестан – духовная столица тюркского мира». <...> Нам важно развиваться сообща» [3]. Напомним, что в 1991 г. в Туркестане был открыт Туркестанский государственный университет, переименованный в 1993 г. в Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмета Яссави. Одним из структурных подразделений университета является Научно-исследовательский институт тюркологии.

В январе 2013 г. в рамках Тюркского совета была создана структура с затейливым названием Ассоциация правоохранительных органов военного статуса Евразии (ТАКМ), генеральный штаб которой располагается в Анкаре. Согласно заявлению Главнокомандования, Силами жандармерии Турции эта организация не направлена против какого-либо государства или организации и создана «с целью укрепления сотрудничества между правоохранительными органами военного статуса стран-членов. Целью является только служение миру, а также оказание современных правоохранительных услуг гражданам» [19]. Однако журналисты тут же окрестили Ассоциацию Армией Турана², «тюрко-исламским НАТО» (к примеру, Радио Азатык) и предположили, что её основная цель – противодействие Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ)³, где главную роль играет Россия. Казахстан, напомним, входит в обе названные организации.

Итак, «расширение НАТО на Восток» происходит и в своеобразной форме вовлечения стран ЦА, прежде всего Казахстана, в пантюркистский проект такой страны НАТО, как Турция. Если учесть тесные связи и даже, по утверждению некоторых СМИ, личную дружбу президента Турции Р.Т.Эрдогана и главы британской разведки МИ-6 Р.Мура, который был послом Великобритании в Турции (2014-2017 гг.), а также тот факт, что премьер-министр Ве-

¹ Исламский философ и проповедник, суфийский поэт, сыграл ключевую роль в распространении ислама среди тюрков Центральной Азии. Годы жизни: 1103-1166.

² Великий Туран – геополитический проект Турции, ставящий целью объединение всех тюркоязычных этносов под эгидой Турции.

³ В состав ОДКБ входят: Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан.

ликобритании Б.Джонсон является правнуком пробританского турецкого политика Али Кемаля, то в ЦА «за спиной» Турции и ОТГ стоит еще одна страна НАТО – Великобритания. Эта антироссийская связка двух стран периодически возобновляется при совпадении интересов Турции и Британии, как это было, к примеру, в ходе Крымской войны (1853-1856 гг.), а также в вооружённых конфликтах России и Турции на Ближнем Востоке, на Кавказе и в Туркестане (в данном случае имеется в виду географический регион). Более того, президент Эрдоган заявил, что Турция, наряду с США и Великобританией, является сопредседателем геополитического проекта Большого Ближнего Востока. Один штрих «к портрету» сотрудничества Британии и Турции: в знаменитых турецких беспилотниках Байрактар ряд комплектующих – британского производства, а британский истребитель пятого поколения TF-X разрабатывается совместно с Турцией [18].

Поскольку абсолютно все удавшиеся и неудавшиеся государственные перевороты в странах ЦА, замаскированные под «народные революции», прямо или косвенно спонсировались и организовывались именно ведущими странами Запада, прежде всего США и Великобританией, то события января 2022 г. в Казахстане, уже получившие название «газовой революции» (первоначальным требованием протестующих было снижение цены на газ), с высокой долей вероятности были превентивным ответом стран Запада на «ультиматум Путина»: ультиматум не примем, геополитический ущерб нанесём. Повторим: волнения в Казахстане начались 2 января, за неделю до намеченных на 10 января переговоров России и США. Если бы не решительные действия президента Казахстана и помощь ОДКБ, то, судя по интенсивности развития событий, хорошей организации и почти поголовному вооружению протестующих, за неделю «режим Токаева» был бы снесён, что радикально ослабило бы позиции России на переговорах.

Второе. Почему для превентивного ответа на «ультиматум Путина» был выбран именно Казахстан? Здесь сыграли роль три фактора.

Один из них – следование знаменитой стратемие Сунь-Цзы: «поднять шум на востоке – напасть на западе». «Распиаренная» западными политиками и СМИ «предвоенная» ситуация на Украине с

обвинениями в адрес России в неизбежном нападении на эту страну, в том числе, послужила отвлечению внимания от локуса реальной атаки Запада в Казахстане.

Второй фактор, гораздо более значимый, – реальная роль Казахстана в экономических и политических процессах в Центральной Азии. Эта страна – один из учредителей и значимый участник Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Договор о создании ЕАЭС был подписан в Астане, столице Казахстана. В настоящее время экономика Казахстана – вторая в ЕАЭС после российской и первая в Центральной Азии [14]. Казахстан является участником и военного объединения – Организации договора коллективной безопасности, которая включает те же страны, что и ЕАЭС, и положение Казахстана в ОДКБ такое же, как и в ЕАЭС – вторая по силе армия после российской. Кроме того, Казахстан включён в китайский проект «Один пояс – один путь» и находится почти в географическом центре сухопутного Нового шёлкового пути из Китая в Европу. «Газовая революция» в случае её успеха могла выбить Казахстан из всех трёх структур, критически ослабив позиции России в ЦА и создав препятствия на пути реализации геополитического проекта, весьма значимого для Китая. Кроме того, Казахстан – член Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), и смена режима, как и сама по себе политическая нестабильность в этой стране, имела бы отрицательное влияние на функционирование и мировой престиж ШОС.

Третий фактор – это российские объекты в Казахстане: космодром Байконур, полигон Сары-Шаган (единственный в Евразии полигон для разработки и испытаний противоракетного оружия), 20-я отдельная испытательная станция и два измерительных пункта ИП-8 и ИП-16 (испытания ракетной техники и боеприпасов), объект «Балхаш-9» (часть российской системы предупреждения о ракетном нападении), Отдельный полк транспортной авиации ВВС России в городе Костанай (транспортное обеспечение мероприятий, проводимых на всех вышеупомянутых военных объектах России в Казахстане) [5]. Территория 4-го Государственного межвидового испытательного полигона МО России – полигон «Капустин Яр» – частично находится в Казахстане (Атырауская и Западно-Казахстанская области), большая же его часть – в России [5]. «Га-

зовая революция», несомненно, в случае победы, уничтожила бы российские объекты на территории Казахстана и создала бы угрозы функционированию российской Каспийской флотилии.

Поскольку Россия в рамках «ультиматума Путина» позиционировала «военно-технический и военный ответ» в случае, если США и НАТО не примут условий России, то в Казахстане Россия и продемонстрировала именно такой вариант реагирования. Согласно официальному обращению легитимного президента Казахстана, контингенты стран ОДКБ 6 января были введены для осуществления миротворческой миссии по охране наиболее важных государственных и стратегических объектов Казахстана и оказанию помощи казахстанской стороне в поддержании правопорядка. Показательно, что советник президента Турции Эрдогана И.Шенер в резкой форме осудил операцию ОДКБ [15]. Госсекретарь США Э.Блинкен так же высказал недовольство фактом присутствия сил ОДКБ в Казахстане [2].

Выполнив свою миссию, в том числе и задачу демонстрации варианта быстрого «военно-технического и военного ответа» США и НАТО со стороны России, миротворческие силы ОДКБ с 13 января в течение десяти дней были выведены из Казахстана.

Таким образом, с точки зрения геополитики события в Казахстане в январе 2022 г. являются именно «обменом ударами» между Россией и ведущими странами Запада (НАТО).

Литература

1. Амреев Б. Тюркский совет набирает обороты // Казахстанская правда. URL: <https://kazpravda.kz/articles/view/turkskii-sovet-nabiraet-oboroti> (дата обращения: 17.01.2022)
2. Блинкен не понял, зачем Казахстану потребовалась помощь сил ОДКБ // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/814263> (дата обращения: 17.01.2022)
3. Больбот И. Саммит Тюркского совета: «Великий Туран» пока только в мечтах // Ритм Евразии. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-04-04--sammit->

- tjurkskogo-soveta-velikij-turan-poka-tolko-v-mechtah-54022 (дата обращения: 17.01.2022)
4. В Баку состоялся VII саммит Совета сотрудничества тюркоязычных государств // REPORT. Информационное агентство. URL: <https://report.az/ru/vneshnyaya-politika/v-baku-sostoyalsya-vii-sammit-soveta-sotrudnichestva-tyurkoyazichnih-gosudar/> (дата обращения: 17.01.2022)
 5. Зверев Ю. Российские военные базы и объекты за рубежом: Казахстан, Таджикистан, Киргизия // Евразия эксперт. URL: <https://eurasia.expert/rossiyskie-voennye-bazy-i-obekty-zarubezhom-asia/> (дата обращения: 17.01.2022)
 6. Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 208 с.
 7. Курманов А. Казахстан согласился стать американским полигоном против России и Китая // Политнавигатор. URL: <https://www.politnavigator.net/kazakhstan-soglasilsya-stat-amerikanskim-poligonom-protiv-rossii-i-kitaya.html> (дата обращения: 18.01.2022)
 8. Курманов А. «Нож в спину». Армия Казахстана превращается в подразделение НАТО // Политнавигатор. URL: <https://www.politnavigator.net/nozh-v-spinu-armiya-kazakhstana-prevrashhaetsya-v-podrazdelenie-nato.html> (дата обращения: 17.01.2022)
 9. Латухина К. Владимир Путин заявил о необходимости гарантировать безопасность России // Российская газета. – 2021. – №294. URL: <https://rg.ru/2021/12/27/vladimir-putin-zaiavil-o-neobhodimosti-garantirovat-bezopasnost-rossii.html> (дата обращения: 17.01.2022)
 10. Макговерн У. Древние империи Центральной Азии / пер. с англ. Л.А.Игоревского. – М.: Центрполиграф, 2021. – 511 с.
 11. Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война / пер. М.Аннинской, С.Булгаковой. – М.: Паулсен, 2016. – 464 с.
 12. О российских проектах документов по обеспечению правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО // МИД РФ. Официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/ (дата обращения: 17.01.2022)

13. Панарин А.С. Православная цивилизация / сост., предисл. В.Н.Расторгуев / отв. ред. О.А.Платонов. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. – 1248 с.
14. Реальный сектор экономики Казахстана: индустриально-технологические преобразования: колл. монография / под ред. А.А.Сатыбалдина. – Алматы: ИЭ КН МОН РК, 2016. – 364 с.
15. Россия ждёт объяснений Турции из-за высказываний об использовании ОДКБ в Казахстане // RT на русском. URL: <https://russian.rt.com/world/news/949046-odkb-turciya-kazakhstan> (дата обращения: 17.01.2022)
16. Сарыбаева А. Что из себя представляет экономика Казахстана // MMF Бизнес-портал. URL: <https://moneymakerfactory.ru/biznes-idei/ekonomika-kazahstana/> (дата обращения: 18.01.2022 г.)
17. Судьба империи. Русский взгляд на европейскую цивилизацию. / Д.Куликов, Т.Сергейцев, И.Валитов. – М.: Изд-во «Э», 2016. – 480 с.
18. Тайные каналы влияния Англии в Турции // Русстрат. Институт международных политических и экономических стратегий. URL: <https://russtrat.ru/analytics/2-iyulya-2021-0010-4860> (дата обращения: 17.01.2022 г.)
19. ТАКМ: совместная тюркская армия или ассоциация? // Геополитика. Радио Аззатык. URL: https://rus.azattyk.org/a/baku_police/24891967.html (дата обращения: 17.01.2022)
20. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т.Велимеева. – М.: Изд-во АСТ, 2015. – 571с.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТРИ ПРЕПЯТСТВИЯ

Комлева Н.А.

Доктор политических наук, профессор, директор Центра геополитического анализа Академии геополитических проблем РФ, вице-президент Академии геополитических проблем, академик Международной академии дискурса-анализа, эксперт РАПН, эксперт Общественной палаты Свердловской области (РФ, г. Екатеринбург)

Интеграционные процессы являются трендом современного межгосударственного взаимодействия. Активно развивается интеграция, имеющая преимущественно экономический характер и в рамках постсоветского евразийского пространства.

Правовой основой экономической интеграции на постсоветском пространстве является Договор о Евразийском экономическом союзе¹, который был подписан в г. Астане 29.05.2014 (с изменениями и дополнениями вступил в силу с 01.08.2021) [8]. В данном документе указано, что основными целями Союза являются: создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Совместное заявление членов Высшего Евразийского экономического совета по случаю 5-летия подписания Договора о Евразийском экономическом союзе констатировало, что за пять лет с момента образования ЕАЭС произошли следующие положительные изменения в развитии стран-членов: рост взаимной и внешней торговли, рост ВВП, рост промышленного производства, улучшение позиций стран ЕАЭС в международных рейтингах [28].

В то же время ни один социальный процесс, тем более процесс такой сложности, не обходится без препятствий и трудностей. В данной статье уделяется внимание трём факторам, которые автор

¹Государствами-членами Евразийского экономического союза являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация.

считает важными препонами на пути полномасштабной евразийской интеграции в рамках постсоветского пространства.

Первый из этих факторов – гибридная война, ведущаяся, в том числе, и против стран-членов ЕАЭС с целью затормозить и реформатировать как их собственное развитие, так и развитие их интеграции в рамках ЕАЭС.

В научной литературе можно встретить несколько десятков определений сущности феномена гибридной войны, но подавляющее большинство авторов трактует данный тип войны как сочетание традиционных и нетрадиционных (вариант: конвенциональных и неконвенциональных) форм вооружённого противостояния. Однако феномен гибридной войны в рамках военной и политической науки не определяется исчерпывающе, его сущность и специфику не возможно понять вне геополитической парадигмы. *Гибридная война, на наш взгляд, представляет собой исключительно геополитическое явление, в своём полном объёме не определяемое в иных исследовательских парадигмах. С этой точки зрения, гибридная война – это совокупность действий, направленных на одновременное разрушение всех основных геополитических пространств общества-соперника, то есть на его абсолютное сокрушение.* Основными геополитическими пространствами автор данной статьи полагает следующие: географическое, экономическое, информационно-идеологическое и информационно-кибернетическое. В каждом типе геополитического пространства способы ведения гибридной войны различаются в соответствии с природой данного типа пространства.

Основные способы ведения гибридной войны *в географическом пространстве*: локальные «традиционные» войны в ресурсных регионах страны-объекта агрессии, вовлечение данной страны в серию «конфликтов малой интенсивности» по периметру её границ; «цветные революции», то есть государственные перевороты в стране-объекте агрессии и в государствах, являющихся её геополитическими союзниками; поощрение сепаратизма и терроризма в стране-объекте агрессии.

Все перечисленные технологии применяются к современной России. В конце 90-х – начале 2000-х годов страны Запада и их союзники, страны Ближнего Востока (Саудовская Аравия, Иордания,

ОАЭ) спонсировали террористическую войну (термин С. Иванова, тогдашнего министра обороны РФ) на российском Северном Кавказе в финансовом отношении, поставляли в регион наёмников, военных советников, современное вооружение. Террористическая война была составной частью сепаратизма так называемой Республики Ичкерия, образованной на большей части Чеченской республики в составе России, а также определённых сил в республиках Ингушетия, Кабардино-Балкария, Дагестан (проект «Лакской республики»). Попытки осуществить «ромашковую революцию» в Российской Федерации наблюдались в 2003-2008 гг., а также в 2012 г. (2012 г. – «белоленточное движение»). «Цветные революции» или попытки их осуществления произошли в разные годы в странах по всему периметру российских границ, в том числе в таких странах-членах ЕАЭС, как Армения, Белоруссия, Кыргызстан, Казахстан. Россия, так или иначе, испытала влияние «конфликтов малой интенсивности» вблизи своей территории: Приднестровского, Украинского (гражданская война в Донбассе), Карабахского (две так называемых Карабахских войны между Арменией, членом ЕАЭС, и Азербайджаном), гражданской войны в Таджикистане 1990-х.

Конфликты по большей части не вооружённые, в центрально-азиатской части постсоветского пространства могут возникнуть и периодически возникают по следующим причинам: 1) наличие пограничных споров между Таджикистаном, Кыргызстаном (член ЕАЭС) и Узбекистаном вследствие того, что сотни километров границ Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана до сих пор не делимитированы и не демаркированы; 2) неравномерность распределения водных ресурсов в регионе обуславливает конфликт интересов ключевых поставщиков воды (Таджикистан и Кыргызстан) и ее основных потребителей (Узбекистан, Казахстан, член ЕАЭС, и Туркмения); Таджикистан вместе с Кыргызстаном заинтересованы использовать водные ресурсы для выработки электроэнергии для удовлетворения собственных нужд и на экспорт в третьи страны, в свою очередь, Казахстан, Туркмения и Узбекистан настаивают на преимущественно ирригационном характере эксплуатации как существующих, так и планируемых новых ГЭС; 3) внутренняя политическая нестабильность и терроризм (гражданская война в Таджи-

кистане в 1992-1997 гг.), «цветные революции» в Кыргызстане (2005, 2010 гг.) и массовые беспорядки в Узбекистане (г. Андижан, 2005 г.); 4) в странах региона существует разветвленная сеть исламистского подполья [30]; 5) за последние 10 лет Чуйская область Кыргызстана, Алматинская и Южно-Казахстанская области Казахстана не раз становились ареной межэтнических конфликтов, которые привели к человеческим жертвам и серьезному имущественному ущербу [6]. Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время многие из перечисленных проблем находят своё решение. Однако на данный момент серьёзной угрозой является приход к власти в Афганистане в августе 2021 г. запрещённого в РФ движения «Талибан». Многочисленные беженцы из Афганистана, в числе которых могут находиться и боевики «Талибана», имеющие целью дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в центрально-азиатских странах и на юге России, проникают в страны-члены ЕАЭС.

Основные способы ведения гибридной войны в экономическом пространстве: 1) санкции против отдельных отраслей экономики страны-объекта агрессии, в том числе закрытие для неё международных рынков (или отдельных их сегментов) и блокирование доступа к определённым технологиям; 2) санкции против всех отраслей экономики страны-объекта агрессии в совокупности (экономическая блокада); 3) санкции против ключевых персоналий, определяющих содержание и ход экономических процессов в стране-объекте агрессии.

В настоящее время Россия находится под экономическими санкциями со стороны США, ЕС, Австралии, Канады, Японии и некоторых других стран, введёнными в 2014 г. после присоединения Крыма к России. Под санкциями оказались практически все системообразующие банки страны, нефтедобывающие компании, основные предприятия оборонно-промышленного комплекса. Санкции направлены прежде всего на ключевой сектор российской экономики – нефтяной. Блокируется доступ к технологиям для освоения арктических, сланцевых и трудноизвлекаемых месторождений нефти. Санкции, установленные в отношении российского банковского сектора, затрагивают довольно значительную его часть – более 50% суммарных активов. Произошло резкое сужение географи-

ческой и продуктовой диверсификации российского агропродовольственного импорта, ослабление сырьевой и производственной базы пищевых отраслей [24]. Санкции против России пали на «плодородную почву»: страна находилась в чрезмерной зависимости от импорта не только указанных продуктов промышленного производства, но и лекарств, изделий электроники, продовольствия, товаров широкого потребления. Так, в тяжёлом машиностроении доля импорта в 2014 г. составила 60-80%, станкостроении – свыше 90%, радиоэлектронике – 80-90%, медицинской промышленности и фармацевтике – 70-80%, лёгкой промышленности – 70-90%. За период 2000–2014 объем ввозимой продукции увеличился в 8,4 раза [31]. Действуют также персональные санкции против ведущих политиков, банкиров, промышленников страны.

Непосредственно против других стран ЕАЭС никто экономических санкций не вводит, однако западные санкции против России оказывают большое влияние на экономику этих стран, поскольку российский рынок является крупнейшим в отношении сбыта товаров, производимых в них. Курс национальных валют стран ЕАЭС подвергся определённой корректировке, также последствием анти-российских санкций стало снижение уровня доходов населения и ускорение инфляции [27].

Основные способы ведения гибридной войны *в информационно-идеологическом пространстве*: 1) замещение традиционных ценностей и/или доминирующих идеологических конструктов данного общества ценностями и/или доминирующими идеологическими конструктами другого общества; 2) фальсифицирование истории страны-объекта агрессии; 3) десакрализация пророков, основных персоналий и основных постулатов базовых религий страны-объекта агрессии; 4) имплантация и/или поощрение децивилизующих социальных практик: промискуитета, насилия в отношении слабых и беспомощных, наркомании, инцеста, бытовой и экономической преступности.

Информационно-идеологическое пространство России на рубеже XX – XXI вв. сжалось почти до минимального объёма. «Ценности теряют ценность <...> Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идолы рушатся» [32, с.11]. Следствием сформированности фактора «общей несчастли-

вой судьбы» – или, в иной терминологии, ощущения перенесённой глубокой социальной травмы – стала «своеобразная идеализация Запада, стремление сблизиться с ним вплоть до обретения единой идентичности» [5, с.11]. Имплантация западных идеологических конструктов и западных ментальных ценностей внутрь информационно-идеологического пространства постсоветской России была эффективной, поскольку, в том числе, строилась на компенсационной технологии преодоления социальной травмы (социальной травмой являлись распад СССР и «шоковая социальная терапия») – т.наз. инновационной стратегии, состоящей в быстром восприятии новых навязанных ценностей [2]. «Главная тенденция, отмеченная в последние годы, — рост числа людей с индивидуалистическими ориентациями. Если в 2008 году в целом по стране преобладали представители социальных ориентаций, то к 2012 году ситуация сменилась на противоположную. По словам исследователей, сдвиг происходит во многом за счет более молодых поколений, ценности которых сформировались под влиянием мощных политических, экономических и культурных изменений рубежа 1980-90х» [3]. В настоящее время «тенденция сохраняется, индивидуалистов в России с каждым годом все больше» [3].

Интенсивность ведения данной формы гибридной войны очень высока, в том числе и в центральноазиатских странах ЕАЭС. В частности, различные западные правозащитные организации обвиняют эти страны в отсутствии терпимого отношения к ЛГБТ-сообществу [2, с.5]. В 2016 г. в Таиланде (Бангкок) на XXVIII конференции Международной ассоциации лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров и интерсексуалов (англ. International Lesbian, Gay, Bisexual, Trans and Intersex Association, сокр. ILGA) на одном из пленарных заседаний единогласно было принято решение о включении ЛГБТ-организаций и инициатив стран Центральной Азии в состав европейского филиала Ассоциации – ILGA Europe [3].

Основные способы ведения гибридной войны в кибернетическом пространстве: 1) вытеснение программного продукта и кибернетических технологий страны-объекта агрессии с мировых и/или региональных рынков; 2) хакерские атаки против экономических и политических институтов страны-объекта агрессии.

В отношении России применяются и эти способы ведения гибридной войны, однако ради справедливости надо отметить, что российский рынок ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) большим объёмом и не обладал. При этом «основная часть оборудования, его материальной базы и программных продуктов производятся за рубежом и там закупаются» [3, с.251]. В последнем случае экономические санкции, затрудняющие или пресекающие приобретение российскими структурами элементов западной материальной базы ИКТ и западных программных продуктов, особенно действенны в кибернетическом пространстве гибридной войны.

Несмотря на ограниченность сектора международного рынка ИКТ, занимаемого российскими компаниями, их, тем не менее, вытесняют из этого сектора, в основном под предлогом связи этих компаний с «русской разведкой» или «с Кремлём», что сегодня считается опасным преступлением против национальной безопасности стран Запада. Так, в июне 2017 г. в Сенате Конгресса США прозвучало требование запретить Пентагону использовать программы российской «Лаборатории Касперского» [24] именно по той причине, что «Лаборатория» связана «с российским правительством».

Российские банки, правительственные структуры подвергаются хакерским атакам в еженедельном или даже ежедневном режиме. «В Кремле заявили, что хакерские атаки фиксируются каждый день, в том числе на сайт президента» [17]. При этом около 28% кибератак на российские серверы совершаются с территории Соединённых Штатов [19].

В отношении органов власти центральноазиатских стран ЕАЭС и Белоруссии давно и планомерно ведутся хакерские атаки [26].

Таким образом, против стран ЕАЭС, как и против России, основного государства этого интеграционного образования, активно ведётся гибридная война, в определённой мере тормозящая развитие ЕАЭС.

Второе препятствие развитию ЕАЭС – *отсутствие общей идеологической базы интеграционного процесса*. Усугубляет положение тот факт, что в каждом государстве-члене ЕАЭС существует конституционный запрет на официальную идеологию.

Концепция мировоззренческого нейтралитета государства в её правовом выражении присутствует в ныне действующей Конституции России (статья 13, пп. 1 и 2): «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [15]. Конституция Республики Беларусь: «Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан» [13]. Конституция Республики Казахстан (ст. 5): «В Республике Казахстан признаются идеологическое и политическое многообразие» [14]. Конституции Республики Армения и Кыргызской республики вообще обошли молчанием вопрос об идеологии (идеологиях) [11]. Эта внутривнутриполитическая позиция обуславливает отсутствие общей официальной идеологии и в рамках такого интеграционного объединения, как ЕАЭС.

Официальная идеология, т.е. ценностная мировоззренческая система, поддерживаемая государством, концентрирует и выражает национальный интерес, т.е. определяет цели развития данного социума и способы их достижения, а тем самым – его экономические, социальные и культурные приоритеты и в конечном счёте – место данного общества в историческом процессе: в рамках мейнстрима или «на обочине истории», а кроме того – обосновывает легитимность данной политической системы вообще и данного государства в частности. Отсутствие официальной идеологии приводит к неопределённости социального развития, хаотизации общественных процессов, а в итоге – к утрате данным обществом такого важного качества, как конкурентоспособность. Особенно фатальным отсутствием официальной идеологии становится в ситуации информационно-идеологической войны в рамках войны гибридной: агрессор в качестве оружия активно использует конструкты, сформированные в рамках его собственной доминирующей идеологии, а общество-жертва, провозгласившее «мировоззренческую нейтральность», лишается какой-либо возможности адекватного и скоординированного ответа на агрессию.

Идеологические атаки на ЕАЭС в целом и на отдельные страны-члены предпринимаются постоянно. Западные «фабрики мысли» и СМИ преимущественно оценивают ЕАЭС как инструмент россий-

ского влияния, отрицая равноправие его членов. В докладе «ЕАЭС в публикациях ведущих западных “фабрик мысли” в 2019 году», подготовленное проектом «Открытая аналитика», приводятся следующие факты: «из 56 «американских» материалов, лишь два (т.е. 4%) можно отнести к материалам с положительным отношением к ЕАЭС, тогда как с отрицательным – 23 (41%). В материалах западноевропейских «мозговых центров» – 20 (23%) и 27 (30%) соответственно из 89» [9]. Западные СМИ концентрируют внимание не на успехах, а на проблемах ЕАЭС. Так, «Дойчевелле» пишет: «Украинская говядина, переделанная в белорусскую, конфликты, связанные с реэкспортом и Санэпиднадзором, молочные «войны» России и Белоруссии, торговые споры Киргизии и Казахстана – всё это связано с тем, что внешнее партнёрство для членов ЕАЭС оказывается не менее, а порой и более выгодным, чем внутреннее» [10]. В материалах крупнейших западных изданий ("The New-York Times", "The Wall Street Journal", "The Times", "The Washington Post", "The Guardian", "Le Figaro" и др.), посвященных ЕАЭС, преобладают негативные оценки [22]. В этих условиях настоятельно необходима общая идеологическая база евразийской интеграции постсоветских стран.

Третий фактор, тормозящий евразийскую интеграцию – *руссофобия части элит и части населения стран ЕАЭС*.

Это, в частности, выражается в существовании и активной работе музейных учреждений, хранящих экспонаты об «эксплуатации» и «репрессиях» России и русских в отношении автохтонных народов стран-членов ЕАЭС. Экспозиция «Казахстан в составе СССР» находится в Зале истории Казахстана в Национальном музее Республики Казахстан [21]. Большая её часть посвящена бедам казахского народа в период пребывания в составе СССР. В Бишкеке находится Музей-мемориал памяти жертв сталинских репрессий «Ата-Бейит» («Могила отцов»), являющийся структурным подразделением мэрии киргизской столицы [18]. Музей, посвящённый трагедии сталинских репрессий, планируется создать в Ереване [20].

В школьных и вузовских учебниках истории стран-членов ЕАЭС период вхождения в состав Российской империи и СССР оценивается, как правило, негативно [23]. Основные обвинения:

утрата национального суверенитета, массовые репрессии по национальному признаку, снижение уровня жизни автохтонных народов, подавление их национально-освободительной борьбы. Параграф о голоде 1930-х в казахстанском учебнике именуется геноцидом казахов и «трагедией казахского аула». В кыргызстанских учебниках подавление восстания в Туркестане в 1916 г. трактуется как геноцид киргизов. В учебниках Армении утверждается: «На Армению смотрели как на колонию, делали из нее сырьевой источник и рынок сбыта товара» [23, с.308]. В белорусских учебниках говорится о росте противоречий между российскими властями и стремлением белорусов к самостоятельной культурной жизни и развитию высоких форм белорусоязычной культуры [23, с.317]. «Отношения между народами в националистической историографии понимаются только как игра с нулевой суммой. Если Россия, русские, империя прилагали усилия для социально-экономического развития окраин, инвестировали ресурсы, прокладывали каналы и железные дороги, строили заводы и города, создавали театры и университеты, то в логике проанализированных учебников это лишний раз доказывает, что они эти окраины русифицировали и эксплуатировали в своих целях. Если какие-то положительные изменения в жизни нерусских народов все же происходили и не упомянуть о них никак нельзя, то они совершались исключительно вопреки «имперскому центру» и его политике» [23, с.11-12]. События и персоналии советской истории перестают быть общими, так как значительная часть населения о них просто ничего не знает, о них не упоминается в учебниках истории.

Подливают масло в огонь и некоторые высказывания политиков стран ЕАЭС. Наиболее авторитетным из них является первый президент независимого Казахстана Н.А.Назарбаев, утверждавший: «Россия просто фактом своего существования (и особенно фактом своего существования в статусе великой державы) действительно является фактором дестабилизации государственности для большинства своих постсоветских соседей» [1].

Естественным следствием такой культурной и образовательной политики стали проявления бытовой русофобии: деятельность «языковых патрулей» в Казахстане [33], оскорбления и избиения этнических русских за общение на русском языке [25]. Избиение

русского мальчика на спортивных сборах в Кыргызстане в 2021 г. [7] вызвало протесты у посольства этого государства в Москве, после чего поднялась волна антирусских выступлений уже в Кыргызстане. «В 2017 году 50,67% жителей Армении заявили социологам, что вступление в ЕАЭС отрицательно сказалось на стране, лишь 34,33% назвали Россию союзником Армении, 40% сочли, что связи с Россией препятствуют отношениям Армении с ЕС» [4].

Сознавая характер и источники препятствий на пути интеграции на постсоветском пространстве, необходимо осуществлять проактивные действия по их преодолению и предотвращению, а не «ограничиваться простым парированием угроз... Одни лишь оборонительные действия и реагирование на шаги противника не будут эффективны и не дадут желаемого результата» [29, с.568].

Литература

1. Антироссийские высказывания Назарбаева нельзя одобрить, но можно понять // Взгляд. Деловая газета. URL: <https://vz.ru/world/2016/12/7/848137.html> (дата обращения: 21.08.2021)
2. Асташов А.Б. Историческая травма в социально-политических проектах // Будущее нашего прошлого: мат. науч. конф. (Москва, 15-16 июня 2011 г.) / отв. ред. А.П.Логунов; Рос. гос. гуманитар. ун-т, фак-т истории, политологии и права, каф. истории и теории ист. науки. –М.: изд. РГГУ, 2011. –С.44-55.
3. Береснева Е. Ценности россиян – много индивидуализма, мало «ценностей роста» // Научная Россия. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/tsennosti-rossiyan> (дата обращения: 22.08.2021)
4. Ваджра А. Ценят ли армяне Россию? // Русская народная линия. URL: https://ruskline.ru/opp/2020/10/07/cenyat_li_armyane_rossiyu (дата обращения: 25.08.2021)
5. Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения. // Социологические исследования. – 2012. – № 2. –С.11.
6. Данков А. Вооруженные конфликты в Центральной Азии: факторы влияния. URL: <https://islam->

- today.ru/islam_v_mire/centralnaa-i-srednaa-azia/vooruzennye-konflikty-v-centralnoj-azii-factory-vliania/ (дата обращения: 17.08.2021)
7. Девятилетнего мальчика в Киргизии две недели били за то, что он русский и православный // Комсомольская правда. – 2021. – 11 июля. URL: <https://www.kp.ru/daily/28302.5/4442714/> (дата обращения: 20.08.2021)
8. Договор о Евразийском экономическом союзе // Евразийский экономический союз. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=3610> (дата обращения: 25.08.2021)
9. ЕАЭС в публикациях ведущих западных «фабрик мысли» в 2019 году // Открытая аналитика. URL: <http://open-analytics.ru/research/eaes-v-publikatsiyakh-vedushchikh-zapadnykh-fabrik-mysli-v-2019-godu> (дата обращения: 18.08.2021)
10. Как оценивают ЕАЭС западные СМИ и политики // Сонар. 2050. URL: <https://www.sonar2050.org/publications/blednaya-kopiya-ili-konkurent-evrosoyuza/> (дата обращения: 18.08.2021)
11. Конституция Армянской Республики. https://www.gov.am/u_files/file/Constitution/Constitution-nor.pdf; Конституция Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913> (дата обращения: 16.08.2021)
12. Конституция Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913> (дата обращения: 16.08.2021 г.)
13. Конституция Республики Беларусь // Национальный правовой портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 16.08.2021)
14. Конституция Республики Казахстан. URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 16.08.2021)

15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008г. №6-ФКЗ, от 30.12.2008г. №7-ФКЗ, от 05.02.2014г. №2-ФКЗ, от 21.07.2014г. №11-ФКЗ) // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5b9338a7944b7701fbe63f48c943e8175be16462/ (дата обращения: 16.08.2021)
16. Кузнецов Ю.А., Маркова С.Е. Анализ качественных особенностей динамики развития российского рынка ИКТ. Структурный подход. // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е.Алексеева. Серия: Экономика, инновации и менеджмент. – 2013. – № 3 (100). – С.251.
17. Латухина К. Дмитрий Песков заявил о хакерских атаках на сайт президента России // Российская газета. – 2017. – 08 июня. URL: <https://rg.ru/2017/06/08/dmitrij-peskov-zaiavil-o-hakerskih-atakah-na-sajt-prezidenta-rossii.html> (дата обращения: 28.08.2021)
18. Мемориальный музей Ата-Бейит // Open.kg. URL: <https://www.open.kg/tourist/leisure-and-entertainment/museums/32932-memorialnyy-muzey-ata-beyit.html> (дата обращения: 11.08.2021)
19. МИД: треть хакерских атак на российские сайты приходится на США // МК.RU. – 2017. – 7 июня. URL: <http://www.mk.ru/politics/2017/06/07/mid-tret-khakerskikh-atak-na-rossiyskie-sayty-prikhodyatsya-na-ssha.html> (дата обращения: 28.08.2021)
20. Музей памяти жертв сталинских репрессий будет создан в Армении // Sputnik Армения. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/society/20170914/8651170/muzej-pamyati-zhertv-stalinskih-repressij-budet-sozdan-v-armenii.html> (дата обращения: 11.08.2021)
21. Национальный музей Республики Казахстан. URL: http://nationalmuseum.kz/index.php?id=23&Itemid=118&lang=ru&option=com_content&view=article (дата обращения: 11.08.2021)

22. Образ Евразийского экономического союза в западных СМИ // Око планеты. URL: <https://oko-planet.su/finances/financesnews/320112-obraz-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-v-zapadnyh-smi.html> (дата обращения: 12.08.2021)
23. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств. – М.: Гос. клуб, Нац. лаборатория внеш. политики, 2009. – 389 с.
24. Последствия введенных санкций для экономического развития России // Ассоциация «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы». URL: http://www.rescue.org.ru/publ_1_posledstviya-vvedennyx-sankcii-dlya-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii.html (дата обращения: 10.08.2021)
25. Родионов Д. Кто покончит с русофобией в Казахстане? // Свободная пресса. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/308038/> (дата обращения: 25.08.2021)
26. Самые яркие хакерские взломы в Центральной Азии // Kloop.kg. URL: <https://kloop.kg/blog/2017/05/19/nash-ideal-dzhedaj-samye-yarkie-hakerskie-vzlomy-v-tsentralnoj-azii/> (дата обращения: 28.08.2021)
27. Санкции Запада «против Центральной Азии». URL: <http://www.stanradar.com/news/full/13777-sanktsii-zapada-protiv-tsentralnoj-azii.html> (дата обращения: 14.08.2021)
28. Совместное заявление членов Высшего Евразийского экономического совета по случаю 5-летия подписания Договора о Евразийском экономическом союзе // Евразийский экономический союз. Официальный сайт. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01421942/ms_31052019 (дата обращения: 25.08.2021)
29. Стратегическое прогнозирование международных отношений / под ред. А.И.Подберезкина, М.В.Александрова. – М.: Изд-во МГИМО университета, 2016. - 568. с
30. Трусова А.А., Черняев М.С. Угроза терроризма в Центральной Азии: предпосылки, направления, проблемы региональной

- безопасности // Постсоветские исследования. – 2020. – Т.3, №6. –С.470-478.
- 31.Хейфец Б.А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России // Институт экономики РАН. URL: http://inecon.org/docs/Kheifets_paper-2016.pdf (дата обращения: 14.08.2021)
- 32.Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – №1. –С.11.
- 33.«Языковой патруль»: Казахстан начинает перенимать опыт Майдана? // Рамблер. URL: https://news.rambler.ru/politics/46995167/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 25.08.2021)

ПРИХОД ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ТАЛИБАН» К ВЛАСТИ В АФГАНИСТАНЕ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕС- ПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ТАДЖИКИСТАНА

Искандаров К.И.

Доктор исторических наук, главный учёный секретарь
Национальной Академия наук Таджикистана

После захвата г. Кабула, 15 августа 2021 г. террористическая организация «Талибан» установила свою власть в Афганистане и объявила Афганистан Исламским эмиратом. Переход власти к «Талибан» произошел с согласия ведущих игроков афганского геополитического поля. В последние годы многие страны изменили свою политику по отношению к «Талибан». Некоторые страны, несмотря на то, что в них «Талибан» официально признавался террористической организацией, тем не менее, имели постоянные контакты с талибами и обосновывали это попыткой привлечения талибов к мирному процессу и мирному урегулированию конфликта. Это де-факто привело к определенной легитимации террористической организации, ужесточению ее позиции на переговорах с США и официальным Кабулом. Одновременно в некоторых странах приложили усилия для формирования нового, более позитивного имиджа «Талибан». Талибам давали трибуну и возможности выступить на различных каналах телевидения, устраивали пресс-конференции и т.д. Афганское правительство на протяжении многих лет стремилось полностью изолировать эту террористическую организацию. Так называемые «талибы без галстука» сидели во многих государственных структурах, включая силовые министерства и президентский дворец, лоббировали интересы «Талибан».

Неизвестно, что написано в секретных статьях Дохинского соглашения между США и «Талибан», но очевидно одно: весь процесс переговоров и подписание соглашения создали благоприятные условия для перехода власти к талибам. В настоящее время международное сообщество требует от «Талибан» формирования инклюзивного правительства, соблюдения прав женщин, прав этнических и религиозных меньшинств, недопущения угроз в отношении других стран. Однако, все это необходимо было добиться до вывода

сил США и НАТО из Афганистана, в ходе переговоров США – «Талибан» в Дохе. Тогда всем было ясно, что после вывода сил США и НАТО «Талибан», который никогда не признавал правительство ИРА, не пойдет на формирование инклюзивного правительства. Тем более, призывы ведущих стран не подкреплены действенным давлением на «Талибан», чтобы были выполнены поставленные ими условия для его международного признания, а главное – для обеспечения мира и стабильности в этой стране.

В связи с ухудшением гуманитарной ситуации многие страны не только оказывают помощь Афганистану, но имеют тесные связи с «Талибан» и их посольства функционируют в Афганистане. Делегация талибов участвовала в представительной встрече Московского формата и имела возможность напрямую общаться с представителями стран региона. Делегация «Талибан» была также участником чрезвычайной сессии совета министров иностранных дел ОИС (Организации Исламского Сотрудничества) в Исламабаде, где получила возможность выступить и изложить свою точку зрения. Делегацию «Талибан» во главе с исполняющим обязанности министра иностранных дел непризнанного Исламского эмирата пригласили в Осло, где с 23 по 25 января 2022 г. проходили встречи с представителями стран Европейского союза, США и некоторых других стран.

Происходят встречи и переговоры делегации «Талибан» с Ираном, Туркменистаном, Узбекистаном и другими странами. Прав в этом отношении З.Кабулов, что де-факто происходит признание Исламского эмирата «Талибан» [7]. Руководители «Талибан» заявляют, что не допустят нападения на страны Центральной Азии с территории Афганистана. Возможно, в краткосрочной перспективе «Талибан», который стремится добиться международного признания и наладить свои отношения с соседними государствами и не будет проводить политику экспорта терроризма. Но в рядах «Талибан» достаточно фанатично настроенных боевиков, которые могут даже выйти из подчинения своих лидеров, чтобы участвовать в джихаде в других странах за «права» мусульман. Примером служит протест рядовых талибов на запрет китайским правительством одного Приложения Корана в интернете, который использовали мусульмане в этой стране. Несмотря на явную симпатию руководства «Талибан» к Китаю в надежде получить деньги и признание в этой

стране, рядовые талибы возмущаются политикой Китая по отношению к уйгурским мусульманам. Так, сайт «Ал-Машрик» опубликовал статью некоего Омара под названием «Талибы дистанцируются от своих лидеров, призывая к «джихаду» против Китая из-за мусульманских репрессий». Автор в частности пишет: «Рядовые члены «Талибана» раскритиковали отношения своих лидеров с Китаем из-за обращения Пекина с мусульманами в Синьцзяне и запрета очень популярного и надежного интернет-приложения Корана». Далее в статье приводится высказывание Хамзы Мохаджера, члена «Талибана» в Герате, о том, что «лучший способ освободить мусульман от тирании китайского правительства — это восстание против фашистского режима». В заявлении, которое явно противоречило молчанию лидеров талибов, он сказал, что «запрет китайского правительства на использование Приложение Корана в интернете является преступлением, и мусульмане во всем мире не терпят и не будут молчать об этом» [6].

Известно, что многие боевики «Талибан» прошли обучение в медресе или Дар-ул-улум-Хаккани, который расположен в 60 км от Пешавара и больше известен как «Академия джихада». По некоторым данным, 95% нынешних руководителей «Талибан» обучались в ней. Конечно, найдется много экспертов, которые считают «Талибан» не джихадистской организацией, цели которой не выходят за пределы Афганистана. В любом случае, даже при самом оптимистическом варианте, «Талибан» будет стремиться превратить Афганистан в новый центр ислама и продвигать свое влияние. Как пишет колумнист издания Al-Monitor (Вашингтон), эксперт РСМД Кирилл Семенов, «представляется, что в мусульманских кругах ряда государств Центральной Азии, Закавказья, российского Северного Кавказа и Поволжья, да и арабского мира существует запрос на появление исламского центра силы, который опирался бы не на идеологию салафизма, но на традиционные для большинства мусульман перечисленных регионов мазхабы в акыде и фикхе; но при этом выступал бы за построение шариатского государства, не исключал бы применения силы (джихад) против внешних врагов ислама, но не используя террористические методы, и не стремился бы к внешней экспансии» [8].

Ряд экспертов считают, что «миф «Талибан» не представляет угрозы в глобальном масштабе, но, тем не менее, не могут отрицать тот факт, что есть предпосылки, что он может сработать на региональном уровне или же в рамках того или иного государства. При этом гораздо большую угрозу для государств Центральной Азии представляет не возможность прямого вторжения «Талибан» или отдельных, отколовшихся от него более радикальных элементов, но тенденция, которую запустили талибы своими успехами» [8]. Победа «Талибана» среди исламских радикальных организаций преподносится как триумф, как победа исламского радикализма и ислама в целом и не может не вдохновлять вооруженные исламистские организации и группы на борьбу за установление исламских режимов в других странах.

Это, прежде всего, относится к этническим экстремистским группировкам выходцев из постсоветского пространства, которые сейчас базируются на севере Афганистана, близко к границам стран Центральной Азии. По словам российского политолога Д. Казанцева, если даже допустить, что «Талибан» не будет нападать на страны Центральной Азии, однако это не отменяет угрозу, связанную с этими организациями [5]. Это Исламское движение Узбекистана (ИДУ), Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ), «Джамаат Ансаруллах (ДА), Катибат аль-Имам аль-Бухари (КИБ), Хизб-ат-Тахрир (ХТ), Катибатат-Тавхид (КТ) и другие. Кроме организаций центральноазиатского происхождения, в приграничных провинциях действуют такие опасные международные террористические организации, как Аль-Каида и ИГИЛ-Хорасан, из Ближнего Востока прибывают в Афганистан члены террористической организации Исламское государство, получившие богатый боевой опыт в Ираке и Сирии. Об этом, в частности, говорил Президент Российской Федерации В.В.Путин в режиме видеоконференции 13 октября 2021 года на встрече с главами делегаций XVII заседания Совещания руководителей органов безопасности и разведывательных служб государств-участников Содружества Независимых Государств. «После окончательного вывода американских войск, - отметил Владимир Владимирович, - власть перешла в руки талибов, которые устанавливают свои порядки, правила. При этом в стране продолжает действовать ряд группировок международных терро-

ристов из состава ИГИЛ. Из Ирака, Сирии туда активно стягиваются боевики с опытом ведения боевых действий. Поэтому не исключено, что террористы могут попытаться дестабилизировать ситуацию и в сопредельных государствах, включая страны СНГ, вплоть до начала прямой экспансии» [2].

На севере-востоке Афганистана созданы сотни религиозных медресе, учебных центров и лагерей. Следует отметить, что работа по созданию медресе и учебно-тренировочных лагерей и транзита боевиков из Пакистана и южно-восточных провинций Афганистана на север страны началась еще в 2014-2015 гг. В своем выступлении на внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон заявил: «По данным наших спецслужб, количество лагерей и центров по подготовке террористов рядом с южными границами ОДКБ, в северо-восточных провинциях Афганистана, насчитывает свыше 40, а их численный состав достигает более шести тысяч боевиков» [4].

Сложившаяся ситуация не может не стать предметом особой озабоченности правительства Таджикистана. Поэтому после прихода «Талибан» к власти первым среди лидеров постсоветских государств четко обозначил позицию своего государства в отношении этой террористической организации Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон в ходе встречи и переговоров с министром иностранных дел Пакистана Махмудом Курейши 25 августа 2021 г.

Основные пункты позиции Республики Таджикистан, выказанные на этой встрече, сводятся к следующему:

1. Таджикская сторона подчеркнула, что для безотлагательного решения политических проблем безопасности соседней страны необходимо создать инклюзивное правительство с участием всех национальных меньшинств, в том числе таджиков Афганистана, которые составляют более 46% населения этой страны.

2. Государственный строй в этой соседней стране должен быть определен путем волеизъявления и с учетом позиции всех её граждан.

3. Таджикистан не будет признавать никакого другого правительства, сформированного в этой стране путем угнетения и преследования, без учета позиции всего афганского народа, особенно всех его национальных меньшинств.

4. Подчеркнуто, что таджики должны занимать своё достойное место в будущем правительстве Афганистана [1].

Конечно, для многих наблюдателей в Таджикистане и международных партнеров это решительное заявление Президента РТ стало неожиданностью. Особенно на фоне того, как основные союзники Таджикистана по ОДКБ и ШОС, в том числе Российская Федерация, Китай, Узбекистан, заняли не только выжидательную, но явно доброжелательную позицию в отношении «Талибан».

Позицию Таджикистана по отношению к происходящим событиям в Афганистане Президент Таджикистана Эмомали Рахмон, затем неоднократно повторил и развил как на заседании ОДКБ и ШОС в Душанбе 17-18 сентября 2021 г., так и в ходе выступления на общих дебатах в рамках 76-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 24 сентября 2021 г. В своем выступлении в рамках 76-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций Эмомали Рахмон, в частности, заявил: «Мы не собираемся вмешиваться во внутренние дела Афганистана. Однако мы уверены, что для надлежащего решения политических вопросов и проблем безопасности соседней страны необходимо сформировать инклюзивное правительство путем выборов и волеизлияния народа этой страны с участием всех политических групп, национальных и этнических меньшинств. Другими словами, мы считаем необходимым определить структуру власти в этой стране путем референдума и с учетом позиции всех граждан страны» [3].

Позиция Президента Эмомали Рахмона исходит из той реальности, что игнорирование интересов не пуштунских этносов в Афганистане не может привести к миру и стабильности. По мнению Эмомали Рахмона, «формирование любого правительства без учета интересов всего народа Афганистана может привести к катастрофическим последствиям в этой стране» [3]. Президент РТ Эмомали Рахмон на современном этапе кризиса в Афганистане особое внимание обращает на этническую составляющую конфликта в Афганистане. Никогда прежде глава государства так открыто и настойчиво не настаивал на обязательном учете интересов этнических таджиков при формировании нового правительства Афганистана. Более того, он впервые заявил, что таджики составляют порядка 46

процентов населения Афганистана и должны занять достойное место в правительстве. Некоторые эксперты поспешили назвать позицию Президента Таджикистана «жесткой». Но практика показала, что такая позиция в отношении терроризма и террористической организации, каковой является «Талибан», правильна.

Политика правительства Республики Таджикистан по отношению к «Талибан», и в целом к терроризму, всегда была открытой, четкой и твердой. Таковую политику оно проводило и в 90-е годы прошлого века, когда талибы захватили более 80% территории Афганистана. Эмомали Рахмон, в отличие от руководителей соседних стран, которые искали пути сближения с «Талибан» и готовы были признать Исламский эмират, политически и морально поддержал законное правительство Исламского государства Афганистан. Таджикистан стал тылом Объединённого фронта в борьбе против международного терроризма. Более того, Президент Таджикистана с высоких трибун различных международных организаций постоянно призывал принять необходимые меры по мирному урегулированию ситуации в Афганистане, предупреждал о трагических последствиях продолжения вооруженного конфликта, выступил с инициативой создания «пояса безопасности» вокруг Афганистана. Однако тогда реакция лидеров ведущих стран и региональных держав на призывы и инициативы Эмомали Рахмона запоздала.

Сегодня ситуация мало чем отличается от 90-х годов. Талибы восстановили свой Исламский эмират, объявили состав правительства, которое состоит исключительно из представителей «Талибан» и в основном из этнических пуштунов. Кроме того, более половины членов правительства находится в черном списке ООН как международные террористы. Мир становится свидетелем того, что международные отношения скатываются на рельсы двойных стандартов.

В этих условиях государствам-членам ОДКБ и другим странам региона, независимо от выбранного формата отношений с «Талибан», нужно заострить свое главное внимание на обеспечении мира и стабильности в регионе, залогом которого может быть мирный и стабильный Афганистан без террористов и наркотиков. Призыв Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, прозвучавший на внеочередной сессии Совета коллективной безопасности

ОДКБ 10 января 2022 г., о создании «пояса безопасности» вокруг Афганистана является своевременным и очень важным.

Литература

1. Встреча Президента Республики Таджикистан с министром иностранных дел Исламской Республики Пакистан. URL: <http://www.prezident.tj/ru/node/26368> (дата обращения: 25.08.2021).
2. Встреча с главами спецслужб СНГ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66919> (дата обращения: 13.10.2021).
3. Выступление Основателя мира и национального единства – Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона на общих дебатах в рамках 76-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/8705/vystuplenie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-na-obshchikh-debatakh-v-ramkakh-76-i-sessii-generalnoi-assamblei-organizatsii-obedinennykh-natsii> (дата обращения: 24.09.2021).
4. Выступление Президента Республики Таджикистана Эмомали Рахмона на внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ. 10 января 2022г. URL: <https://odkb-csto.org/news/news> (дата обращения: 10.01.2022).
5. Казанцев А. Сценарии и перспективы развития ситуации в Афганистане. URL: <https://www.icgp-ew.com> (дата обращения: 03.10.2021).
6. Омар. Талибы отделяются от своих лидеров, призывая к «джихаду» против Китая из-за мусульманских репрессий. URL: https://almashareq.com/fa/articles/cnmi_am/features/2021/11/02/feature-01 (дата обращения: 20.01.2022).
7. Политика недели: Красные линии Дюранда. URL: <https://afghanistan.ru/doc/147686.html> (дата обращения: 10.01.2022).
8. Семёнов К. Роль и место движения «Талибан» на карте мирового исламизма, его вызовы и угрозы. URL: [https://russiancouncil.ru\(lfnfjge_kbrjdfybz_сентября 2021u\)](https://russiancouncil.ru(lfnfjge_kbrjdfybz_сентября 2021u))

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА КАК НОВЫЙ ФОРМАТ СОТРУДНИЧЕСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ежова М.Ю.

Доктор политических наук, доцент,
уполномоченный по правам ребенка Республики Дагестан

Международное пространство является пространством, в котором наиболее отчетливо проступают эффекты соединения национальных и международных законодательных и институциональных ресурсов, а также коллизии и пробелы в правовой и социальной защите детства. Ведётся постоянная работа по развитию эффективного сотрудничества и оперативного взаимодействия с коллегами в государствах ближнего и дальнего зарубежья. Так, в декабре 2019 года подписан Меморандум о взаимопонимании и взаимодействии в области защиты прав и интересов детей с Уполномоченным по правам ребёнка в Республике Казахстан. Успешно функционирует Российско-Французская комиссия по защите прав детей в семейных конфликтах, созданная на основе Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики. В настоящее время Уполномоченный взаимодействует с профильными ведомствами Российской Федерации по вопросам создания аналогичной комиссии с Итальянской Республикой. Кроме того, Уполномоченный представляет интересы Российской Федерации в Экспертной группе по детям в опасности Совета государств Балтийского моря. Подобные форматы позволяют решать задачи по защите прав детей в семейных конфликтах, отрабатывается возможность применения процедуры медиации с участием в ней как российских, так и иностранных специалистов, которые могли бы одновременно работать со всеми участниками конфликта, учитывая особенности национальных законодательств, этнические и религиозные нюансы отношений.

Институтом Уполномоченных по правам ребенка РФ организована масштабная работа по возвращению российских детей из зон вооруженного конфликта на Ближнем Востоке в Российскую Федерацию. После возвращения 28 апреля 2017 года первых 2 детей по

инициативе руководства Республики Дагестан был поднят вопрос защиты прав и интересов всех российских детей, оказавшихся в зоне боевых действий на Ближнем Востоке, в августе 2017 года создана республиканская Комиссия по оказанию содействия возвращению детей в Республику Дагестан. На федеральном уровне была создана международная Комиссия по вопросу содействия возвращению детей, находящихся в зоне боевых действий на Ближнем Востоке под председательством Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка А.Ю. Кузнецовой.

В соответствии с указанием Президента Российской Федерации от 23 ноября 2018 года №Пр-2192 и поручением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2018 г. о реализации мер по возвращению и социализации российских детей из зон боевых действий в Ираке и Сирии Уполномоченным ведется прием граждан, чьи родственники вместе с несовершеннолетними детьми находятся в зоне вооруженного конфликта, а также юридическое сопровождение и подготовка всех необходимых документов для возвращения детей в Россию. Всего возвращено более 450 детей из Республики Ирак, тюрем г. Дамаска, из лагерей Аль-Холь и Родж, провинции Хасака Сирийской Арабской Республики, из Турции и др.. Согласно электронной базе данных, в зоне вооруженного конфликта продолжает находиться еще 1858 человек. В лагерях беженцев взяты образцы биоматериалов для теста ДНК у сотен детей-сирот, в настоящее время идет работа по идентификации их личностей.

Международной комиссией по вопросу содействия возвращению детей, находящихся в зоне боевых действий на Ближнем Востоке, под председательством Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка А.Ю. Кузнецовой был выработан определенный алгоритм действий, включающий:

- установление местонахождения (выявление) ребенка в соответствии с заявлением близких родственников;
- установление личности и гражданства детей, рожденных на территории Российской Федерации;
- проведение генетической экспертизы и установление факта рождения за пределами Российской Федерации в судебном порядке детей, рожденных за пределами Российской Федерации;

- при положительном ДНК-тесте установление предварительной опеки или попечительства для вывоза детей;
- оформление постоянной опеки и статуса родителей и ребенка в судебном порядке.

Наработанный уникальный опыт востребован во многих государствах, чьи граждане выехали для участия в запрещенной террористической организации ИГИЛ.

Чрезвычайно остро стоит вопрос о дальнейшей социализации возвратившихся детей и проведении профилактической работы с несовершеннолетними детьми членов незаконных вооруженных формирований (НВФ). В соответствии с поручением заместителя председателя Правительства РФ Т.А.Голиковой идет работа над Комплексом мер по адаптации детей из зон боевых действий.

Совместно с органами системы профилактики государств ОДКБ проводится большая работа по противодействию распространению идеологии экстремизма и терроризма, особое внимание уделяется недопущению вовлечения детей в противоправную и террористическую деятельность, совершенствованию инструментария адресной профилактической работы с несовершеннолетними.

Уполномоченный при защите прав несовершеннолетних как на территории России, так и на территории иностранных государств, руководствуется помимо национального законодательства ещё и рядом международных Конвенций в сфере прав человека, ратифицированных Российской Федерацией. Помимо Конвенции ООН о правах ребёнка, Россия является участником Минской Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года, Гаагской Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года, Гаагской Конвенции о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей 1996 года. Наряду с международными договорами важное значение имеют и двусторонние договоры в сфере защиты прав несовершеннолетних. Российской Федерацией заключены 14 договоров о правовой помощи по уголовным делам, 5 договоров о правовой помощи по гражданским делам и 27 договоров о правовой помощи по гражданским (семейным) и уголовным делам.

Работа по защите прав ребенка в ситуации различного гражданства родителей в рамках международного частного права является важным международным аспектом деятельности на постсоветском пространстве. Анализ практики выявил нарастающую актуальность обеспечения прав и интересов детей в случае нарушения прав ребенка, когда один из родителей является иностранным гражданином и проживает за рубежом. Требуется регламентации порядок разрешения спорных, конфликтных ситуаций между иностранными гражданами, близкими родственниками ребенка – гражданами Российской Федерации, органами государственной власти Российской Федерации и официальными органами иностранных государств. Наибольшее количество конфликтных ситуаций происходит при определении места жительства детей и порядка исполнения родительских прав и обязанностей при расторжении брака или раздельном проживании с иностранными гражданами и гражданами Российской Федерации.

Особенностью правового регулирования данных вопросов является то, что их правовая регламентация осуществляется как национальным законодательством Российской Федерации, так и нормами международного права (Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25.10.1980, Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей от 19.10.1996), и национальным законодательством страны, гражданином которой является второй супруг или ребенок. В каждом конкретном случае соотношение действия правовых норм национального законодательства стран и норм международного права индивидуально. В случае возникновения конфликта сложность правового регулирования ставит супругов и детей, рожденных в браках граждан разных стран, в уязвимое положение.

Поскольку в действующем международном и национальном законодательстве в отношении защиты прав несовершеннолетних отсутствует прямая норма, регулирующая определение законного представителя российских детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся за пределами Российской Федерации, серьезной проблемой стало возвращение детей в ситуации закрытых на период пандемии границ. Так, серьезная ситуация

сложилась на российско-азербайджанской границе, где в палаточном лагере скопилось несколько сотен граждан Азербайджана, в том числе беременные женщины и дети. С наступлением летней жары их состояние приблизилось к критическому, начались волнения и протесты. После выезда Уполномоченного на место удалось выявить и договориться о ребенке, находившемся в лагере после тяжелой операции – трепанации черепа, 7 малолетних детей и женщину на 8-м месяце беременности и договориться с азербайджанской стороной о первоочередном вывозе их на родину.

В этой связи представляется целесообразным предложить рассмотреть вопрос о разработке механизмов оказания консультационной помощи гражданам по вопросу особенностей правового регламентирования семейных отношений при регистрации браков граждан Российской Федерации и других постсоветских государств, разработать систему правового просвещения молодежи, как наиболее мобильной и миграционно активной части населения в отношении особенностей национальных законодательства постсоветских государств.

Литература

1. Абу Абдалла Ахмад аль-Имран. Ас-Сияса аль-Киталийя ли-Каидааль-Джихад фи Биляди ар-Рафидайн (Политика борьбы аль-Каиды в Ираке). – 2005. – авг. URL: <http://www.alsaf.net/vb/showthread.php?t=14567>
2. Борисов Н.А. Институциональные трансформации на постсоветском пространстве: в поисках формулы политической стабильности // Политическая рефлексия, теория и методология научных исследований. – М.: РОСПЭН, 2017.
3. Гаврилов В.В. Понятие и взаимодействие международной и национальной правовых систем. – Владивосток, 2015.
4. Горшков М.К. Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического проекта. – М.: Весь мир, 2017.
5. Захарова Л.И. Международные стандарты в области прав человека и институт омбудсмена. – М., 2002.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Хайдаров Р.Дж.

Доктор философских наук, заместитель директора Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана

«Сегодня как политики, журналисты, так и эксперты, гражданские активисты все чаще используют в своем лексиконе такие термины, как “цифровая экономика”, “цифровая эпоха”, “электронное правительство”, “онлайн-образование” и т.д. Все эти термины имеют непосредственную связь с таким явлением, как цифровизация» [4, с.78]. «Цифровизация – это внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства» [6].

В эпоху Индустрии 4.0 или четвертой промышленной революции цифровизация с ее современными технологиями является важным фактором развития современных обществ. Но в то же время эти новые разработки также несут с собой новые факторы риска. Цифровизация требует оптимизированных технологий безопасности, потому что параллельно с цифровыми сетями развиваются такие явления, как онлайн-насилие и вызовы, которые все больше представляют реальную угрозу для национальных государств.

«Под воздействием цифровизации человечество находится в процессе социальной трансформации. Цифровизация влияет, прежде всего, на всех нас – на общество. Она меняет наше социальное поведение, то есть то, как мы общаемся, делаем покупки, работаем и, в конце концов, даже влюбляемся. Это развитие порождает ответственность, особенно когда дело касается обработки данных или использования алгоритмов» [4, с.78]. Однако цифровизация имеет как плюсы, так и минусы. Нужно отметить, что такие явления, как кибербезопасность и киберпреступность, являются важнейшими атрибутами цифровизации. Сегодня киберпреступность не только ставит под угрозу информационную безопасность, но и в большей степени напрямую угрожает всей системе национальной безопас-

ности современных государств. Цифровые изменения и кибербезопасность идут рука об руку

Быстрое развитие Интернета и изменения в сторону более совместных медиа-предложений, а также более широкое использование приложений социальных сетей, также имеют значительные последствия для террористической коммуникации. В последние несколько лет наметилась заметная тенденция к «цифровому джихаду»: исламистские группы, а также другие террористические группы все чаще используют новую социальную сеть 2.0 в пропагандистских целях и для мобилизации сочувствующих. На протяжении всей истории агрессивные экстремистские группировки использовали доступные средства коммуникации для продвижения своего дела, взаимодействия со своей аудиторией и противостояния своим противникам.

«На примере антиконституционных действий таджикских террористических и религиозно-экстремистских групп в виртуальном пространстве наблюдается тенденция распространения ненависти и цифрового насилия в отношении граждан Таджикистана, которые имеют активную гражданскую позицию и стоят на защите конституционного строя и государственных интересов Таджикистана. Члены правительства, государственные служащие, активисты гражданского общества, научная и творческая интеллигенция, журналисты в Таджикистане сталкиваются с угрозами цифровой и психологической безопасности, которая исходит от таджикских террористических и религиозно-экстремистских групп, укрывающихся от правосудия в странах Запада. Защитники конституционного строя нашей страны становятся объектами онлайн-атаки и кампании по распространению дезинформации. Для этой онлайн-агрессии таджикские религиозно-экстремистские группировки используют стандартные методы информационной войны — распространение слухов, фейковых фото- и видеоматериалов, оскорбительных мемов, ложных и бездоказательных обвинений, которые могут нанести ущерб репутации. Цель этих атак — провоцировать протестные настроения и подорвать доверие к государственным и общественным деятелям, к авторитетным ученым, экспертам и журналистам Таджикистана, которые срывают маски лицемерия,

лжи с лиц корыстолюбивых лидеров таджикских террористических и религиозно-экстремистских группировок и их последователей.

Онлайн-агрессия таджикских религиозных экстремистов по отношению к гражданам Таджикистана отличается согласованностью действий и носит персонифицированный характер. Они также не гнушаются вторжением в личную жизнь граждан Таджикистана. Как показывает мировой опыт, насилие и агрессия в Интернете начинаются онлайн и затем могут перейти в режим офлайн, то есть в физическую реальность. Интернет, блогосфера, социальные сети используются террористами и религиозно-политическими экстремистами в качестве инструмента для деструктивного воздействия на политическую ситуацию в странах ОДКБ» [2, с.97].

Очевидно, что пропаганда радикальных, экстремистских идей в виртуальном мире представляет собой опасную тенденцию, провоцирует обострение террористических угроз и таким образом имеет негативное воздействие на всю систему международной безопасности. Деятельность террористов и религиозных экстремистов в социальных платформах подрывает безопасность как отдельных государств, так и целых регионов. В цифровую эпоху именно виртуальное пространство становится новой ареной противостояния между различными странами, международными группами, и именно социальные сети и социальные платформы начертили новую линию фронта между противоборствующими сторонами в информационных войнах. С каждым годом риски и вызовы, связанные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возрастают.

Очевидно, что в наш век Интернет предлагает огромные возможности для воинствующих экстремистов во всем идеологическом спектре и на глобальном уровне. Помимо пропаганды, цифровые технологии изменили динамику радикальной мобилизации, найма и участия. Изучение динамики и тенденций распространения идеологии религиозно-политического экстремизма в Интернете особенно актуально для текущей эволюции джихадистской угрозы. Интернет сегодня остается важным средством радикальной пропаганды, мобилизации, планирования атак и финансирования. Интернет является средой, в которой радикальные послания могут жить и процветать. Сетевым боевикам и сочувствующим им по-прежнему

трудно противостоять, и они по-прежнему представляют собой важнейшую часть экстремистской угрозы. Широкая доступность разнообразных цифровых платформ и постоянное развитие технологий позволили экстремистам быстро адаптироваться и использовать новые методы коммуникации. Однако это не означает, что виртуальная сфера может заменить реальный мир; скорее, динамика онлайн и офлайн могут дополнять друг друга.

Между тем разного рода радикалы и экстремисты первыми осознали потенциал Интернета еще в 1980-х годах. С тех пор его использование резко возросло. Со временем на смену традиционным экстремистским веб-сайтам пришли форумы и чаты, затем социальные сети и, наконец, приложения для обмена зашифрованными сообщениями. В перспективе, так называемый даркнет (DarkNet) может стать новым этапом «цифрового джихада».

В последние годы онлайн-пропаганда и коммуникация джихадистского экстремизма в значительной степени переместились из открытых социальных сетей, таких как Twitter, в более защищенные приложения, такие как Telegram. Тем не менее, незашифрованные социальные сети по-прежнему играют важную роль в распространении идеологии религиозно-политического экстремизма. Террористические религиозно-экстремистские организации находятся в постоянном поиске новых онлайн-платформ и сервисов, и это не удивительно. В целом, очевидно, что Интернет предлагает огромные возможности для преследования различных целей, в том числе радикальных и религиозно-экстремистских. В целом, по сравнению с более традиционными каналами связи, он предоставляет различные преимущества, в том числе: высокий уровень анонимности; простота использования; экономическое удобство; широкая доступность; интерактивность (т.н. «Web 2.0» и выше); слабый контроль со стороны государственных органов. Интернет также может играть ключевую роль в вербовке экстремистов и террористов. В частности, особого внимания заслуживает интересная и тревожная практика «киберкоучинга» террористов. В целом, сегодня роль Интернета в радикализации и вербовке экстремистов имеет решающее значение. Как хорошо известно, в последние годы использование Интернета сыграло большую роль в коммуникационной стратегии

различных экстремистских группировок, включая террористические организации.

Религиозно мотивированный терроризм имеет долгую историю взаимоотношений с новыми информационными технологиями. Популяризация Интернета происходила параллельно с распространением радикального контента в киберпространстве. К 1996 году, когда доступ к Интернету все еще был ограничен несколькими правительственными и образовательными учреждениями, уже существовали веб-сайты, посвященные пропаганде джихадистской интерпретации вооруженного конфликта в бывшей Югославии и Чечне.

Как показывает современный опыт, социальные сети сегодня занимают важное место в процессе распространения идей религиозно-политического экстремизма. Интернет также можно рассматривать как арену, где имеет место фактор замещения – где радикалы проводят ряд виртуальных мероприятий, которые позволяют им укрепить свою идентичность как мусульман, приверженных джихаду.

Между тем, против Таджикистана уже в течение нескольких лет со стороны различных религиозно-экстремистских групп ведется информационная война. Таджикские религиозно-экстремистские организации «сегодня лишены физической возможности для ведения антигосударственной и антинародной деятельности на территории нашего государства. Однако в виртуальном пространстве, в социальных сетях они продолжают свою противоправную деятельность, которая основана на языке ненависти и пропаганде идей терроризма, идеологии насильственного экстремизма, религиозного радикализма...» [3].

Сегодня уже очевидно, что религиозно мотивированный терроризм находится на стадии ускоренной цифровизации. Однако не только террористы осознают всю мощь социальных сетей. «Политическая власть никогда уже не откажется от такого мощнейшего инструмента влияния на внешнюю и внутреннюю политику, как социальные сети. Наиболее посещаемой социальной сетью Интернет является Facebook. В январе 2021 г. она насчитывала 2,85 миллиарда активных пользователей ежемесячно» [1]. Тем не менее, мы считаем, что ни одно государство не может сегодня отказаться от Интернета и передовых цифровых технологий, так как в этом слу-

чае можно остаться экономически отсталой страной. Сегодня для перехода на качественно новый уровень развития для любой страны мира необходимо переходить на цифровую экономику и создавать электронное правительство.

Выживание и развитие Таджикистана в XXI веке будет зависеть от грамотно построенной информационной политики государства, в частности в области обеспечения информационной безопасности. Это касается и сферы широкого использования и внедрения новейших информационных технологий. Отставание в этой области может стать экзистенциальной угрозой для всей системы национальной безопасности Республики Таджикистан. Обеспечение информационной безопасности требует аккумуляции денежных средств в важных направлениях научно-технического развития, поддержке передовых научных школ, ускорении формирования научно-технического потенциала и национальных технологических парков, реализации программ для развития территорий с высоким научно-техническим потенциалом. Обеспечение информационной безопасности также требует развития сети научно-технической информации при поддержке государства, создания инфраструктуры, выводящей результаты научно-технических разработок на рынок с учетом защиты интеллектуальной собственности. Нашему государству необходимо создавать и поддерживать таджикоязычные сегменты в социальных сетях Интернета и, в частности, создавать статические и динамические информационные контенты о Таджикистане на английском и русском языках. “Как показал опыт противодействия пандемии коронавируса, важным инструментом в этом деле является наличие развитой цифровой экономики и сферы цифровых услуг, которые позволят функционировать национальным экономикам государств, предпринимателям, в частности, в условиях самоизоляции, как это было при пандемии коронавируса” [5, с.94]. Поэтому цифровизация основных отраслей народного хозяйства в Таджикистане должно стать приоритетным направлением деятельности государства.

Литература

1. Ларина Е., Овчинский В. Социальные сети как вход в параллельный мир. URL: <https://centrasia.org/news.php?st=1634683500> (дата посещения: 12.12.2021)
2. Хайдаров Р.Дж. Виртуальное пространство как источник новых угроз для ОДКБ // Известия ИФПП НАНТ. – 2021. – №2. – С.96-99.
3. Хайдаров Р.Дж. Таджикистан решительно будет бороться с любой идеологией радикального характера. URL: http://www.narodnaya.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=10490%3A2019-12-05-05-40-53&Itemid=216 (дата посещения: 10.12.2021)
4. Хайдаров Р.Дж. Цифровизация общества как фактор воспроизводства человеческого капитала в период глобализации // Известия ИФПП НАНТ. – 2021. – №3. – С.78-82.
5. Хайдаров Р.Дж. Эмомали Рахмон – один из архитекторов Шанхайской Организации Сотрудничества // Известия ИФПП НАНТ. – 2021. – №2. – С.90-95.
6. Что такое цифровизация и какие сферы жизни она заденет? URL: <https://center2m.ru/digitalization-technologies> (дата посещения: 09.12.2021).

РЕСПУБЛИКА ТАДЖИКИСТАН И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Олимов М.А.

Доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра региональных и сравнительных исследований Таджикского национального университета

Республика Таджикистан (РТ) представляет собой малую открытую экономику с ВВП на душу населения – \$851 в 2020 г. [2, с.15] Относительная отдаленность, высокогорный рельеф, отсутствие выхода к морю определяют невыгодное экономико-географическое положение страны. Для того, чтобы преодолеть неблагоприятные обстоятельства, Таджикистан осуществляет политику открытых дверей и поддерживает самые различные интеграционные проекты – от ВТО, ШОС до китайской Инициативы «Один пояс – один путь».

Рассмотрим подробнее отношение Таджикистана к интеграционным проектам в Евразии.

1. Инициатива «Один пояс – один путь».

В сентябре 2015 года Таджикистан подписал с КНР Соглашение о совместных шагах по практической реализации инициативы Председателя КНР «Один пояс- один путь». С этого времени Таджикистан плотно вовлечен в реализацию этой интеграционной инициативы. Так, в июне 2019 года Таджикистан и Китай подписали 18 документов о сотрудничестве в рамках «Пояса и пути», свидетельствующих о дальнейшем укреплении таджикско-китайского сотрудничества на уже сложившихся направлениях: в сфере сельского хозяйства, цветной металлургии, борьбы с терроризмом. В 2019 г. Агентство Синьхуа отмечало, что РТ и КНР приложили большие усилия для состыковки «Пояса и пути» с таджикской Стратегией национального развития до 2030 года. Пандемия COVID-19 в определенной степени затормозила эти планы, тем не менее, даже на фоне замедления экономики Китая Пекин продолжает наращивать усилия в сфере продвижения проектов «Пояса и пути» в Таджикистане.

Шансом дальнейшего развития региона в рамках Пояса и пути являлось вовлечение Афганистана в общую орбиту реализации китайской инициативы. Однако избранное для управления страной радикально-экстремистское движение Талибан не дает возможности надеяться на продвижение китайских инициатив. Несмотря на отрицательное отношение к методам управления, избранным талибами, Таджикистан продолжает экономически взаимодействовать с Афганистаном, так как Афганистан – это не только талибы. Мы экспортируем в Афганистан электроэнергию, несмотря на то, что он пока не может её оплачивать. Строительство CASA 1000 – линии электропередач, которая обеспечит экспорт таджикской электроэнергии в Пакистан и Индию, продолжается, так же как и строительство дорожной инфраструктуры, связывающей Таджикистан и Афганистан. Мы надеемся, что рано или поздно в Афганистане будет сформировано адекватное правительство и сотрудничество наших стран приобретет новый импульс.

2. Появились и совершенно новые интеграционные тенденции, например, Организация Сотрудничества тюркоязычных государств, (Тюркский совет был создан 3 октября 2009 года в Нахичевани, в него входят, кроме стран Центральной Азии, Турция и Азербайджан). Сейчас трудно прогнозировать будущее этого объединения, так как не очень ясно, кто будет доминировать в нём. Вряд ли Таджикистан политически войдет в данное объединение, однако будет наращивать экономические связи с каждой из стран-участников.

3. Сложностью отличается взаимодействие Таджикистана с ЕАЭС. Таджикистан позиционирует свой статус в отношении ЕАЭС как наблюдателя, изучающего опыт вхождения в него Армении и Кыргызстана. Драйверами вхождения РТ в ЕАЭС являются трудовая миграция и членство в ОДКБ, т.е. задачи обеспечения безопасности Таджикистана.

- Ежегодно на рынок труда выходят 150 тысяч человек, однако количество рабочих мест растет недостаточными темпами.
- Для 63% молодых людей в РТ работа в России является первым трудоустройством.
- Около 40% домохозяйств РТ зависят от денежных переводов из РФ.

- Денежные переводы эквивалентны почти четверти ВВП страны.

Пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на экономику Таджикистана (в 2020г. экономический рост в РТ составил 4,5%) [1].

Ограничения мобильности рабочей силы и экономической активности внутри страны и за рубежом привели к снижению количества денежных переводов, более слабому потребительскому спросу и сокращению инвестиций. В 2020 года приток денежных переводов сократился на 6,3% по сравнению с предыдущим годом. Таким образом, соотношение денежных переводов к ВВП Таджикистана в 2020 году упало до 22%, что является рекордно низким показателем с нулевых годов. Объем денежных переводов годом ранее, в 2019 году, составил \$2,7 млрд, что эквивалентно 33,4% ВВП РТ¹. Тем не менее, они по-прежнему играют очень важную роль в жизни Таджикистана.

Что Таджикистан может получить от интеграции в ЕАЭС? Выгоды – это:

- Единый рынок труда, снятие барьеров для таджикских трудовых мигрантов на рынках труда ЕАЭС.

- После присоединения таджикские мигранты смогут работать в России без ограничений и дополнительных платежей. В то же время надо иметь в виду, что определенная часть таджикских мигрантов работает на теневом рынке труда России, и они все равно будут подвергаться эксплуатации.

- Оживление внутреннего производства за счет растущего притока переводов. Если таджикские мигранты избавятся от оплаты патентов и части коррупционных платежей, то денежные переводы вырастут и могут стать драйвером развития малого и среднего бизнеса особенно в сфере агробизнеса.

- Приток инвестиций из стран ЕАЭС. Реализация промышленных и гидроэнергетических проектов.

- Небольшой рост международной торговли.

- Снижение цен на импортируемые углеводороды.

Внеэкономические выгоды:

¹Азиатский банк развития. Годовой отчет, 2020.

- Обеспечение безопасности РТ в связи с афганским фактором
- Противодействие международному терроризму
- Возможность балансировать между ЕАЭС и Китаем

Проигрыши от интеграции в ЕАЭС:

- Главным опасением при расчете эффектов присоединения к ЕАЭС является проблема согласования тарифных ставок. В Таджикистане тарифное расписание проще и ниже, чем в ЕАЭС. Это может негативно сказаться на администрировании внешнеэкономической деятельности РТ при присоединении к ЕАЭС.

- Согласование тарифов может привести к сокращению торговли со странами – не членами ЕАЭС, особенно в южном направлении, подорожанию импорта из этих стран, уменьшению объемов таможенных сборов и, соответственно, доходов в государственный бюджет.

- Сократится контрабанда из Китая, Пакистана и Ирана. Исчезнут дешевые товары, которые наполняли рынки и поддерживали благосостояние беднейшего населения Таджикистана. Уменьшатся и объемы китайского реэкспорта, что негативно отразится на малом бизнесе и мелкой торговле

- Замедление технологического развития и попадание таджикских производителей в зависимость от больших российских сетевых компаний.

- Опасения внеэкономического характера: необходимость выбора стратегических партнеров, отказа от политики «многовекторности».

Это связано с неопределенной геополитической конъюнктурой, в частности с усложнением взаимоотношений России и Запада, а также с проблемами внутри самого союза. Страны ЕАЭС, в том числе и Россия, на данном этапе не располагают финансовыми возможностями инвестировать в экономику Таджикистана, тем более когда эти инвестиции будут иметь сугубо геополитический характер.

Барьеры на пути интеграции в ЕАЭС:

- Недостаток транспортной и рыночной инфраструктуры – это проблема дорог и ограниченность доступа к рынкам (например,

блокировка транспорта через Кыргызстан), острый недостаток складов, ресурсов хранения и переработки.

- Страх перед потерей части суверенитета
- Страх перед потерей контроля над таможенной границей
- Замедление экономики в России. Это вынуждает ее партнеров, включая Таджикистан, сближаться с Западом, который, в свою очередь, начинает активно развивать свои программы поддержки в ЦА, включая предоставление финансовых и инвестиционных ресурсов.

Группы «за» и «против»

«За» – мигранты и члены их семей, мелкие бизнесмены и сельхозпроизводители, население в целом.

«Против» – национальная элита, крупные бизнесмены, националисты.

Население РТ по-прежнему ориентировано на Россию, хотя влияние «русского мира» стремительно сокращается. Закрытие границ и транспортного сообщения, сокращение трудовой и учебной миграции, связывающей Таджикистан и Россию, заметно ускорили этот процесс в период пандемии. В то же время соседний Китай расширяет и разнообразит инструменты своего влияния в Таджикистане. Они включают не только инвестиции, реформирование экономики, трансформацию земельной собственности и трудовых отношений, но и активизацию участия КНР в обеспечении безопасности не только Таджикистана, но и региона в целом.

Подавляющее большинство населения Таджикистана поддерживает вхождение в ЕАЭС. Ключевым моментом является надежда на снятие барьеров и ограничений для таджикских трудовых мигрантов в России. Все более важным драйвером интеграции с ЕАЭС становятся таджикские диаспоры, особенно бизнесмены.

За интеграцию с ЕАЭС выступают сельхозпроизводители, которые помнят время, когда Таджикистан обеспечивал сельхозпродукцией Сибирь и Казахстан. Большое значение имеет ностальгия по СССР, сохранение политической ориентации населения на Россию.

Тем не менее, правительство Таджикистана отдает себе отчет, что интеграция с ЕАЭС является очень трудным делом, что цена вхождения будет высокой. Важным для Таджикистана является расширение участия во всех интеграционных проектах в Евразии,

которые не угрожают его безопасности (к проблемным проектам относятся взаимоотношения с АфПаком и Организацией Тюркского сотрудничества), а также повышение способности гибко реагировать на волатильность мировой экономики.

Литература

1. Всемирный банк. «Таджикистан: замедление на фоне пандемии». — 2020. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/tajikistan/publication/economic-update-fall-2020>
2. Таджикистан: 30 лет государственной независимости // Статистический сборник. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. — Душанбе, 2021.

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЗГЛЯД ИЗ ТАДЖИКИСТАНА

Каримова М.Т.

Доктор экономических наук, заведующая отделом экономической теории и внешнеэкономических отношений Института экономики и демографии Национальной Академии наук Таджикистана

Курбонали А.

Соискатель Таджикского государственного финансово-экономического университета

Таджикистан выступает равноправным субъектом международных взаимоотношений и активно реализует свою внешнеэкономическую политику как на глобальном, так и региональных уровнях. Доля внешнеторгового оборота со странами Центральноазиатского региона имеет тенденцию к росту с 17,3% в 2015г. до 28,1% в 2020г.

Таблица 1

Внешнеторговый оборот Таджикистана со странами
Центральной Азии
(млн.долл.)[1]

Страны	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Казахстан	702,1	676	838,9	836,5	957,6	909,7
Кыргызстан	33,8	25,7	48,8	62,3	54,2	36,8
Узбекистан	12	69,2	126,4	288,5	362,2	333,8
Туркменистан	109,1	93,5	50,3	47,2	12,2	7,8
Итого по странам ЦА	747,9	770,9	1014,1	1187,3	1374	1280,3
Всего по Таджикистану	4326,2	3929,9	3972,9	4224,3	4523,7	4557,8
Доля стран ЦА в общем объеме внешнеторгового оборота%	17,29	19,62	25,53	28,11	30,37	28,09

В экспорте Казахстана преобладают минеральные продукты (нефть и газовый конденсат), металлы и изделия из них. В импорте преобладают продукция химической промышленности, машины и оборудование.

В экспорте Узбекистана на первом месте – цветные и черные

металлы, энергоносители, нефтепродукты, продовольственные товары, а в импорте- машины, оборудоване, химическая продукция.

Из Кыргызстана экспортируются золото, руды цветных металлов, электроэнергия, хлопок, шерсть, мясо и табак, а импортируются нефтепродукты, продукция химической промышленности, продовольственные товары, машины и оборудование.

Для Таджикистана основными экспортируемыми товарами выступают драгоценные металлы, энергия и хлопок, а импортируемыми – нефтепродукты, мука, пшеница и, в первую очередь, продовольственные товары.

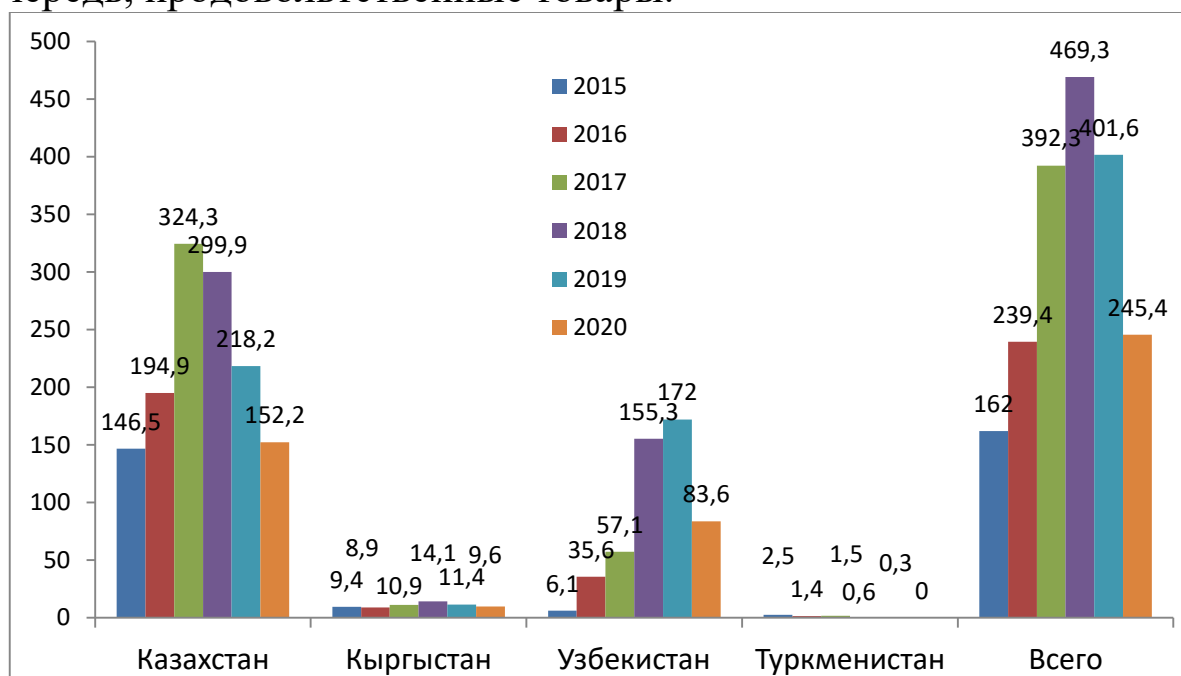

Рис.1. Экспорт из стран Центральноазиатского региона (млрд.долл.) [1]

Доля стран Центральноазиатского региона в экспорте и импорте нестабильна. Если до 2019г. наблюдалась устойчивая тенденция их роста, то уже в 2019 и 2020 гг. наблюдалась картина снижения. При этом импорт имел тенденцию неуклонного роста, за исключением 2020г., что связано с ограничениями, вызванными всеобщей пандемией COVID -19.

Таблица 2

Динамика доли внешнеторгового оборота РТ в страны
Центральноазиатского региона, в % [1]

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Доля экспорта РТ в страны ЦА	18,19	26,64	32,75	43,74	34,20	17,44
Доля импорта стран ЦА в РТ	17,05	17,53	22,41	22,79	29,03	24,91

Основными иностранными инвесторами стран Центральноазиатского региона выступают в основном КНР, Российская Федерация, Германия, Турция. В Таджикистане и в Кыргызстане в основном иностранные инвестиции направлены на подъем горнодобывающего сектора и обрабатывающей промышленности.

В странах Центральноазиатского региона реализуются экономические реформы, однако темпы их реализации, приоритеты и механизмы различны и отражаются в национальных стратегиях развития. Безусловно, они направлены на модернизацию и диверсификацию всех секторов национальной экономики и общественной жизни страны. Однако очевидно, что страны с малой открытой экономикой, как Таджикистан и Кыргызстан, больше зависимы от региональной торговли в отличие от Казахстана и Узбекистана. Уровни экономического развития этих стран существенно отличаются.

Таблица 3

Основные показатели развития национальных экономик
центральноазиатских стран за 2020г. [5]

Страна	Численность населения, млн. чел.	ВВП, млрд. Долл.	Темпы роста ВВП, %	Доля в ВВП мира, %	ВВП на душу населения, (по ППС) долл.
Таджикистан	9,32	34,8	4,5	0,03	3651
Казахстан	18,75	501,2	-2,6	0,38	26725
Узбекистан	34,23	264,8	1,7	0,20	7735
Кыргызстан	6,59	32,6	-8,5	0,02	4950

Наибольшая величина ВВП наблюдается в Узбекистане, а вот доход на душу населения в Узбекистане в 3,46 раза меньше, чем в Казахстане, при этом численность населения в Узбекистане в 1,8 раза больше, чем в Казахстане. Вклад в мировую экономику этих стран относительно низок. В условиях пандемии уровень экономического развития этих стран претерпел существенные изменения. Экономический рост пошел на спад, кроме Таджикистана и незначительно Узбекистана.

В последние годы Таджикистан наладил тесное сотрудничество с Республикой Узбекистан. Узловыми документами, которые регламентируют основные направления сотрудничества, выступают заключенные в 2018г. двусторонние договоры. 2018 год вошел в историю двух стран как год начала плодотворного экономического сотрудничества. Всего только в мае 2018г. между двумя странами было подписано свыше 53 документов, что способствовало выходу стран на новый уровень сотрудничества [3].

Интенсивно продолжают развиваться таджикско-казахстанские отношения. В ходе официального визита в страну Президента Республики Казахстан в сентябре 2021г. были выбраны приоритетные направления предстоящей совместной деятельности в различных направлениях. Подписаны соглашения о сотрудничестве между Министерством промышленности Таджикистана и Министерством индустрии и инфраструктурного развития Казахстана в сфере совместных работ в промышленности, строительства новых совместных предприятий, использования возможностей СЭЗ, созданных на территории Таджикистана; в сфере сотрудничества служб связи Таджикистана с Министерством цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Казахстана, а также в сфере увеличения торгового сотрудничества и реализации проекта по формированию товаропроводящей системы [2].

Что касается сотрудничества Кыргызстана с Таджикистаном, то оно обусловлено географическими, экономико-политическими и культурными факторами двух стран. Основ для взаимодействия двух стран достаточно много. Внешнеторговый оборот между Таджикистаном и Кыргызстаном так же растет. В структуре вывозимой из Кыргызстана продукции основную часть составляют минеральные продукты, изделия из камня, пластмасс и изделия из него.

В Кыргызстан из Таджикистана заводятся в основном продукция растительного происхождения, воды минеральные, содержащие добавки сахара, портландцемент, электроэнергия, текстильные материалы.

В целом имеется достаточно много различных условий, позволяющих расширить экономическое сотрудничество Таджикистана со странами Центральной Азии. В первую очередь это энергетическая транспортно-коммуникационная инфраструктура, которая была образована, когда страны входили в СССР, но и сейчас она вызывает необходимость принятия единого подхода. Во-вторых, общие экологические проблемы, в-третьих, потенциальная значимость и привлекательность стран и, наконец, в-четвертых, – это расширение доступа к мировым рынкам развитых стран.

Немаловажное значение в развитии партнерских отношений сыграло создание в январе 2021 года Центральноазиатского инвестиционного партнерства, направленного на привлечение в течение ближайших 5-ти лет около одного миллиарда долларов на поддержку инвестиционных проектов, благодаря реализации которых расширится взаимовыгодное экономическое сотрудничество стран региона. Инициаторами выступили Министерство инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан совместно с Международным финансовым центром Астана и финансовой корпорацией международного развития США.

Для развития Центральноазиатского региона в целом важно углубить инвестиционное сотрудничество, опираясь на взаимовыгодные приоритеты в развитии. К числу приоритетных направлений сотрудничества стран ЦА относят решение водно-энергетических, транспортных и связанных с продовольственной безопасностью проблем.

В рамках водных проблем у Таджикистана и соседнего Кыргызстана наблюдается их нерешенность и трудности. Для разрешения этих проблем необходимо продумать вопрос о разработке единого баланса управления водными ресурсами, выявить объем потребления в электроэнергии и воде и возможности подключения к единой водно-энергетической системе стран ЕАЭС.

В рамках разрешения транспортных проблем важно будет развивать выгодные транспортные коридоры, вести работу по модер-

низации транспортной инфраструктуры. Республика Казахстан выступает серьезным транзитным звеном по маршруту КНР – европейская часть России. При этом внешнеторговый оборот Казахстана связан с третьими странами в Южной Азии и на Ближнем Востоке путем транзита товаров через Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Таджикистан территориально расположен на Шелковом пути, и строящейся в рамках Программы Центральноазиатского экономического сотрудничества дороги между маршрутами Юг-Юг и Центральная Азия-Южная Азия (CASA). Такая ситуация формирует подходящие обстоятельства для перехода Таджикистана в транзитную страну. В последнее время новый импульс к развитию получили договоренности, достигнутые в рамках соглашения Казахстана, Китая, Кыргызстана и Пакистана о транзитных перевозках. В феврале 2017 года интерес к присоединению к данному соглашению проявил Таджикистан, а в мае 2020г. и Узбекистан. Расширение транзитных перевозок на территорию Монголии и России могло бы завершить формирование нового транспортного коридора к Индийскому океану.

В сфере развития Центральноазиатской транзитной автодорожной и логистической инфраструктуры, наряду с казахстанским направлением, могут стать стратегическими маршруты Термез – Душанбе – Карамык – Иркештам, Шымкент – Бишкек – Нарын – Торугарт, Душанбе – Хорог – Кульма. Увеличение их пропускной способности, повышение качества дорожного покрытия, создание и расширение грузовых логистических хабов в Торугарте, Иркештаме и Кульме будут способствовать повышению пропускной способности пунктов пропуска через государственную границу, пунктов таможенного оформления, росту грузооборота с Китаем.

Не менее эффективным представляется проект развития транзита грузопотока по направлению «Сибирь – Южная Азия» с ответвлениями в Китае на Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и выходом на Индокитай, что будет представлять интерес с точки зрения развития созданной в 2015г. зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом.

Можно рассмотреть и маршрут, который ориентирован на транзит груза по маршруту Южная Азия – Афганистан (Екатеринбург – Челябинск – Нур-Султан – Бишкек – Ташкент – Душанбе – Нижний

Пяндж) на основе автомобильного транспорта. Однако в данном случае необходима стабильность общественно-политической ситуации в Афганистане, так как существует проблема, связанная с безопасностью и развития дорожной, логической инфраструктуры и строительство линий железнодорожной колеи в Афганистане.

Исследуются и вопросы расширения кооперационных связей, и в этом направлении ведется определенная работа. Так, постепенно создаются совместные предприятия, расширяются направления и сферы их деятельности. Например, в сентябре 2021г. состоялось открытие СП Artel Avesto Electronics в Душанбе, т.е. расширяется международное сотрудничество в сфере производства электротехники между Таджикистаном и Узбекистаном на основе современного оборудования мировых производителей.

Промышленные компании Казахстана планируют открыть в Таджикистане новые промышленные предприятия по производству автомобилей, автобусов, трансформаторов. Кроме того, в ходе последнего визита Президента Республики Казахстан в Таджикистан была достигнута договоренность о поставках в Таджикистан железнодорожных комплектующих, подвижного состава, вертолетов, а также металлопродукции, необходимой при строительстве Рогунской ГЭС.

Таким образом, кооперирование на основе создания совместных предприятий не только в промышленности, но и в других секторах национальной экономики, сельском хозяйстве даст определенные взаимовыгодные результаты и позволит увеличить экспорт продукции на внешний рынок. В целях оказания поддержки дехканским хозяйствам и уменьшения лишних промежуточных цепочек с казахстанской стороны предложено построить совместные оптово-распорядительные центры по снабжению таджикской сельхозпродукцией Казахстана. Предпринятые меры позволят резко увеличить торговый оборот двух стран.

В отношениях с Кыргызстаном внешнеторговый оборот базируется на экспорте овощей, корнеплодов, свежих фруктов, кондитерских изделий, солодового экстракта, сурьмяно-ртутных концентратов для производства чистого металла; взрывчатых веществ для строительства дорог и горнорудных карьеров; природных песков. Нынешний уровень взаимной торговли Таджикистан с Кыргызста-

ном подтверждает, что существуют нереализованные возможности. Есть огромный потенциал для расширения экономического сотрудничества на базе использования богатых рекреационных ресурсов обоих государств, использования преимуществ, созданных на севере Таджикистана СЭЗ, развития предпринимательства и участия в совместных инвестиционных проектах. Разумное сотрудничество двух стран в сфере энергетики так же может принести ощутимую выгоду обеим странам.

Казахстан предпринимает меры по активизации инвестиционного сотрудничества с Кыргызстаном и Узбекистаном, в стране создан межгосударственный совет для решения важных проблем национальных экономик. Можно акцентировать внимание и на создании технопарков со статусом специальных экономических зон, транснациональных финансово-промышленных групп и совместных предприятий в горнодобывающем секторе, пищевой и легкой промышленности, а также в цветной металлургии, представляющих для каждой страны региона определенный интерес.

Сегодняшняя внешняя политика любой страны региона не только повышает ее международный авторитет, но и способствует устойчивому и последовательному развитию Центральной Азии в целом, превращая регион в пространство сотрудничества с огромными возможностями.

Литература

1. Внешнеэкономическая деятельность //Статистический ежегодник. –Душанбе. Агентство по статистике при Президенте РТ., 2021. –С.15-18.
2. Встреча с Президентом Республики Казахстан Касым-Жомартом Токаевым. URL:<http://president.tj/ru/node/26521>
3. Достижения внешней политики. URL: <https://mfa.tj/ru/main/vneshnyaya-politika/dostizheniya-vneshnei-politiki-tadzhikistana>
4. Каримова М.Т., Хасанов Ч.Р. Взаимоотношения Таджикистана со странами ЕАЭС //Экономика Таджикистан. – 2021. – №1. – С.237-246.
5. Статистика стран СНГ. URL: <https://e-cis.info/upload/iblock/d12/d12404b478340593e4e7c38a1f60b1cf.pdf>

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ТАДЖИКИСТАНА В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВА: ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Самиев Х.Д.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Таджикского национального университета

Широкое вовлечение культуры в дипломатию и внешнюю политику позволяет говорить сегодня о таком феномене, как «культурная дипломатия», которая понимается как вид публичной дипломатии и неотъемлемая часть политики «мягкой силы», включающей в себя «обмен идеями, информацией, произведениями искусства и другими компонентами культуры между государствами и населяющими их народами с целью укрепления взаимопонимания». Фактор культуры возрос вместе с постепенным отказом от «грубого» взаимодействия между странами, а также с приходом понимания долгосрочности культурного влияния и внедрения своих культурных кодов и символов в другие общества. Надо учесть, что, исходя из специфичности языка, истории, особенностей становления и реализации внешней политики, страны по-разному обозначают «культурную дипломатию».

Таким образом, культурная дипломатия должна способствовать использованию в дипломатической деятельности государства инструментов культурного влияния для достижения межгосударственного взаимопонимания, мира и стабильности через преодоление культурных барьеров; предлагает использование различных факторов культуры, искусства и образования с целью защиты и продвижения на международной арене собственных национальных интересов.

Известно, что интенсификация культурной дипломатии государства оказывает положительное влияние на расширение его международного взаимодействия. С учетом богатого историко-культурного наследия таджикского народа, можно смело утверждать, что культурная дипломатия является одним из важных направлений внешней политики республики.

Следует отметить, что культурной дипломатии присущи три важнейших взаимосвязанных друг с другом цели: 1. Формирование позитивного образа государства за рубежом. 2. Продвижение, популяризация, экспорт национальной культуры и языка. 3. Создание благоприятных условий для осуществления национальных интересов.

При реализации культурной дипломатии используются все аспекты национальной культуры, в том числе искусство, организация выставок и ярмарок с целью демонстрации многочисленных объектов культуры, образовательных программ, обмен научными, образовательными и иными достижениями, литература (перевод популярных произведений) и т.д. Все эти инструменты содействуют пониманию национальной культуры страны иностранной аудиторией и достижению внешнеполитических целей государства посредством развития международного культурного сотрудничества. Они могут быть также использованы НПО, диаспорами и политическими партиями за рубежом. Эти инструменты, как правило, не создаются государством, а порождаются культурой. Тем не менее, именно правительства способствуют популяризации культурных достижений за границей.

Что же касается внешней политики, надо отметить, что культура и культурные отношения упоминаются как вид дипломатической деятельности и направление внешней политики во многих документах, регулирующих деятельность государственных органов в данной сфере. В частности, «Венской конвенции о дипломатических сношениях», «Венской конвенции о консульских сношениях», «Положении о правах и обязанностях Чрезвычайного и полномочного посла Республики Таджикистан», «Положении о посольстве Республики Таджикистан» и др.

Вместе с тем, понятие «культура» как инструмент упоминаются в данных нормативно-правовых актах как нечто обычное, что должно быть учтено, но не как обязательный вид деятельности. Ситуация изменилась с принятием Концепции внешней политики Республики Таджикистан (утверждена Приказом Президента Республики Таджикистан 27 января 2015 года), которая стала адаптированным к современным условиям международной среды документом, определяющим основные направления, механизмы и прин-

ципы внешней политики и дипломатии страны. Отличительной чертой новой Концепции является то, что в ней впервые на уровне такого стратегического документа признана роль культурной дипломатии во внешней политике государства. В Концепции культурная дипломатия вместе с гуманитарной выделяется в качестве приоритетных направлений внешней политики страны. Приоритетность данного вида дипломатии обосновывается, прежде всего, тем, что «усиливающийся процесс глобализации представляет собой беспримерно тесные взаимоотношения между нациями и государствами и создает возможности доступа к новейшим достижениям и ценностям цивилизации, использования всем человечеством результатов созидательной интеллектуальной деятельности. Наряду с этим, материальные и духовные проблемы человечества также приобретают глобальный характер, что вызывает возрастание давления на национальные культурные традиции и ценности народов и рост столкновения цивилизаций. В этих условиях одним из приоритетов внешней политики Республики Таджикистан является реализация такой культурной и гуманитарной дипломатии, которая с учетом положительных и отрицательных тенденций процессов глобализации обеспечивает духовное бытие, защиту и сохранность коренных национальных духовно-культурных ценностей таджикского народа, содействует достойному представлению Республики Таджикистан на международной арене как страны, обладающей древней историей и культурой и современным демократическим и правовым государством, расширению культурно-гуманитарного сотрудничества со странами мирового сообщества с целью укрепления положительного восприятия Таджикистана и его народа» [5].

В концепции отражены следующие задачи для реализации культурной дипломатии: укрепление договорно-правовой базы культурно-гуманитарных связей с иностранными государствами и региональными и международными организациями; правовая и культурно-просветительская поддержка зарубежных соотечественников на основе международно-правовых актов и международных договоров Республики Таджикистан, содействие объединениям соотечественников за рубежом и защита этнокультурной идентичности, включая родной язык, в рамках законов государств их проживания; содействие созидательной деятельности Форума таджиков и персо-

язычных мира для укрепления контактов страны с зарубежными соотечественниками, привлечение их потенциала для развития политического, экономического и духовно-культурного взаимодействия, создания атмосферы интереса и доброжелательного отношения к Таджикистану и его народу со стороны мирового сообщества и международных политических кругов; содействие формированию благоприятных условий для пребывания и посещения иностранными гражданами Таджикистана для развития международного туризма и привлечения туристов в страну; содействие организации диалога цивилизаций и конфессий с упором на исторический опыт и вклад таджиков в формировании религиозной и цивилизационной толерантности [5].

В своей политике Республика Таджикистан, используя культурную дипломатию, продвигает гуманитарные идеи своей богатой и древней культуры путем проведения симпозиумов и конференций, участия в культурных мероприятиях высокого уровня, форумах и достойной презентации произведений искусства, музыки и изобразительного искусства в других странах. Мир, стабильность и взаимовыгодные отношения между двумя странами играют достойную роль. Для реализации культурной дипломатии Республика Таджикистан использует как двусторонние, так и многосторонние механизмы. В качестве одного из важных механизмов реализации культурной дипломатии можно назвать сотрудничество в рамках и с использованием потенциала ЮНЕСКО (специализированное учреждение Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры). Участие в данной организации позволило стране инициировать и продвигать различные проекты в области культуры, науки и образования, внося существенный вклад в защиту и популяризацию всемирного культурного и природного наследия.

Празднования 5500-летия городища Саразм и 700-летия таджикского поэта Камола Худжанди включены в список юбилейных мероприятий ЮНЕСКО на 2020 г. По инициативе нашей страны «Шашмаком», «Фалак», национальный стиль платьев «Чакан», национальное блюдо «Оши Палав», праздник «Навруз» были включены во всемирный список материального и нематериального культурного наследия.

Можно говорить об успешном многостороннем культурном сотрудничестве Республики Таджикистан со странами-партнерами в рамках СНГ, ШОС, ОИС и др. Важнейшим инструментом реализации культурной дипломатии являются двусторонние культурные связи республики с зарубежными странами. Исследования отечественных и зарубежных авторов показывают, насколько культуре и культурному взаимодействию уделяется внимание в двусторонних отношениях.

Анализ имеющейся информации и проведенных исследований позволяют сделать вывод, что Таджикистан постепенно начал наращивать потенциал культурной дипломатии для реализации национальных интересов. Республика обладает определенной культурной инфраструктурой, происходит осознание важности историко-культурного наследия в продвижении национальных интересов, работы с ирредентами и диаспорами зарубежом. Таджикистан является инициатором и одним из важных участников региональной интеграции на культурно-цивилизационной основе.

Мы могли бы выделить ряд основных, по нашему мнению, потенциальных возможностей для эффективной реализации культурной дипломатии, каждая из которых заслуживает отдельного исследования и разработки как в виде статей, монографий, так и в виде стратегии реализации культурной дипломатии. Важным потенциалом для культурной дипломатии нашей страны может выступить историко-культурное наследие таджикского народа. История региона на протяжении последнего тысячелетия доказывает, что таджикский народ был “производителем” культурного продукта. Труды великих ученых, поэтов, такие как Абу Али Ибн Сино, Фирдавси, Аль-Фараби, Закария Рози, Хайём, НосирХосравДакики, Низам-аль-Мульк, Руми, Фарид-ад-дин Аттор, Абулфазль Байхаки, Камолиддин Бехзод, религиозных мыслителей Ал-Бухари, Мухаммад Ал-Газзали, Нуриддин Джами, Бахауддин Накшбанд и сотни других выходцев из Хорасана и Мавераннахра, получили мировую известность. Перевод на кириллицу наследия мыслителей Мавераннахра и Хорасан на персидском языке не сложный, но объединяющий фактор для населения Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана. Также немаловажна роль современных проявлений культурного потенциала, в том числе в сфере искусства. В

этом направлении важную роль сыграет открытие музея современного искусства, который дал бы возможность знакомить мировую общественность, гостей страны с творчеством наших художников, представителей искусства, организовывать их выставки за рубежом. Как известно, 2019-2021 годы были объявлены в Таджикистане "годами развития села, туризма и народных ремесел". Важным механизмом могла бы стать организация совместных со странами региона образовательных, культурных, научных проектов, а также программ стажировок представителей науки, культуры и искусства друг у друга. А организация и предоставление государственных грантов на обучение для представителей таджикской диаспоры за рубежом и всех желающих изучать персидскую литературу, ислам, философские учения, таджикский язык в вузах Республики Таджикистан могли бы стать успешным инструментом реализации культурной дипломатии.

Душанбе динамично занимается популяризацией таджикской культуры за рубежом. Официальные загранпредставительства Таджикистана в сотрудничестве с активными организациями таджикской диаспоры продвигают таджикскую культуру. Можно назвать ежегодные празднования Навруза в крупных городах постсоветских республик, дипломатические приемы посольства Таджикистана в столицах содружеств в честь названного праздника, организацию культурных, творческих вечеров видных таджикских деятелей культуры, фотовыставки и другие мероприятия.

Дни культуры Таджикистана успешно прошли во многих странах – от Китая, России, Индии до Германии, Франции, Ирана. Наряду с культурными мероприятиями за пределами страны в самом Таджикистане регулярно проходят международные конференции, посвященные искусству, музыке, творчеству классиков таджикско-персидской литературы. В этом направлении отмечаем работу Таджикского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ТОДКС) – общественной некоммерческой организации, действующей в интересах развития и укрепления международных культурных связей, дружбы и сотрудничества с народами зарубежных стран. На данный момент ТОДКС имеет 23 общества дружбы с разными странами. Значительным импульсом для презентации туристических возможностей Таджикистана, его куль-

туры на международной арене, привлечения инвестиций в туристическую инфраструктуру стало объявление Президентом страны Эмомали Рахмоном 2018 года «Годом развития туризма и народных ремесел». В своем послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан в декабре 2018 года глава таджикского государства заявил, что мероприятия в рамках упомянутого тематического года дали «серьезный импульс осознанию важности этой сферы в социально-экономической жизни народа, а число туристов, посетивших Таджикистан в 2018 году, по сравнению с 2017 годом увеличилось в 2,5 раза». Президент, однако, заметил, что одного года мало, поэтому предложил объявить 2019-2021 годы «Годами развития села, туризма и народных ремесел».

Эти меры могут оказать существенное позитивное влияние на привлекательность Таджикистана для иностранных туристов, на узнаваемость историко-культурного наследия республики. Приведенными примерами практика культурной дипломатии РТ, конечно, не ограничивается. Рассмотренные факты охватывают не все мероприятия и не все аспекты культурной дипломатии, однако даже такой ограниченный набор практических примеров показывает, что ресурсы культурной дипломатии, используемые Таджикистаном в отношениях с региональными и внерегиональными государствами, могут стать дополнительным фактором кооперации и средством формирования основ для будущих конструктивных взаимодействий.

Краткий анализ потенциала культурной дипломатии в развитии международного сотрудничества государств позволяет сделать несколько общих выводов. Во-первых, культурная дипломатия для малых государств представляется механизмом компенсации недостатка «жесткой» силы. С определенными оговорками, данное утверждение справедливо и для государств ЦА. Во-вторых, проведение культурной дипломатии требует не только финансовых вложений, но и готовности открываться миру. Любая односторонняя культурная дипломатия не может иметь успеха в формировании позитивного имиджа своего субъекта. В-третьих, наступление «оттепели» в политических отношениях между странами ЦА в последние годы сопровождается наращиванием активности в сфере культурной дипломатии. Эти позитивные тенденции могут активизиро-

вать восстановление культурных связей между странами региона и способствовать появлению новых форматов культурного, научно-образовательного обмена. В-четвертых, на фоне растущего внимания государств региона к конструированию международного бренда, формированию своего положительного восприятия в глазах глобальной общественности ресурсы культурной дипломатии будут все активнее применяться в их арсенале внешней политики. В данном контексте, учитывая наличие у стран ЦА многих общих элементов историко-культурного характера, возможна активизация координации между ними по линии культурной дипломатии.

В условиях взаимовлияния и взаимодополнения культуры и ценностей в мире наблюдается мощный экспорт цивилизационных элементов одних государств в сторону других стран. В этом случае не всегда инертная (и в какой-то степени пассивная) политика может обеспечить необходимое поле восприятия государства на международном уровне. Поэтому активная реализация культурного элемента позволяет выработать: во-первых, адекватную стратегию защиты от внешних культурных интервенций; во-вторых, создавать альтернативные продукты, имеющие широкое интеллектуальное начало. Ресурсы культурной дипломатии широко используются государствами Центральной Азии в их публично-дипломатической практике. На данный момент профильное взаимодействие в обозначенной сфере внутри региона во многом опирается на договоренности многостороннего характера в рамках СНГ, ШОС, площадки «тюркского мира» и др. Если в СНГ нормативно-правовая база и институциональное оформление некоторых аспектов культурной дипломатии уже сложились, то в ШОС они только создаются. Например, в июне 2018 года по постановлению Президента Узбекистана Ш.Мирзиёева был создан Центр народной дипломатии ШОС, одна из задач которого заключается в оказании содействия расширению культурно-гуманитарных связей со странами ШОС [7]. Культурную дипломатию на многосторонних площадках дополняют двусторонние контакты.

Одной из основных форм культурной дипломатии здесь выступает проведение дней культуры. Так, в июле 2015 года в Кыргызстане прошли Дни культуры Таджикистана, в рамках которых кыргызстанцы познакомились не только с богатым искусством сосед-

ней страны, но и с современными достижениями Таджикистана в области культуры [8]. В 2016 году уже в Таджикистане состоялись Дни культуры Кыргызстана. Примечательно, что такие мероприятия между странами региона в последние годы стали проводиться на регулярной основе. Особо следует отметить активизацию культурного сотрудничества между Таджикистаном и Узбекистаном. Впервые за почти двадцатилетний период обе стороны принимали у себя дни культуры друг друга. В рамках этих мероприятий были организованы ярмарки, торгово-промышленные выставки [3].

По итогам визита Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в Узбекистан в августе 2018 года наряду с другими важными соглашениями в социально-гуманитарной сфере был подписан и меморандум о сотрудничестве между Обществом дружбы и культурных связей Таджикистана и Комитетом межнациональных отношений и дружественных связей с зарубежными странами при Диване Министров Республики Узбекистан [6].

После астанинского саммита центральноазиатских государств в марте 2018 года Президент Казахстана заявил о необходимости активизации между странами региона сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере, которое, по его словам, «заглохло» с советских времен. Н.Назарбаев призвал возродить практику проведения фестивалей культуры, встреч молодежи; наращивать обмен студентами и укреплять взаимодействие в сфере туризма. Комментируя эти планы и тенденции в регионе в интервью создателям документального фильма «Проект – Центральная Азия», известный американский исследователь-специалист по Центральной Азии Фредерик Старр заявил, что «в 90-е годы каждая из бывших советских республик региона пела свою песню, но теперь они начинают петь вместе, формируя новое региональное самосознание» [4].

С созданием благоприятного климата для расширения культурных связей с зарубежными странами в торжественной обстановке были проведены Дни культуры Республики Таджикистан в Германии, Узбекистане, Российской Федерации, Франции, Казахстане, Беларуси, Азербайджане, Китае, Индии, Иране, Туркменистане, где артисты сумели представить свое современное и прошлое богатое искусство и культуру. Одновременно в нашей стране проведены

дни культуры России, Кыргызстана, Китая, Азербайджана, Казахстана, Беларуси и Туркменистана.

В Республике Таджикистан, где расположены свыше 2 тысяч памятников истории и культуры, за годы независимости по указанию и при непосредственной поддержке Главы государства в городах, районах и областях восстановлены и отремонтированы 36 уникальных памятников из числа мавзолеев, музеев, мечетей, крепостей, медресе и минаретов. В то же время, с целью охраны памятников истории и культуры образованы Хульбукский историко-культурный заповедник, Республиканский музей-заповедник в Дангаре, Государственное предприятие «Панджрудский республиканский историко-культурный комплекс».

За последние 20 лет с участием многочисленных гостей из стран ближнего и дальнего зарубежья на высоком международном уровне проведено много юбилеев великих представителей истории и всемирно известной таджикской литературы, которые свидетельствуют о достойном почитании руководства таджикского государства славного прошлого истории и культуры таджикского народа.

Проведение международного симпозиума, посвященного тысячелетию «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси 5 сентября 1994 года, торжественных мероприятий в честь 680-й годовщины со дня рождения великого ученого и мыслителя Востока Мир Сайид Али Хамадони в сентябре 1995 года и празднования 675-летнего юбилея Ходжа Камола Худжанди в 1996 году надолго останутся в сердцах участников и гостей. В том же году в присутствии участников третьего Форума таджиков и персоязычных представителей мира в городе Худжанде были открыты памятники Ходжа Камолу и великому сыну таджикского народа, Герою Таджикистана Бободжону Гафурову, что явилось благородным начинанием и проявлением заботы об увековечивании светлой памяти наших славных предков. Празднование 90-й годовщины со дня рождения академика Бободжона Гафурова в 1998 году, торжественное заседание в честь 90-летия Мирзо Турсунзаде 27 октября 2001 года и юбилейные мероприятия, посвященные 1000-летию великого мыслителя Востока Носира Хусрава Кабадиани, стали ярким свидетельством гордости и почитания таджикским народом бессмертных исторических и литературных сокровищ предков.

Многие праздничные мероприятия, посвященные юбилеям поэтов и писателей и общественным политическим деятелям таджикского народа, способствовали переосмыслению и новому прочтению их наследия, более глубокому ознакомлению мировой общественности с наукой и культурой Таджикистана, способствовали усилению национальной гордости народа.

В ряду других политических и культурных мероприятий, проведенных по непосредственной инициативе Президента страны Эмомали Рахмона, – празднование 2500-летия древнего Истаравшана, юбилейные мероприятия в честь 2700-летия древнего города Куляб, благоустройство исторических памятников, объявление Хульбука культурным заповедником, превращение нескольких районов республики с уникальной природой в туристические зоны, которые стали свидетельством вхождения Таджикистана в зону стабильного роста.

5 октября 2009 года в городе Душанбе с участием Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона проведен Международный симпозиум «Наследие Абуханифы и его значение в диалоге цивилизаций», посвященный 1310-летию Имама Абу Ханифы – основателя одного из влиятельных течений ислама, в работе которого приняли участие свыше 500 ученых и мыслителей из 50 стран мира и значительное число представителей интеллигенции из Таджикистана.

Мероприятия, посвященные Году памяти основателя и предводителя ханафитского течения, прошли с участием Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, высокопоставленных политиков и ученых многих зарубежных стран в дни начала строительства крупнейшей соборной мечети Таджикистана.

Эти меры, имеющие историческое, культурное и общечеловеческое значение, активизировали пробуждение самосознания таджикского народа, способствовали восстановлению и укреплению его связей с зарубежными таджиками, позволили взглянуть свежим взглядом на свои исторические и культурные корни, принять практические меры к достижению единства и объединения нации, росту национальной гордости.

Американский ученый Мильтон считает, что культурная дипломатия есть ничто иное, как «обмен идеями, информацией, святыня-

ми, традициями, верой и другими аспектами культуры, что может улучшить взаимопонимание». В такой ситуации культурная дипломатия превращается в часть народной дипломатии и вбирает в себя комплекс практических воздействий, тактико-стратегическая цель которых — расширение культурного сотрудничества между государствами, организациями и международными институтами. Таким образом, наряду с дипломатией элит укрепляется народная дипломатия, и все больше расширяется культурный обмен простых людей. Другими словами, наряду с выдающимися политиками, послами и чиновниками, деятели культуры и литературы, творческие личности, обретающие региональный и мировой авторитет и престиж, могут оказать влияние на сотрудничество стран и добиваться желаемых результатов.

С усилением глобализации в современных условиях культура стала составной частью международной политики и «культурной дипломатии» государств, способствует укреплению дружественных связей. В рамках культурной дипломатии можно использовать искусство, в частности, театр, кино, музыку, танцы, изобразительное искусство, скульптуру, выставки, образовательные и научные программы, литературу, создавать библиотеки, освещать новости и показывать культурные программы за пределами страны, а также организовать диалог религий. Наряду с укреплением культурной дипломатии, большое значение имеют организация культурных программ с привлечением к участию известных личностей, учреждение грантов, стипендий, академических обменов, проведение тренингов и конференций, а также доступ к информационным каналам. Таким образом, культурные связи могут стать выгодным средством массовой дипломатии государств и играть заметную роль в формировании их позиции.

Культура со своей созидательной природой усиливает индивидуальную и социальную активность, непосредственно влияет на нравственное и политическое поведение членов общества. Отсюда культурная дипломатия, объединяющая все эти сферы, достойным образом направляют их на защиту и охрану национальных интересов, используя для продвижения внутренней и внешней политики. Если в былые времена страны добивались своих стратегических целей путем использования военной силы или же в своих диплома-

тических отношениях целенаправленно демонстрировали свою военную мощь, то в нынешнем веке государства предпочитают добиваться успехов путем повышения уровня науки и знаний, поддержки культуры и духовности и таким образом умножают свою силу. Другими словами, государства посредством развития образования и культуры продвигают свои страны и таким путем укрепляют их позиции в мировом сообществе, тем самым увеличивая свое влияние среди других государств. Культура играет ключевую роль в концепции внешней политики, посредством которой другие страны вовлекаются в изучение национальной культуры. В этом случае диапазон культуры расширяется и включает язык, литературу, архитектуру, кино, музыку, живопись и другие виды искусства и науки, а также туризм. В целом «культурная дипломатия» является распространителем и пропагандистом национальной культуры и образа жизни и играет важную роль в создании достойного образа каждого государства на мировой арене.

Литература

1. Бахриев Б.Х. «Мягкая сила» и публичная дипломатия: возможности для независимого Таджикистана // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – №436. – С. 97-105. DOI: 10.17223/15617793/436/11.
2. Бахриев Б.Х. Туризм как фактор «мягкой силы» Республики Таджикистан на современном этапе // Таджикистан и современный мир. – Душанбе: ЦСИ при Президенте Республики Таджикистан. – 2018. – №4(63). – С.129-139.
3. Дни культуры Таджикистана в Узбекистане // Sputnik Узбекистан. URL: https://uz.sputniknews.ru/trend/dni_kulturu_tadjikistana_v_uzbekistane/ (дата обращения: 21.11.2019).
4. Документальный фильм «Проект – Центральная Азия» // Видеохостинг You-Tube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3jddswFTimY> (дата обращения: 21.11.2019).
5. Концепция внешней политики Республики Таджикистан: утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 27

- января 2015 года, №332. URL: <http://konceptcija-vneshnej-politiki-respubliki-tadzhikistan.pdf>
6. Подписание новых документов о сотрудничестве между Таджикистаном и Узбекистаном // Офиц. сайт МИД Таджикистана. – 2018. – авг. URL: <http://mfa.tj/?l=ru&cat=8&art=3584> (дата обращения: 22.11.2019).
7. Постановление Президента Республики Узбекистан от 26.06.2018 г. (№ПП-3807) «О мерах по государственной поддержке создания Центра народной дипломатии Шанхайской организации сотрудничества в Узбекистане». URL: <http://uza.uz/ru/documents/o-merakh-po-gosudarstvennoypodderzhke-sozdaniya-tsentra-nar-27-06-2018> (дата обращения: 23.11.2019).
8. Таджикистан-Кыргызстан: с чего все начиналось // Asia-Plus. – 2015. – 14 авг. URL: <https://news.tj/ru/news/tadzhikistankyrgyzstan-s-chego-vse-nachinalos> (дата обращения: 21.11.2019).

РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ – ВАЖНЕЙШИЙ РЕСУРС РЕШЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Латифов Д.Л.

Доктор исторических наук, профессор
Таджикского национального университета

За истекшие тридцать лет независимого развития страны государство уделяет огромное внимание развитию народного образования в Таджикистане. В своем Послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан еще 20 апреля 2011г. Президент Таджикистана подчеркнул, что «развитие отрасли образования объявлено одним из приоритетных направлений социальной политики государства»¹.

Так, за этот исторический период выросло число средних общеобразовательных школ, лицеев, высших учебных заведений. Педагогические учебные заведения подготовили тысячи высококвалифицированных кадров – педагогов средней и высшей квалификации. В настоящее время в стране насчитываются 82 средних профессиональных учебных заведений по восьми направлениям (педагогике, медицине, техническим специальностям, праву, сельскому хозяйству, культуре и 15 различным экономическим профилям)².

Государство заботится о компьютеризации системы образования, внедрении передовых методов обучения и повышении квалификации педагогов для всех уровней образовательной системы страны. Пополняется база учебно-методической литературы. Начиная с 2015 года наблюдается последовательная тенденция роста расходов государственного бюджета на образование.

О положительных результатах обучения учащихся общеобразовательных школ свидетельствуют полученные ими на международных и региональных конкурсах множество наград. Это, бесспорно, реальные достижения страны за короткий период независимого развития.

¹ Послание Президента Республики Таджикистан Э. Рахмона Маджлиси Оли 20 апреля 2011 г. // Народная газета. 2011. №17 (1978). 27 апр.

² Омузгор. 2021. №52. 30 дек.

Но не следует забывать о том, что мы 30 лет живем в совершенно новой политической системе, когда страна выбрала путь демократии, создания светского государства и рыночной экономики.

Несмотря на указанные выше достижения в сфере образования, следует признать, что мы продолжаем следовать старой традиционной советской системе, которая была адаптирована к централизованной системе управления и общественной собственности на средства производства.

Новая система связана с процессами глобализации, межгосударственной интеграции, эпохой внедрения новых коммуникационных технологий XXI века. В этой связи Президент страны Эмомали Рахмон говорил, что «требованием времени является то, что качество обучения и воспитания в учебных заведениях должно непрерывно повышаться, оно должно соответствовать требованиям современного обучения, давно действующих в мировой практике отечественных и мировых рынков труда. Лидер нации, основоположник мира и национального согласия Э.Рахмон на встрече с учеными республики отметил, что необходимо «на основе новых требований и приведения в соответствие с международными критериями и повышения качества знания пересмотреть государственные стандарты и учебные программы всех уровней системы образования страны¹».

Реформа образования обусловлена следующими факторами:

-часть девочек и мальчиков из числа малообеспеченных семей не посещают школу при том, что действует Закон страны об обязательном среднем образовании;

-при выпуске достаточного количества окончивших педвузы и училища, ощущается дефицит учителей в школах ввиду того, что часть из них покидают работу в поисках более высокой заработной платы, становятся трудовыми мигрантами, теряя свои трудовые заслуги. Получается парадокс дефицита при избытке кадров – педагогов. Трагедией общества является то, что подготовленные страной специалисты покидают страну («утечка мозгов») и трудятся на благо другой страны, которая, не вкладывая денег, получает готового специалиста.

¹ Речь Президента Республики Таджикистан Э.Рахмона на встрече с учеными страны (г.Душанбе, 18.03.2021г.)

Попытка спасения положения дел путем увеличения ставок преподавателей до двух, двух с половиной, негативно сказывается на качестве их изнуряющей работы:

- при нормах допустимого количества учеников в классах в 25-30 человек, у нас она порой достигает до 60 человек, что отрицательно сказывается на эффективности занятий;
- некоторые стараются оправдать коррупционность нашей системы образования низким уровнем зарплаты педагогов.

А ведь полуграмотный выпускник школы, в силу отсутствия финансовых возможностей, лишается доступа к договорным группам вузов, в связи с чем обречен на долгие муки поиска места в жизни. Это мы наблюдаем в судьбах наших трудовых мигрантов. Чаще всего молодые люди, становясь трудовыми мигрантами, не имеющими хорошего образования и трудовых навыков, используется на подсобной, черновой, малоквалифицированной работе.

Реформа образования может изменить достоинство наших мигрантов, т.е. выгодно готовить грамотных специалистов на экспорт. Можно себе представить, какие социальные потрясения таят в себе полуграмотность, безграмотность наших молодых людей, помноженные на безработицу.

Назрела насущная необходимость реформы системы образования, по принципам которой давно успешно работает мировое сообщество. Становится выгодным брать абитуриентов из другой страны и готовить из него специалиста с высшим образованием для указанной страны, зарабатывая на этом прибыль. Сегодня, к примеру, в ТНУ обучаются сотни студентов из других государств. Как только мы делаем материально выгодным сотрудничество ученика, школы (вуза) и производства, нам становится выгодным готовить ученика на экспорт-все получают прибыль. Глава нашего государства четко расставляет акценты по совершенствованию системы образования и воспитания:

А) Защита национальной идентичности в условиях современной глобализации;

В) Приведение системы образования страны в соответствие с мировыми стандартами;

Теперь осталось на примере реализованного проекта Всемирного, Исламского и др. банков по реформе образования в пилотных

школах показать пути и механизмы их реформирования. Он включал в себя следующие компоненты:

- Это учебные программы-курикулы, которые переставляют акцент с обучения, ориентированного на передачу информации, на обучение, которое ставит во главу угла формирование и развитие интеллектуальных особенностей развития мышления и творческих навыков. В отличие от содержания традиционных программ, курикулы включают методические основы и способ понимания предмета, намечают структуру и систему изучения предмета и технологию преподавания. В ней разработаны нормы и варианты проверки знаний, умений и навыков. Т.о. возросла потребность в составлении таких программ обучения, которые бы стали реальной основой общего образования и в то же время служили ориентиром для школьников в их подготовке к реальной жизни.

- Для того, чтобы реализовать эти программы, надо было обеспечить менеджмент-управлением всем процессом реформы – создавать Ассоциации родителей и учителей, обучить учителей пилотных школ методам интерактивного обучения, издавать учебники в соответствии с указанными выше новыми программами, создавать материально-техническую базу- физически реабилитировать (капитально-отремонтировать) школы, оборудовать их новой мебелью и создавать компьютерные классы.

Всем процессом управления реформой указанных школ руководили созданные при них Ассоциации родителей и учителей, на расчетные счета которых были перечислены выделенные ВБ-ом финансовые средства, т.е. директора школ никакого отношения к ним не имели. По положению ВБ, 10 процентов средств на ремонт школ должна была взять на себя родительская общественность школы в зависимости от их возможностей -внесением денег, оказанием услуг, в качестве маляров, бухгалтеров, каменщиков, электриков, водителей и прочее. Т.е. вся работа была рассчитана на принципах взаимной заинтересованности родителей и учителей в конечных результатах. Естественно, это требовало большой разъяснительной работы с родителями, необходимо было убеждать их, что они должны соучаствовать в этом процессе ради судеб своих детей.

Реализация проекта сопровождалась обучением руководителей АРУ и учителей-новаторов опыту передовых школ зарубежных

стран, механизму реформирования образования. По возвращении они учили оставшихся своих коллег освоенной практике.

Для подготовки новых учебников по новым программам вместо ученых были привлечены опытные учителя-педагоги, которые хорошо знали психологию детей, их интересы.

Учитывая, что население страны находится в нелегком экономическом положении, мы внедриli арендный метод использования новых учебников. Его суть заключается в том, что новый учебник реализуется всего за одну треть ее стоимости. Следующий год учебник передается либо брату (сестре), родственнику, либо знакомому тоже за одну треть его стоимости. Таким образом за три года стоимость учебника окупается, эти учебники становятся бесплатным достоянием нескольких поколений и хранятся в школьной библиотеке. А собранные деньги идут на расчетный счет АРУ школы. Родительская общественность (а семьи у нас многодетные) восприняла заинтересованно такую форму использования учебников, поскольку это облегчает расходы нашего скромного семейного бюджета.

Главным условием менеджмента в системе образования сегодня является поиск возможностей привлечения дополнительных средств для развития образовательных услуг. Это средства спонсоров (шефов школы), НПО и международных организаций, более эффективное использование дополнительных услуг, например, организовав продажу пирожков, ватрушек, тортов и пр. продукции в столовых (буфетах) школ для родителей и жителей микрорайона. В школьном спортзале физруку можно организовать платные спортивные кружки по волейболу, настольному теннису и др. спортивным играм для молодежи микрорайона.

Деятельность школы (как и ВУЗов) необходимо считать формой оказания образовательных услуг, за что надо платить, но не в карман директора школы, а на расчетный счет АРУ. Для этого нужна децентрализация управления школой, расширение полномочий и прав низших звеньев образовательной системы, ибо само учреждение хорошо знает свои кадры. Вместо уравниловки поощрять лучших педагогов-новаторов (увеличив их зарплату), заниматься всеми вопросами развития школы, ее модернизации.

Реформа образования в соответствии с мировым опытом предполагает финансирование учебных заведений осуществлять исключительно за счет учеников и студентов (считай родителей), а также предприятий – заказчиков продукции системы образования. Т.е. ученик (студент) и предприятие-наемщик обязаны оплачивать услуги образования и воспитания, но после того, как получают товар – один знания и навыки, другой – специалиста. Последний, т.е. предприятие, не будет развиваться, если не получит специалиста. А это значит, что предприятие обязано платить за специалиста при условии, что специалист работает на нужды предприятия и предприятие производит плату в данный момент, пока пользуется знаниями и навыками специалиста. Т.е. в этих условиях учебные заведения становятся учебными предприятиями без финансирования из бюджета государства, а сами будут нести прибыль учителю. Эта система будет сама организовываться и развиваться.

Система должна быть выгодной и нести прибыль всем, только тогда она будет эффективно работать. Прибыль должны получать ученик, учитель, школа, государство общество и вся страна. Бюджетные возможности государства (когда сегодня и так почти 50 процентов национального бюджета расходуются на нужды социальные) не могут успевать финансировать рост потребностей всех звеньев системы образования из-за геометрически прогрессивного роста рождаемости, когда в 2050г., т.е. через 30 лет, население Таджикистана увеличится еще на пять миллионов человек. Во-вторых, достойное материальное стимулирование труда учителей и педагогов трудно обеспечивать при действующей системе образования. Государственный долг страны на конец текущего года вырос на 18 миллионов долларов по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

В трансформируемый период реформы дошкольной системы и начального образования при финансировании ВБ, ЮНИСЕФ и грантов и траншей других международных организаций и НПО государство на переходный период может взять на себя финансирование части их расходов, пока школа не станет самодостаточной. Особенности инновационной системы проявляются в том, что в период учебы ребенок получает знания в кредит, т.е. родителями оплачивается только часть образовательных услуг. И только начав

трудиться, он возвращает свой долг не обществу, не родителям, а учебному заведению и своим учителям в виде отчислений из своих доходов. Это стимулирует учителей и школу, становится фактором повышения качества образования, но не за счет взимания взяток. Получая достойную зарплату, работники образования не будут заниматься коррупционной деятельностью. Отпадет необходимость в содержании огромного аппарата антикоррупционного профиля.

В предполагаемой нами реформе собственником системы образования, ее материальной базы и базы знаний должны стать учителя и школа. Для того, чтобы реализовать реформу, мы обязаны принять решение все ныне существующие государственные учебные и воспитательные учреждения передать в собственность педагогического коллектива. Форма собственности – коллективная без ее продажи и передачи другому лицу, кроме коллектива педагогов. Каждый педагог становится совладельцем учебного заведения.

Таким образом школа, ВУЗ становятся образовательным предприятием, которое должно платить налоги государству. Государственный бюджет в будущем будет получать прибыль в отличие от ныне убыточной системы образования.

Управление в учебных заведениях предполагает быть коллективным. Принимает на работу и увольняет педагога педагогический совет данной школы, увольнять может и вышестоящая организация. При таких условиях отпадает необходимость содержать такие промежуточные бюрократические звенья народного образования, как районо. Вышестоящая организация (гороно, облоно, Минобр) оценивает деятельность школы с позиций стратегических интересов района, города, области и страны по качеству, количеству и направлению развития. Введение данной системы освобождает бюджет государства от финансирования системы образования. Настало историческое время решать вопрос о превращении всей системы образования как составной части социальной сферы из убыточной, бременем лежащей на госбюджете, в сферу, приносящую финансовую прибыль.

Реформа образования социально стабилизирует и консолидирует страну – не выгодно разрушать, бастовать, устраивать террор – ведь результат – ущерб, меньше прибыли всем и каждому. Выгодно только высокопроизводительно трудиться.

Такая система образования дает любому желающему возможность учиться в любом учебном заведении, снимает ограничения для бедных, допускает малоимущих детей до высшего образования, уменьшает поляризацию социальных слоев, формирует средний класс за счет всех слоев населения. Осуществляя реформу образования нового типа, страна станет одной из первых стран в мире, которая будет продавать не столько товары, сколько научные технологии в виде подготовленных специалистов. Ведь уже сегодня только в Национальном университете обучаются студенты из десятков стран мира. Они вносят ощутимый вклад в бюджет Таджикистана и как специалисты востребованы в своих странах.

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ОДКБ «ГИБРИДНЫМ ВОЙНАМ» НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сангинов Н.Н.

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Отдела политических проблем международных отношений Института
философии, права и политологии им. А.Баховаддинова
Национальной Академии наук Таджикистана

Прежде всего, необходимо отметить, что наличие нижеследующих факторов оказывают определенное влияние на глобальную и региональную стабильность в мире в целом и Евразийское пространство в частности:

- непрекращающееся соперничество за глобальное и региональное лидерство между мировыми и региональными державами, которое основывается на борьбе за жизненно важные энергетические, водные, экономические ресурсы; транспортные коммуникации и другие;
- возникновение новых вызовов и угроз международной и региональной безопасности и стабильности, наиболее актуальными из которых признаются международный терроризм, незаконный оборот наркотиков, оружия и другие преступления транснационального характера;
- эскалация вооруженных конфликтов в имеющихся горячих точках планеты, создание новых очагов нестабильности, к которым причастны мировые и региональные державы (Афганистан, Украина и другие);
- наличие международных и внутрирегиональных проблем между отдельными государствами мира и евразийского пространства, к которым относятся территориальные притязание или пограничные споры, нехватка воды, земли, экологические и климатические кризисы;
- трудное экономическое и социальное положение населения, его легальная и нелегальная миграция из отсталых стран в более благополучные континенты и регионы;

- пандемия коронавируса COVID-19 и различные его штаммы и т. д.

Вышеуказанные факторы влияния на глобальную и региональную стабильность являются основой или детерминантами появления различных технологий «гибридных войн», которые реализуются мировыми и региональными державами в рамках их геополитических интересов.

Следует констатировать, что сегодня «гибридные войны» стали реальностью и превратились в основную технологию ведения войн. Об этом говорит все научное и экспертное сообщество. Это объясняется тем, что сегодня на смену мировым войнам пришли «гибридные войны», которые представляют, соответственно, «гибридную угрозу» безопасности национальным интересам всех государств.

Наиболее характерными особенностями «гибридных войн» является то, что они не легитимированы, ведутся без каких-либо правил, ограничений и объявления войны, реализуются на чужой территории своими и чужими руками; маскируются под локальные и региональные конфликты/кризисы. Субъекты, реализующие такие войны, всячески отрицают свою причастность к ним и т.д. Именно в этом различие «гибридных войн» от запрещенных мировых войн, поскольку содействуют достижению эффекта малыми затратами и потерями.

«Гибридные войны» – смешанное/интегрированное использование военных и невоенных технологий. К военным технологиям относится использование сил спецподразделений, частных военных компаний, террористических и экстремистских группировок, партизанских отрядов и других. К невоенным технологиям относятся разведывательно-подрывная деятельность спецслужб, медиа-ресурсы, интернет-пространство, социальные сети, с помощью которых добывается и распространяется выгодная информация, и т.д.

На современном этапе реализуются следующие технологии «гибридных войн»: «политические войны», «дипломатические войны», «информационные войны», «кибервойны», «торговые войны», «санкционные войны», «экономические войны», «террористические войны», «наркотические войны», «пограничные войны», «ми-

грантские войны», «водные войны», «религиозные войны», «культурные войны», «дроновые войны» и другие.

На наш взгляд, «гибридные войны» следует рассматривать в тесной увязке с «гибридными угрозами». Это обосновывается тем, что каждая технология «гибридных войн» сопровождается соответствующей технологией «гибридных угроз». Так, «террористические войны» представляют «террористическую угрозу»; «наркотические войны», соответственно, «наркотическую угрозу»; «мигрантские войны» – «миграционные угрозы»; «кибервойны» – «киберугрозу» и т. п.

В поддержании глобальной и региональной стабильности в мировом масштабе, а также на Евразийском пространстве по противодействию различным технологиям «гибридных войн» огромную роль играют международные и региональные организации, такие как ООН, ОБСЕ, ОДКБ, ШОС и другие.

В частности, в этом плане велико значение Организации Договора Коллективной безопасности (ОДКБ), как специализированной военной структуры, объединяющей на сегодняшний день 6 (шесть) постсоветских государств.

Здесь следует акцентировать, что 2022 год является юбилейным для ОДКБ. Так, 14 -15 мая 2022 будут отмечены 20 -летие образования ОДКБ (14 мая) и 30 -летие Договора о коллективной безопасности (15 мая).

За этот период ОДКБ претерпела серьезные структурные изменения и превратилась в мощную международную и региональную организацию по обеспечению международной и региональной стабильности.

Анализ показывает, что на современном этапе, противниками ОДКБ на ее обширном пространстве простирающимся от Восточной Европы (Россия, Беларусь), Кавказа (Армения) до Центральной Азии (Республика Таджикистан, Республика Казахстан и Кыргызская Республика), реализуются практически все вышеуказанные технологии «гибридных войн». Все они, соответственно, представляют «гибридные угрозы».

Например, на российско-белорусском направлении реализуются: «политические войны», «миграционные войны» (последняя волна миграции афганцев), «информационные войны», «кибервой-

ны», «торговые войны», «экономические войны», «санкционные войны», «газовые войны», «дипломатические войны», «шпионские войны» и т. д.

На кавказском направлении до сих пор сохраняются «гибридные угрозы» в отношении члена ОДКБ Армении. Сопутствующими факторами здесь являются территориальные притязания сторон конфликта (Азербайджана и Армении) относительно Нагорного Карабаха. Так, в ходе последней локальной Нагорно-Карабахской войны между Арменией и Азербайджаном были использованы следующие технологии «гибридных войн»: «информационные войны», «дроновые войны», «этнические войны», «территориальные войны», «кибервойны», «террористические войны» и др.

В зоне ответственности ОДКБ на центральноазиатском направлении применяются следующие технологии «гибридных войн»: «террористические войны», «наркотические войны», «мигрантские войны», исходящих из Афганистана. Приход талибов к власти в этой стране еще более увеличил «гибридные угрозы» для государств ОДКБ.

«Пограничные войны», «минные войны», «водные войны», «этнические войны» и другие, как внутрирегиональные факторы, наблюдаются на таджикско-кыргызском и узбекско-кыргызском участках границы, которая до сих пор не урегулирована до конца между этими странами.

В настоящее время в рамках ОДКБ создана действенная система коллективной безопасности, основанная на трех дополняющих друг друга областях: политическое, военное сотрудничество и сотрудничество в сфере противодействия существующим и вновь появляющимся технологиям «гибридных войн». Организация своевременно реагирует и противодействует всем технологиям «гибридных войн» и «гибридных угроз» смешанными военными и невоенными методами.

Как отмечает доктор военных наук Российской Федерации А.А.Бартош, «противостояние гибридным угрозам предполагает разработку и системную реализацию комплекса взаимосвязанных различных по форме и содержанию (гибридных) политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструк-

тивных действий со стороны государства-агрессора (коалиции государств)» [1, с.4].

С учетом этого, ОДКБ, в плане противодействию «гибридным войнам» и «гибридным угрозам» реализуются нижеследующие меры:

1. В рамках ОДКБ созданы соответствующие военные и невоенные структуры по противодействию различным технологиям «гибридных войн», как «террористические войны», «наркотические войны», «информационные войны», «кибервойны», «миграционные войны» и др. Так, в плане противодействия «террористическим войнам» создан КСОР, который сформирован из числа сил стран-участниц ОДКБ по борьбе с терроризмом. Реализуются различные специальные операции по противодействию «наркотическим войнам» («Канал»); «миграционным войнам» («Нелегал»), «информационным войнам» («Прокси») и т.д.

2. Совершенствуется и унифицируется нормативно-правовая база государств-участников ОДКБ по противодействию всем выявленным технологиям «гибридных войн».

3. Осуществляется координация совместных действий государств-членов ОДКБ на международном и региональном уровне. Последние события в Казахстане (2-10 января 2022 года), когда над страной нависла «террористическая угроза», впервые в истории были задействованы силы КСОР ОДКБ, свидетельствуют о налаженной четкой координационной деятельности государств-членов Организации.

Вместе с тем, пандемия коронавируса показала неподготовленность ОДКБ, как и других международных и региональных организаций, к противодействию «биологическим или бактериологическим войнам», представляющим, соответственно, биологические, или бактериологические угрозы. В свою очередь, коронавирус COVID-19 способствовал появлению таких технологий, как «коронавирусные войны», «вакцинные войны» и другие.

С учетом этого, на саммите ОДКБ 16 сентября 2021 года в г. Душанбе было подписано соглашение о создании Координационного совета уполномоченных органов по вопросам биологической безопасности. Согласно данному документу, консолидированы усилия

государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности по противодействию «биологическим войнам».

В последние десятилетия мировые и региональные державы уделяют особое внимание использованию достижений высоких технологий в военной и невоенной сфере, которые будут прогрессировать в обозримом будущем. Это будет сопровождаться жесткой конкуренцией между ними и, соответственно, негативно влиять на состояние безопасности в мире. Наряду с этим, на базе высоких технологий мировыми и региональными державами параллельно продолжается создание секретных разработок новейших обычных вооружений, а также запрещенных ядерных технологий в качестве возможного оружия возмездия и шантажа.

О том, что войны будущего будут вестись высокоточным оружием, еще в 2013 году говорил начальник Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации генерал армии В.Герасимов. Он, в частности, отметил следующее: «Фронтальные столкновения крупных группировок войск (сил) на стратегическом и оперативном уровне постепенно уходят в прошлое. Дистанционное бесконтактное воздействие на противника становится главным способом достижения целей боя и операции. Поражение его объектов осуществляется на всю глубину территории. Стираются различия между стратегическим, оперативным и тактическим уровнем, наступательными и оборонительными действиями. Применение высокоточного оружия приобретает массовый характер. В военное дело активно внедряются вооружения на новых физических принципах и роботизированные системы»[2, с.5].

Так, последние достижения высоких технологий способствовали появлению новых видов высокоточного оружия, таких как БПЛА – дроны, крылатые баллистические ракеты высокой точности, различная военная роботизированная техника и т. д.

В результате появились такие технологии «гибридных войн», как «технологические войны»; «дроновые войны»; «ракетные войны»; «спутниковые войны»; «интеллектуальные войны»; «умные войны»; «роботовые войны»/ «война роботов» и т. д.

В этой связи, ОДКБ необходимо проработать совершенствовать мероприятия по противодействию появляющимся новым техноло-

гиям «гибридных войн», основанных на достижение высоких технологий, реализующих на ее пространстве.

Литература

1. Бартош А.А. Гибридные угрозы Запада. URL: https://nvo.ng.ru/gpolit/2017-06-02/1_950_hybrid.html (дата обращения: 23.09.2021)
2. Герасимов В. Ценность науки в предвидении. «Основные тенденции развития форм и способов применения ВС, актуальные задачи военной науки по их совершенствованию» // ВПК. – 2013. – №8 (476). URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/14632/> (дата обращения: 10.12.2020)

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ "ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ+ЮЖНАЯ АЗИЯ" КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА В XXI ВЕКЕ

Майтдинова Г.М.

Доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, директор Центра геополитических исследований
Российско-Таджикского (Славянского) университета

В начале третьего десятилетия XXI века новые государства Центральной Азии более успешно интегрировались в широтном направлении на постсоветском пространстве. Восстановлен северный вектор политической, экономической, военной, культурной интеграции на пространстве СНГ. С другой стороны, богатые природные ресурсы новых государств оказались в ограниченном транспортном пространстве с минимальными выходами на мировые рынки и сравнительно слабо развитой сетью коммуникаций. Важность Центральной Азии в том, что она является хабом, где связаны потоки гуманитарных, природных, товарных ресурсов. Центральноазиатский регион –важный межцивилизационный узел, где взаимодействовали-(ют) во все исторические периоды исламская, православно-христианская, индо-буддийская, конфуцианская цивилизации, он также является контактной зоной оседлоземледельческой и кочевой цивилизаций. Цивилизационный диалог всегда давал импульс для развития. На современном этапе слаборазвитость южноазиатского вектора экономического сотрудничества центральноазиатских государств связано, прежде всего, с ограниченностью коммуникаций. Между тем, меридиональная (вертикальная) интеграция имеет огромный не реализованный потенциал для взаимодействия. С момента обретения суверенитета новые государства осознавали, что интеграционной основой для них может служить историческая общность различных народов, проживающих в регионе в течение многих веков, их культура, язык, религия, традиции, этнические связи. Кроме того, в историческом прошлом имеется опыт политической интеграции Южной и Центральной Азии в рамках кушанской и эфталитской империй и др. Великий Шелковый путь на центральноазиатском отрезке трассы особенно активно

функционировал в период существования больших интегрированных пространств: в кушанские, эфталитские периоды истории Центральной Азии, в рамках Тюркского каганата, в Саманидский период, в тимуридскую эпоху [5, с.4-8].

В современной Центральной Азии идет процесс восстановления геополитической целостности региона с опорой на исторически сложившиеся экономические и культурные связи. В интеграционных процессах в регионе главной мотивацией выступает заинтересованность в реализации национальных интересов, обеспечении региональной безопасности, взаимовыгодного сотрудничества с учетом интересов внешних партнеров. С другой стороны, существующие в регионе геополитические факторы усиливают неопределенность перспектив реализации интеграционных проектов: тревожная военно-политическая обстановка в Афганистане, нерешенные пограничные, социальные проблемы, кризис в условиях пандемии и др.

Для реализации своих национальных интересов новые государства заинтересованы в реформировании центральноазиатского пространства — в восстановлении геополитической целостности. В настоящее время в Центральной Азии рассматриваются проекты восстановления некогда «разорванного» региона. Модели интеграции, предлагаемые внешними игроками, национальные стратегии государств региона включают соразвитие новых акторов вместе с Афганистаном и другими соседними странами. Для новых акторов Центральной Азии, не имеющих доступа к южным морским коммуникациям, крайне важен транзитный потенциал Афганистана и стабильное развитие этой страны. Перед новыми государствами Центральной Азии открываются новые возможности более тесного взаимодействия при реализации коммуникационных проектов в южном векторе, открывающих для них афгано-пакистанский, афгано-иранский-южноазиатский, каспийско-иранско-южноазиатский коридоры, которые могут стать «коридорами экономического и гуманитарного развития». В конечном итоге восстановление геополитической целостности региона и модернизация стран Центральной Азии будет способствовать формированию нового важного полюса развития в полицентричном мире.

Глобальные изменения, происходящие в начале третьей декады XXI века, внесли коррективы в реализацию национальных стратегий развития и геополитические процессы в Центральной Азии. В 2016 году в Таджикистане была принята Национальная стратегия развития на период до 2030 года (НСР-2030) в соответствии с долгосрочными целями и приоритетами развития страны. В результате реализации национальной стратегии Таджикистан к 2030 году должен стать индустриально-аграрной страной [6]. В ноябре 2018 года в своем обращении к парламенту страны Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон констатировал, что за последние годы в результате строительства международных автомагистралей и присоединения Таджикистана к дорогам Китайской Народной Республики, Исламской Республики Афганистан, Кыргызской Республики, открытия железной дороги и 16 пограничных пунктов с Узбекистаном таджикское государство вышло из коммуникационного тупика и тем самым страна реализовала вторую геостратегическую цель. Президент Таджикистана в своем обращении объявил об ускоренной индустриализации страны, которую обозначил как четвертую национальную цель, при этом подчеркивая, что до 2030 года доля сферы промышленности в валовом внутреннем продукте должна увеличиться до 22 процентов [8]. В связи с поставленной целью Таджикистан в настоящее время нуждается во вторичной индустриализации, и ему необходимы высокие технологии, качественная рабочая сила, морские и сухопутные коммуникации, но главное — нужна долговременная стабильность для развития. Внешнеполитическая активность Таджикистана, связанная с задачей реализации четырех стратегических задач страны (коммуникационной, энергетической и продовольственной безопасности, вторичной индустриализации), требует укрепления регионального сотрудничества не только для реализации своих стратегических интересов, но и также для обеспечения безопасности в трансграничном Амударьинском регионе.

Воздействие пандемии коронавируса стало серьезным испытанием для устойчивого развития государств Центральной Азии в 2020-2021 годах, в том числе и для реализации государственных интересов Таджикистана. Распространение пандемии в Таджикистане привело к определенному ослаблению имеющихся связей

промышленного и сельскохозяйственного производств и поставок товаров, перерыву работ гражданских авиа- и железнодорожной коммуникаций, сферы туризма и т. д, а обострение военно-политической обстановки в Афганистане поставило под угрозу реализацию коммуникационных и энергетических проектов, связанных с транзитным потенциалом этой страны. Реализация предлагаемых таджикской стороной проектов (таких, как строительство железнодорожной ветки Туркменистан – Афганистан (Мазари-Шариф) – Таджикистан, газопровода по данному маршруту, ускорение строительства энергетического проекта ЛЭП CASA-1000 и Рогун – Мазари-Шариф – Герат – Мешхед, а также развитие электрической сети вдоль планируемого железнодорожного маршрута Рогун – Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар которые могли бы соединить электрические сети Кыргызстана, Таджикистана, Афганистана, Ирана и Пакистана) способствовала бы реализации геостратегических интересов Таджикистана, серьезно содействовали бы развитию Северного Афганистана, укреплению регионального взаимодействия и обеспечению безопасности.

В центре внимания внешней политики Таджикистана в афганском векторе постоянно присутствует вопрос развития транспортных коридоров. Таджикистан полностью поддерживает создание транзитного коридора КТАИ (Кыргызстан, Таджикистан, Афганистан и Иран) и содействует реализации данного проекта. 4 марта 2020 года Международный союз автомобильного транспорта (IRU) сообщил об открытии коридора Кыргызстан – Таджикистан – Афганистан – Иран и отправке пилотной колонны грузовых автомобилей из иранского порта Бендар-Аббас в Таджикистан через Афганистан. Грузы были доставлены в Таджикистан, что свидетельствовало об открытии еще одного вектора коммуникации, открывающего путь к рынкам Южной Азии.

Учитывая реализацию четвертой стратегической цели (стать индустриально-аграрной страной к 2030 году), Таджикистан заинтересован в реализации альтернативных коммуникаций в южном направлении. В рамках железнодорожной программы «Таджикистан – Афганистан – Туркменистан» был согласован проект строительства моста через реку Пяндж в Кундуз и железной дороги «Джалалиддин Руми – Нижний Пяндж», которая должна стать ча-

стью железной дороги между Таджикистаном, Афганистаном и Ираном и будет связана с международным транспортным коридором «Север – Юг» [12]. Вместе с тем, реализация проекта железной дороги Таджикистан – Афганистан – Туркменистан дает таджикскому государству не только выход к морскому порту в Туркменбаши, на Каспийском море, но и в дальнейшем возможность присоединения к планируемой трансафганской железной дороге Узбекистан – Мазари – Шариф – Кабул – Пешавар. Однако современная военно-политическая обстановка в Афганистане не содействует реализации вышеуказанных проектов, так же как и других проектов: газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ), проекта транспортировки электроэнергии Кыргызстан – Таджикистан – Пакистан – Индия (CASA-1000) – из-за отсутствия безопасности на территории Афганистана [11]. Между тем, стало известно, что в феврале 2021 года МИД Туркменистана организовал официальную встречу с делегацией "Талибана", которая от лица "Исламского эмирата Афганистан" выразила полную поддержку проекту как "нацеленному на обеспечение благополучия и процветания афганского народа". Вскоре после этого была утверждена официальная концепция обеспечения безопасности афганской части ТАРП [7].

Для Таджикистана важна инициатива строительства трансафганской железной дороги Мазари – Шариф – Кабул – Пешавар для укрепления сотрудничества с государствами Южной Азии, выхода к их быстрорастущим рынкам, а также к южным морским портам Карачи и Гвадар, диверсифицируя логистические потоки уже существующих маршрутов к иранским портам Чабахар и Бандар-Аббас, увеличивая товарный транзит, сокращая стоимость грузоперевозок (почти на 35%) и сроки транспортировки товаров почти до пяти дней (сейчас грузы идут около месяца). Как известно, в 2021 году планируется завершить разработку проектной документации строительства трансафганской железной дороги Термез – Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар протяженностью 573 км через Кабул. Сроки строительства железной дороги планируется ограничить пятью годами, а совокупные затраты должны составить около 5 млрд долл., которые предоставит в кредит консорциум международных финансовых организаций, основными из которых станут, вероятно, Все-

мирный банк и Международная финансовая корпорация развития (США). Эта одна из самых высокогорных (4000 м) железных дорог должна соединить наиболее протяженные в мире международные железнодорожные пути. Для Таджикистана важно, что в рамках данного проекта может быть реализована не только коммуникационная, но и энергетическая стратегия страны, так как вдоль новой трассы предусмотрен монтаж линии электропередачи CASA-1000 – нового международного энергетического проекта, который позволит экспортировать в летние месяцы излишки электроэнергии из Кыргызстана и Таджикистана в Афганистан и Пакистан, связывая энергетические системы Центральной и Южной Азии [10].

Строительство трансафганской железной дороги, при стабилизации афганского фактора, даст возможность восстановить афганскую экономику и заложить основу модернизационных процессов в Афганистане. В условиях изменения подходов к энергетическим источникам запасы редкоземельных металлов (празеодим, церий, лантан, неодим, гадолиний и др.) имеют стратегическое значение для развития афганского государства и для внешних акторов. По итогам исследований, проведенных Геологической службой США в 2014 году, афганская сторона объявила о том, что стоимость их запасов в недрах составляет примерно 3 трлн долларов. Проблема с освоением этих важнейших ресурсов, а также имеющихся в Афганистане крупных запасов нефти и газа опять же связано со слабо развитостью инфраструктуры [7]. Еще в 2007 году консорциум китайских компаний выиграл конкурс на разработку Айнакского месторождения с запасами порядка 11 млн тонн меди, открытого в 1970-х годах советскими специалистами. В обмен на право добычи медных руд Китай обещал инвестировать в основной проект \$3 млрд, построить необходимую для него инфраструктуру – электростанцию и железную дорогу. КНР планирует инвестировать \$400 млн в строительство угольной электростанции мощностью 300 МВт, что позволит существенно снизить зависимость Афганистана от импорта электроэнергии из соседних стран.

В 2012 году Индия подписала соглашение с Афганистаном об освоении месторождений железных руд. Индия также рассматривают возможность включения Афганистана в собственные логистические схемы в качестве базового порта для доставки товаров в

Афганистан и другие государства Центральной Азии по железной дороге планируется использовать иранский Чабохар. Ираном в 2020 году была построена железная дорога Хаф – Герат протяженностью 225 километров.

Очевидно, что сложная военно-политическая обстановка в Афганистане будет являться основным препятствием на пути региональной интеграции и реализации наиболее приоритетного совместного интереса государств Центральной и Южной Азии, связанного с обеспечением альтернативными и взаимодополняющими транспортными коммуникациями. При этом странам Центральной Азии в перспективе предоставляется возможность использования потенциалов пакистанского порта Гвадар и иранского Чабохар. Проект Термез – Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар предполагает использование потенциала пакистанского порта Гвадар, реконструкция и функционирование которого осуществляется при непосредственном участии КНР в рамках реализации инициативы «Пояса и пути». Модернизация порта Чабохар была осуществлена с участием Индии, и, видимо, приоритетная торговля будет осуществляться по маршруту Индия – Иран – Афганистан – Узбекистан – Таджикистан или Индия – Иран-Афганистан – Таджикистан с преимущественным использованием иранского порта Чабохар. В связи с подписанием соглашения о всестороннем сотрудничестве между Ираном и КНР, видимо, китайская сторона примет участие в реконструкции и эксплуатации порта Чабохар, что будет сказываться на интенсивности использования афганского транспортного коридора.

До создания благоприятных условий для реализации транзитного потенциала Афганистана, для Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, не имеющих выхода к морским путям, важно повышение уровня использования альтернативных коммуникаций через морские порты в Туркменбаши и Актау в Каспийском море для выхода к морским коммуникациям по маршрутам Актау (или Туркменбаши) – Баку – и далее или же через иранский город Бендер-Энзели на Каспийском море транзитом через Иран в порт Чабахар, дающий возможности интенсификации взаимодействия с государствами Южной Азии. Как известно, к межправительственному соглашению о международном транспортном коридоре "Север-Юг" из центральноазиатских государств присоединились Казахстан, Таджики-

стан, Кыргызстан [9], учитывая важность данного проекта для указанных стран, не имеющих выхода к южным морским коммуникациям. С другой стороны, эти порты важны для меридиональной интеграции государств Центральной и Южной Азии с целью доступа к южным морским коммуникациям для транзита и торговли между странами региона: через территорию Ирана в порт Чабахар (минуя конфликтный Афганистан), для выхода в Оманский и Персидский заливы. Подписание еще в октябре 2018 года в Тегеране Ираном, Индией и Афганистаном соглашения о транзите товаров через порт Чабахар заложило международно-правовую основу сотрудничества [2], к которому присоединяется (?) Таджикистан и другие государства Центральной Азии.

Между тем, современные геополитические реалии диктуют необходимость принятия Программы сотрудничества государств Южной и Центральной Азии в рамках ШОС по развитию транспортной инфраструктуры. Основу для активизации сотрудничества государств Южной и Центральной Азии создают общие интересы по устойчивому развитию, а также общая заинтересованность в со-развитии и модернизации. В этом контексте важно налаживание взаимодействия СААРК-ЕАЭС-ШОС для многосторонних консультаций и для укрепления регионального сотрудничества. В настоящее время, например, Таджикистан уже не мыслит свое экономическое развитие без связи с рынками Афганистана, Индии, Ирана и Пакистана. Афганистан, в свою очередь, нуждается в открытом взаимодействии со всеми соседями. Важнейшей задачей устойчивого развития уже в ближайшем будущем является подготовка к созданию зоны свободной торговли, включающей помимо государств ЕАЭС, также Таджикистан, Туркменистан, Афганистан, Иран, Пакистан, Индию. С присоединением к ШОС Индии и Пакистана открывается перспектива дополнения проекта «Пояса и пути» вертикальным транспортным коридором Индийский океан – Центральная Азия. Возможно, стоит проработать Программу сотрудничества государств Южной и Центральной Азии в рамках ШОС по развитию транспортной инфраструктуры.

Как мы отмечали, для реализации всех вышеуказанных проектов необходима центральноазиатская стабильность и, прежде всего урегулирование афганского фактора. Действия Таджикистана в аф-

ганском векторе направлены на реализацию *новой идеологии решения афганской проблемы: «Безопасность через развитие»*. Обеспечивать безопасность своих границ с Афганистаном Таджикистан намерен не только укрепляя пограничную безопасность с учётом гражданского противостояния в этой стране, а также значительного повышения уровня военных угроз, исходящих из этой страны, но и усиливая взаимодействие приграничных с Афганистаном государств. Очевидно, что решение афганского кризиса возможно только политическим путем, путем переговоров и создания переходного правительства, куда вошли бы представители всех политических сил, этносов и талибана в том числе. Между тем, в Афганистане ухудшается социально-экономическая обстановка, усиливается общая криминальная ситуация, здесь активизируется экстремистская ИГИЛ. На этом фоне все соседние с Афганистаном государства оказывают ему посильную гуманитарную помощь, но не признавая официально правительство талибан, пока они не выполнят условия, предъявленные международным сообществом, по созданию инклюзивного правительства с участием всех политических сил, религиозных и этнических групп, обеспечению гражданских прав и свобод. В Таджикистане есть понимание того, что сегодня национальные интересы, национальная безопасность и экономическое развитие стран Центральной Азии и Афганистана тесно взаимосвязаны, обеспечение стабильности безопасности каждого государства возможно только на основе регионального развития и безопасности [3].

В контексте афганского фактора сотрудничество Таджикистана с государствами региона может быть усилено для создания нового формата центральноазиатской системы безопасности с включением в неё Афганистана после стабилизации ситуации в этой стране, укрепления международной базы. В настоящее время крайне важно выработать региональное соглашение соседних с Афганистаном государств, которое бы возлагало на стороны соответствующие обязательства по содействию стабильности и развитию Афганистана. Пока Афганистан находится вне системы региональной безопасности сложно ожидать долговременной стабильности. В современной сложной военно-политической обстановке именно соседние с Афганистаном государства должны будут совместными

усилиями поддерживать региональную стабильность, учитывая, что угрозы, которые исходят из-за гражданской войны в этой стране, будут влиять на стабильность и устойчивое развитие приграничных государств. Устойчивое развитие Центральноазиатского региона во многом будет зависеть от дальнейшего миростроительства в Афганистане. Возможно, принесет позитивные плоды использование опыта миростроительства после гражданской войны в Таджикистане для решения политического кризиса в Афганистане. Кроме того, в данном контексте, в Южной и Центральной Азии нужен новый формат системы безопасности, который бы укрепил сотрудничество государств, расположенных по периметру границ Афганистана (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Иран, Китай, Пакистан, Индия) и государств, имеющих приоритетные интересы в афганском государстве (Россия, Казахстан, США), для координации и объединения усилий по принятию превентивных мер в отношении новых вызовов и угроз современности

В стабильности афганского государства заинтересованы прежде всего приграничные с Афганистаном государства. Для этого в Центральноазиатском регионе, наряду с существующими форматами взаимодействия, в последние годы формируются новые платформы для диалога по проблемам безопасности, где внимание особо акцентируется на афганской проблеме. В Центральной Азии возникли новые диалоговые платформы, такие как формат координации действий внешних акторов (C5+1); политический, экономический, гуманитарный формат для обсуждения региональных проблем, в том числе проблем устойчивого развития и стабильности (Астанинский формат), формат безопасности («четверки» - «Афганистан – Таджикистан – Китай – Пакистан» – четырехстороннего механизма координации и сотрудничества по борьбе с экстремизмом, терроризмом и оперативным обменом информацией, «Душанбинская четверка» – (Таджикистан, Россия, Афганистан, Пакистан) для реализации стратегических национальных интересов участвующих сторон в области экономики, энергетики, коммуникаций. Важным событием 2018 года является налаживание диалога Китая – России – Ирана – Пакистана по проблемам региональной безопасности и стабилизации Афганистана, исходя из понимания того, что стабильность Пакистана и Афганистана – путь к стабильности не

только Центральной Азии, но и всей Евразии. В условиях дестабилизирующей деятельности ИГИЛ, других экстремистских групп, частных военных кампаний в Афганистане, Пакистан стремится более тесно сотрудничать с приграничными государствами по стабилизации региональной ситуации [4, с.19]. Отражением возросшего интереса внешних акторов к Центральной Азии является формирование новых форматов взаимодействия, где непременно обсуждаются проблемы Афганистана. В частности, мы наблюдаем повышенный интерес к формату «5+1» со стороны многих заинтересованных внешних сил, например, «С5+1» с США, «5+1» с КНР, «5+1» с Индией, «5+1» с ЕС, «Япония + Центральная Азия», «Южная Корея + страны Центральной Азии», а в 2020 году формируется формат «С5+Россия».

Модели интеграции и коммуникационных стратегий центральноазиатских государств способствуют ускорению меридиональных интеграционных процессов двух регионов – Южной и Центральной Азии. Об этом свидетельствует подписание в начале февраля 2021 года "дорожной карты" по строительству железной дороги "Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар" Узбекистаном, Афганистаном и Пакистаном. А в декабре 2021 года в Ташкенте прошли трехсторонние (Узбекистан, Афганистан, Пакистан) и многосторонние (Россия, Казахстан, Узбекистан, Афганистан, Пакистан) переговоры с участием представителей министерств и ведомств этих стран по проектированию и строительству данной железнодорожной линии. Начало строительства нового трансафганского железнодорожного коридора будет связано с международным признанием нового правительства Афганистана и открытием международного финансирования, а также со стабилизацией геополитической ситуации в стране [1].

Все вышеуказанные форматы взаимодействия в Центральной Азии, «перекрещивающиеся» международно-правовые договоренности, политические консультации, возможно, дадут дополнительные гарантии безопасности и устойчивому развитию Центральноазиатского региона. Эти «соглашения перестраховки» должны явиться определенной мерой противодействия новым угрозам стабильности Центральной Азии, а также содействовать ускорению реализации проектов интеграции Центральной и Южной Азии.

Литература

1. В Ташкенте (с участием РФ и Талибана) вновь обсуждают стройку Трансафганской железной дороги.
URL:<https://centrasia.org/newsA.php?st=1639131780>
2. Индийская компания приступила к управлению портом Чабатар.
URL: <http://casp-geo.ru/indijskaya-kompaniya-pristupila-k-upravleniyu-portom-chabahar/>
3. Китай и страны Центральной Азии провели в Душанбе форум по Афганистану.
URL: // [http:// www.toptj.com/ News/
2021/11/20/kitay-i-strany-centralnoy-azii-proveli-v-dushanbe-
forum-po-afganistanu#:~:text=
20.11.202109%3A27,%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1](http://www.toptj.com/News/2021/11/20/kитай-i-strany-centralnoy-azii-proveli-v-dushanbe-forum-po-afganistanu#:~:text=20.11.2021%3D%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1)
4. Майтдинова Г. Геополитическая динамика Центральной Азии: новые подходы и стратегические ориентиры. – Бишкек, 2018. –С.19.
5. Майтдинова Г. Диалог цивилизаций в центральноазиатском ареале Великого Шелкового пути: исторический опыт интеграции и ориентиры XXI века. – Душанбе, 2015. –С.4-8.
6. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года.
URL:http://www.gki.tj/nsr2030_ru.pdf
7. Поляков О. Пекин на хвосте у НАТО: достанутся ли Китаю богатства недр Афганистана?
URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1626117600>
8. Послание Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли Республики Таджикистан.
26.12.2018.URL:<http://www.president.tj/ru/node/19089>
9. Россия, Индия и Иран хотят создать альтернативу Суэцкому каналу.
URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1541050320>
10. Севостьянов П. 600 километров сложной геополитики. ЖД ЦентАзия – южные моря – реализация химеры.
URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1623102780>
11. Усубалиев Э. Коридор Пакистан-Узбекистан пока не конкурент транзитам на Южном Кавказе.
URL: <https://l.facebook.com/l.php?url=https%3A%2F%2Fvzglyad.az%>

2Fmobile%2Fnews.php%3Fid%3D195829%26lang%3Dru%26fbclid%3DIwAR1Q_http

12. Юлдашев А. Душанбе и Кабул объявили о начале строительства железнодорожного моста через Пяндж. [URL:https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20200917/dushanbe-i-kabul-obyavili-o-nachale-stroitelstva-zheleznodorozhnogo-mosta-cherez-pyandzh?tg_r](https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20200917/dushanbe-i-kabul-obyavili-o-nachale-stroitelstva-zheleznodorozhnogo-mosta-cherez-pyandzh?tg_r)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ: ВЗАИ- МОСВЯЗЬ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Ульмасов Р.

Доктор экономических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского) университета

Безопасность от опасности отделяет, как правило, время, расстояние и концентрация [5]. Еще в 2012 году в докладе Национального совета по разведке Глобальные тенденции до 2030 года было указано: «Демографическая дуга нестабильности сократится. В «стареющих» странах уровень экономического роста может снизиться. Шестьдесят процентов населения мира будет жить в городах; повысится уровень миграции». В значительной степени, с ростом мирового населения, увеличится потребность в ресурсах.

Миграция – это объективный и широко распространённый признак современного мира. Международная миграция – это важный ресурс для положительного развития как стран, принимающих мигрантов, так и стран их исхода. Хорст Зеехофер – министр внутренних дел Германии: «Миграция является «матерью всех политических проблем». Миграционные процессы, затрагивающие многочисленные аспекты жизнедеятельности общества, имеют сложный, противоречивый характер. Очевидно, что связь миграции с безопасностью – двусторонняя, что проблема «миграция и безопасность» в аналитическом отношении распадается на две «подпроблемы»: безопасности общностей, обществ и государств, затрагиваемых миграционными потоками, и безопасности людей, образующих эти потоки, и каждая из них настолько обширна, что вполне достойна стать предметом отдельного исследования. При этом и с точки зрения безопасности мигрантов, и с точки зрения безопасности любой среды, которую они покидают и в которую внедряются, чрезвычайно большое значение имеют различные структурные характеристики миграции. Текущая глобальная оценка такова, что в мире в 2021 году насчитывалось около 281 млн международных мигрантов, что соответствует 3,6% населения земного шара. И более *миллиарда* внутренних мигрантов. Несмотря на связанные с

пандемией ограничения на передвижение, количество людей, вынужденных покинуть свои дома из-за войн, конфликтов и репрессий, в 2021 году выросло до рекордно высокого уровня.

По данным Управления ООН по делам беженцев (УВКБ), за период с января по ноябрь 2021 года покинуть свои дома были вынуждены более 84 миллионов человек. Этот показатель выше уровней 2020 и 2019 годов, которые в свое время тоже были рекордными.

В последние годы в отечественной и зарубежной литературе миграционные процессы, особенно нелегальная миграция, все чаще рассматриваются в контексте национальной безопасности и международной стабильности. Констатируется, что миграционные процессы могут быть сопряжены с комплексом угроз и вызовов. Обострению ситуации способствуют такие современные тенденции миграции, как глобализация миграционных потоков, рост вынужденной и нелегальной миграции. Соответственно, внимание исследователей акцентируется на различных аспектах миграционной безопасности. Связь миграции с безопасностью имеет двусторонний характер. С одной стороны, возможно рассматривать проблему сквозь призму безопасности обществ и государств, затрагиваемых миграционными потоками. С другой – в аспекте безопасности самих мигрантов. Во время пандемии мы впервые за 30 лет наблюдали, как работодатели искали трудовых мигрантов, началась конкуренция между ними за мигранта. Резко увеличилась заработная плата мигрантов. На российском рынке труда произошла эволюция [2; 3; 4]. Иммиграция высококвалифицированных специалистов, за которых развитые страны конкурируют между собой, так же замедлилась, в том числе из-за расширившихся возможностей для удалённой работы. Хотя признаки экономического, социального и политического кризиса проступают всё явственнее, указывать на приток мигрантов как на его причину абсолютно неоправданно. Миграция давно играет важнейшую роль в развитии и укреплении экономик, народов и обществ во всём мире.

По результатам исследования Яна Гольдина из Оксфордского университета, две трети ВВП США после Второй Мировой войны было произведено благодаря международной миграции. И наоборот, недостаток рабочей силы может тормозить развитие конкрет-

ных отраслей и регионов. Известно, что в России не хватает высококвалифицированных рабочих. Поэтому некоторые крупные промышленные предприятия, например Пермского края, специально занимаются рекрутингом рабочих с нужным набором умений в странах Центральной Азии.

В последнее время в СМИ понятия *миграция*, *терроризм* и *экстремизм* стали часто сопровождаться вместе. Миграция и терроризм – это две приметы современного мира, между которыми, однако, нельзя ставить знак равенства. Например, польские власти смотрят на мигрантов лишь как на гибридное оружие и как на гибридную атаку, а как на демографическое оружие. А оружие надо уничтожить и вытеснить» — так выглядит подход польских властей. Появляются страшные формулировки: «Миграция массового поражения» и «Оружие массовой миграции». Премьер-министр Венгрии сравнил мигрантов с биологическим оружием. В относительных цифрах число прибывающих в настоящее время в ЕС мигрантов – 0,2% от общего населения (или 2 человека на каждые 500 жителей) – не является критическим. Среди мигрантов Европы доля лиц, потенциально способных совершить теракт, оценивается в 0,3%. При условии принятия позитивных мер по интеграции ново-прибывшего населения расходы, которые сегодня несут правительства европейских стран, окупятся к 2025-2027 гг. В литературе, посвященной проблематике безопасности, подчеркивается непродуктивность ее усеченного понимания. Различные страны в попытке надавить на соседей прибегали к такой тактике. В своей книге «Weapons of Mass Migration» Келли Гринхилл [1] исследовала 56 попыток использования миграции для давления на различные страны с 1951 по 2006 год и выделяет две основные связанные между собой тактики. Первая использует неспособность атакуемого государства управлять кризисом, то есть его недостаточные возможности принять мигрантов. Вторая эксплуатирует конкуренцию политических интересов и групп внутри этого государства – в частности, споры по поводу непопулярных трат собственных ресурсов на мигрантов, страх перед чужими, религиозные различия. Призывы принять жесткие меры к мигрантам в России не только бесперспективны, но и ведут к дальнейшему обострению. Только за 10 месяцев 2021-го в столичном регионе выдано 528 тысяч патентов, по-

ступления в бюджет Москвы в виде НДФЛ составили 16,2 млрд рублей. Число выданных патентов с 2015 года превысило 3 млн, в бюджет перечислено свыше 107 млрд рублей налога. Приток мигрантов приводит к появлению новых работ на рынке. Это верно как для Западной Европы, так и для России. Многим кажется, что приток мигрантов вызывает безработицу, потому что объем доступных работ – фиксированный. На самом деле это далеко не всегда так – в действительности иммиграция может увеличивать масштабы экономики, приводя к созданию новых рабочих мест. Можно сказать, что наплыв мигрантов является индикатором экономического роста в России.

В связи с исследованием проблем миграции нами разработаны несколько предложений:

1. Считаем целесообразным создать музей эвакуации в городе Душанбе. Создать электронный каталог всех 80.тыс. эвакуированных в годы Великой Отечественной войны в Таджикистан. Перспективным проектом является обеспечение пространства диалога российских журналистов с представителями таджикских диаспор. Необходимо создать Президентский университет, который будет "готовить людей будущего". Нужно готовить специалистов "по очень важным, приоритетным и самым актуальным направлениям", а именно:

- по информационной безопасности и кибербезопасности;
- по искусственному интеллекту;
- нанотехнологиям;
- аэрокосмическим, энергетическим и биотехнологиям.

2. Объявить конкурс «50 идей для мигрантов Таджикистана». Участникам конкурса необходимо предложить креативные идеи по улучшению работы с мигрантами. Лучшим проектам оказать финансовую поддержку.

3. В России надо открыть корреспондентские пункты всех государственных телеканалов. Именно они должны рассказывать о жизни трудовых мигрантов, об их проблемах и достижениях. Необходимо сотрудничать региональными СМИ, выпускать совместные передачи, снимать ролики, показать вклад таджикских мигрантов в российскую экономику.

4. Таджики зарубежья должны стать важнейшим аспектом государственной политики Республики Таджикистан.

5. Нам надо объединить усилия миграциологов ЦА, и совместно с зарубежными и местными учеными провести совместные фундаментальные исследования для выяснения причин сложившейся ситуации и разработки механизмов защиты прав трудового мигранта.

6. Необходимо сформировать целый класс государственных менеджеров в области миграции, которые умеют работать гибко, понимают запросы мигранта. Одним из важнейших шагов должен стать запуск механизма постоянного совершенствования управленческих кадров, начиная от джамоатов до республиканского уровня. В этой связи на базе НИИ труда целесообразно создать центр подготовки руководящих кадров, который может стать хорошей площадкой не только для повышения квалификации, но и для обмена опытом, для выработки новых идей, для налаживания горизонтальных связей между представителями диаспор, регионами России.

7. Считаем целесообразным создать в каждом районе, городе, области специальные штабы - проектные офисы, которые станут местом для обращения мигрантов, обеспечат всеми необходимыми информационно-пропагандистскими материалами, консультациями, организуют курсы русского языка, будут внедрять лучшие механизмы адаптации на новом месте. Мигрант должен получать необходимую финансовую, юридическую, методическую поддержку, в том числе помощь в получении микрокредитов.

Мы не видим самого главного в миграции – это два простейших принципа, на которых должна строиться любая миграционная политика: экономические интересы – миграцию нужно повернуть так, чтобы она служила развитию общества, и гуманизм – это люди, и это нужно понимать.

Литература

1. Келли М. Гринхилл. Оружие массовой миграции: насильственное перемещение, принуждение и внешняя политика // Корнеллские исследования по вопросам безопасности. – 2016. – 28 янв.

2. Ульмасов Р., Курбанов Н. Трансформация на российском рынке труда // ВЕСТНИК ТГУПБП. – Худжанд, 2021. – №2 (87). – С.62-74.
3. Ульмасов Р. Новый взгляд на миграцию после пандемии. 10 мая 2021 года. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/rahmon-ulmasov/>
4. Ульмасов Р. Формирование инновационных подходов к управлению миграцией: новое понимание роли миграции и ее влияние на безопасность страны // Экономика Таджикистана [Институт экономики НАН РТ]. – 2021. – №1, янв. – С.196-202.
5. Угрозы государственной безопасности России – в исторической ретроспективе // Интернет журнал. Военно-политическая политика: интернет-журнал. – 2021. – 20 дек.

КОРРЕКТИРОВКА СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПОСЛЕ ВЫВОДА АМЕРИКАНСКИХ ВОЙСК ИЗ АФГАНИСТАНА

Мамадазимов А.

Кандидат политических наук, доцент кафедры внешней политики и дипломатии Таджикского национального университета

На наш взгляд, существуют, как минимум, десять международных программ и стратегий, реализуемых в современной Центральной Азии.

I. Перечень глобальных и региональных стратегий, программ и проектов, реализуемых в центральноазиатском регионе:

- 1.1. Японский формат «С5+1» (август, 2004) [7];
- 1.2. Американские проекты «Большая Центральная Азия» (2005), «Новый шелковый путь» (2009) и переход к формату «С5+1» (2015) [3];
- 1.3. Форум сотрудничества «Центральная Азия – Республика Корея» (2007) [11];
- 1.4. Стратегия ЕС к Центральной Азии (2007-2013) и Новая Стратегия ЕС к ЦА (нач. июль 2019) [6];
- 1.5. Альянс ираноязычных государств (ИРИ, ИРА и РТ) (Навруз, 2008), продвигаемый Ираном [13];
- 1.6. Тюркский Совет (Совет сотрудничества тюркоязычных государств) (октябрь 2009), ведущая страна – Турция [12];
- 1.7. Китайский мегапроект инициатива «Пояса и Пути» (сентябрь 2013) [5];
- 1.8. Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС) (с 1 января 2015 г.), продвигаемый Россией [10];
- 1.9. «Тесная кооперация стран Центральной Азии» (сентябрь 2017), инициатива Узбекистана [14];
- 1.10. Индийский «ход конем» в Центральной Азии (январь 2019) [15].

Анализ всех десяти программ, стратегий и форумов показывает, что только одна из них разработана внутри региона, в Ташкенте, которая нашла понимание и поддержку во всех столицах региона. Все остальные рассматривают наш регион как объект своих внеш-

неполитических ориентиров, а Ташкентская инициатива подходит к региону как самостоятельный субъект международных отношений. Поэтому аналитическим центрам и структурам региона необходимо координировать свои усилия по всемерному продвижению этой инициативы, чтобы сделать ее одним из ведущих трендов в регионе.

II. Многие эксперты предсказывали региону после вывода американских войск из Афганистана возвращение идей и наследия «Большой игры». А саммит ШОС в Душанбе (15-16 сентября 2021 г.) показал, что политические лидеры стран Центральной Азии не согласны с такой постановкой вопроса. Они доказали это своими новыми инициативами в решении афганского кризиса.

2.1. Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев, подчеркнув, что «сегодня в Афганистане сложилась новая реальность, и это уже свершившийся факт», предложил развивать диалог с новыми властями страны, при этом важно достичь широкого политического представительства всех слоев афганского общества в государственном управлении. Здесь необходимо отметить, что проведение международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность» до драматических событий в ИГА, выступило сигналом всему миру о приоритетности торговли и сотрудничества вместо бесконечных войн в этой стране [8];

2.2. Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев подчеркнул: «По оценкам ООН, Афганистан находится на пороге гуманитарной катастрофы. Уже в скором времени страна может столкнуться с острым продовольственным кризисом. Эта беда неминуемо перешагнет границы центральноазиатского региона и по своим последствиям приобретет глобальный масштаб, в первую очередь, из-за вынужденной миграции населения». Поэтому лидер Казахстана предложил, создать гуманитарный хаб ШОС для оказания помощи Афганистану [1];

2.3. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон призвал международное сообщество оказать экстренную помощь Афганистану в целом и Панджшеру, в частности. А от нового правительства требовал инклюзивности и уважения прав женщин, национальных и религиозных меньшинств [9];

2.4. Президент Кыргызстана Садыр Жапаров: «Страны ОДКБ и ШОС должны вести диалог с представителями новой власти в Афганистане о возможных вариантах сотрудничества по различным вопросам» [4];

2.5. Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов (в качестве почетного гостя заседания ШОС) подчеркнул «очевидную совместимость международных инициатив центральноазиатских стран, отраженных в итоговом документе Консультативной встречи глав государств Центральной Азии, состоявшейся 6 августа 2021 года в Туркменистане, со стратегическими целями Шанхайской Организации Сотрудничества» [2].

Анализ выступлений лидеров стран региона показывает, что, выдвигая новые идеи или инициативы, они, естественно, позиционируют себя как самостоятельные игроки в решении одной из самых сложных и актуальных мировых проблем- афганского кризиса.

Эти идеи и инициативы наших лидеров, несомненно, сужают поле действия для сверхдержав, не позволяя повторения «Большой игры». Поэтому и нам, аналитикам региона, необходимо наладить регулярные встречи и заседания для стимулирования трендов региональной кооперации и интеграции. Здесь мы солидарны с президентом Казахстана, который подчеркнул в заключение своего выступления на совместном заседании ШОС и ОДКБ в Душанбе: «Нам не нужны «Большие игры» в Евразии, а «Большой рывок» с целью построения мирного, безопасного и устойчивого будущего для всех» [1]. На наш взгляд, «Большой рывок» стран Центральной Азии актуализирует большую кооперацию региональных экспертов.

III. На наш взгляд, активная реализация инфраструктурно-логистических проектов началась в Центральной Азии с опозданием на целое столетие. Все суверенные республики региона за 30 лет независимости достигли значительных результатов в создании общенациональных систем различных видов инфраструктур: авто- и железных дорог, ЛЭП и оптико-волоконных линий, современных воздушных гаваней, интернет-провайдеров и т.д.

Пришла пора создания региональных инфраструктурно-логистических проектов. Поэтому наряду с железнодорожным проектом «Ташкент – Термез – Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар»

необходимо также разработать железнодорожный маршрут «Ташкент – Самарканд – Пенджикент – Душанбе – Лахш – Кашгар – Нарын – Алматы».

Все эти мероприятия приведут к возрождению знаменитого принципа Великого шелкового пути: «Кони на севере, корабли на юге», символизирующего баланс между сухопутной и морской частью мировой торговли.

Добрая воля и заинтересованность политических лидеров всех пяти республик в региональной кооперации ставит задачу акцентирования внимания на слабых сторонах и потенциальных угрозах регионального сотрудничества.

Литература

1. Выступление Касым-Жомарта Токаева на заседании Совета глав государств-членов ШОС. URL: <https://24.kz/ru/news/policy/item/435295-vystuplenie-kasym-zhomarta-tokaeva-na-zasedanii-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shos> (дата обращения: 21.01.2022).
2. Выступление Президента Туркменистана на саммите Шанхайской Организации Сотрудничества. URL: <https://turkmenportal.com/blog/39778/vystuplenie-prezidenta-turkmenistana-na-sammite-shanhaiskoi-organizacii-sotrudnichestva> (дата обращения: 21.01.2022).
3. Джон Керри впервые посетит Узбекистан. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2015/10/28/john-kerry> (дата обращения: 21.01.2022).
4. Жапаров заявил, что Киргизия выступает за налаживание диалога с новой властью Афганистана. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12432255> (дата обращения: 21.01.2022).
5. Киселев Д.В. Китайская инициатива «Пояс, путь»: форма взаимовыгодного сотрудничества или угроза. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-initsiativa-poyas-put-forma-vzaimovыgodnogo-sotrudnichestva-ili-ugroza> (дата обращения: 21.1.2022).
6. Колесникова ЛС. Новая стратегия Европейского Союза в Центральной Азии и её влияние на евроазиатскую интеграцию.

- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-strategiya-evropeyskogo-soyuza-v-tsentralnoy-azii-i-eyo-vliyanie-na-evroaziatskuyu-integratsiyu> (дата обращения: 21.01.2022).
7. Мамадазимов А. Эволюция японского формата «С5+1» в сторону глобализации. URL: <https://www.caa-network.org/archives/21828/evolyucziya-yaponskogo-formata-s-5-1-v-storonu-globalizaczii> (дата обращения: 15.10.2021)
 8. Мирзиёев выступил на саммите ШОС в Душанбе: основные тезисы. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20210917/mirziyoev-vystupil-na-sammite-shos-v-dushanbe-osnovnye-tezisy-20534990.html> (дата обращения: 21.01.2022).
 9. Рахмон призвал мир оказать экстренную помощь Афганистану и Панджшеру. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20210917/rakhmon-tajikistan-zayavlenie-afganistan-1042325574.html> (дата обращения: 21.01.2022).
 10. Россия, Белоруссия и Казахстан объединились в Евразийский Экономический Союз. URL: <https://tass.ru/ekonomika/1681539> (дата обращения: 21.01.2022)
 11. Секретариат Форума сотрудничества «Центральная Азия – Республика Корея». URL: <https://www.kf.or.kr/korcenRus/main.do> (дата обращения: 21.01.2022).
 12. Тюркский совет переименовали в Организацию тюркских государств. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12912505> (дата обращения: 21.01.2022).
 13. Холбек Ф. Персидский ромб. Возможен ли союз трех иранских государств – Ирана, Афганистана и Таджикистана? URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1118355360> (дата обращения: 21.01.2022).
 14. Центральная Азия: приоритет внешней политики Республики Узбекистан. URL: https://uza.uz/ru/posts/centralnaya-aziya-prioritet-vneshney-politiki-respubliki-uzbekistan_261875 (дата обращения: 21.01.2022).
 15. Mamadazimov Abdugani. India's "Knight" move" to Central Asia // Connecting Asia Understanding Foreign Relations, Organizations and Contemporary Issues. – New Delhi: Kunal Books, 2020. – P.19-32.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ИНФОРМАЦИОННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВ: ОСОБЕННОСТИ, ФОРМЫ, ВИДЫ, ПОТЕНЦИАЛ, НАПРАВЛЕНИЯ

Рахмонов А.С.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского) университета

Шарапов О.М.

Кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского) университета

Рахмонзода Д.А.

Преподаватель кафедры международного права
Российско-Таджикского (Славянского) университета

Проблеме информационной борьбы уделяют особое внимание политологи, историки, психологи, социологи, юристы, и специалисты по международным отношениям. В российской политической науке изучением этого вопроса занимались А.Г.Беспалова, Е.А.Корнилов, А.П.Короченский, Ю.В.Лучинский, А.И.Станько, В.Драчук, Ю.В.Курносков, П.Ю.Конотопов, Н.С.Леонов, В.А.Лисичкин, Л.А.Шелепин, И.Н.Панарин, Г.Г.Почепцов, С.П.Расторгуев, П.Судоплатов, Н.Н.Яковлев, П.Лайнбарджер, Г.Лассуэлл, А.М.Соколова, И.А.Михальченко, Н.П.Арапова, А.Б.Губарев, Д.Б.Фролов, Л.Р.Шишкин, С.Э.Некляев, В.В.Горбатова и др. [15]

Свою историю исследования данная проблема имеет на Западе, свидетельством чему являются работы таких известных ученых, как D.Alberts, E.H.Richard, I.A.Harley, G.H.Stein, H.Meі, R.A.Szafranski и др.

Работы перечисленных выше авторов – и российских, и западных – в основном посвящены анализу информационно-психологической борьбы как способу влияния на общественное мнение и изучению дальнейшего управления им с целью реализации политических или геополитических устремлений.

В Центральноазиатском регионе проблемы информационной войны в ракурсе и обеспечения национальной безопасности рассматривались в работах и отдельных статьях А.Н.Махмадова, М.У.Хидирзода, С.С.Ятимова, Ш.К.Рахимовой, А.Х.Ибодова, К.И.Сафиева, А.А.Талхаби, Х.К.Холова, П.А.Махмадова, А.С.Акшулаковой, М.Ч.Ким, Ш.Сулаймони, К.А.Иманкулова, А.С.Саидовой, Р.Ш.Нуриддинова, Дж.Л.Латифова, С.А.Раджабова, С.Джанонова, О.С. Обидоваи др. [15]

В РТСУ проблемами информационной политики и информационной безопасности, исследованием современных информационных угроз, проблемами киберугроз в едином комплексе проблем региональной и национальной безопасности занимались Г.М.Майтдинова, Н.Н.Салихов, А.С.Рахмонов, А.А.Рахимов, Х.С.Саидов, Р.У.Улмасов, Ш.Б.Муллоев, В.А.Абдухамитов, У.А.Мансуров, О.В.Кравченко и другие.

В условиях системного разлома международных отношений информационное противоборство, в частности кибернетические и сетевые войны, сравнимые с «традиционной» войной, приобретают особое значение. Кибер-и сетевые операции направлены либо на защиту своих информационных систем, либо на атаку противной стороны с тем, чтобы затруднить или сделать вообще невозможным принятие ею верных решений. Кибервойны не имеют четких национальных и географических границ. Объектом их воздействия оказываются как военные, так производственные (сфера экономики, хозяйственные объекты) и гражданские сети, равным образом политическое и государственное управление [3, с.6].

Международная информационная безопасность сегодня определяется как “состояние международных отношений, исключающее нарушение мировой стабильности и создание угрозы безопасности государств и мирового сообщества в информационном пространстве”. В мире «информационной войны» человечество остаётся заложником кибернетического пространства, которое ни предсказать, ни контролировать практически невозможно [3, с.6].

Информационная безопасность (англ. «Informationsecurity») — защищенность информации и соответствующей инфраструктуры от случайных или преднамеренных воздействий, сопровождающихся нанесением ущерба владельцам или пользователям информации.

Информационная безопасность — обеспечение конфиденциальности, целостности и доступности информации. Цель защиты информации — минимизация потерь, вызванных нарушением целостности или конфиденциальности данных, а также их недоступности для потребителей.

Основными типами угроз информационной безопасности являются: 1. Угрозы конфиденциальности — несанкционированный доступ к данным (например, получение посторонними лицами сведений о состоянии счетов клиентов банка). 2. Угрозы целостности — несанкционированная модификация, дополнение или уничтожение данных (например, внесение изменений в бухгалтерские проводки с целью хищения денежных средств). 3. Угрозы доступности — ограничение или блокирование доступа к данным (например, невозможность подключиться к серверу с базой данных в результате DDoS-атаки) [2].

В условиях формирования нового мирового порядка в начале третьего десятилетия XXI века усиливается проблема обеспечения кибербезопасности государств Центральной Азии. В международной обстановке, когда Уставом ООН запрещено ведение традиционных войн, центры силы будут все более использовать для достижения своих геополитических целей в Центральной Азии инструменты «кибервойн». Реализация геополитических интересов внешних акторов в Центральной Азии непременно будет сопровождаться информационной поддержкой. Стратегическая конкуренция внешних акторов в Центральноазиатском регионе все больше будет отражаться именно в киберпространстве. В Центральноазиатском регионе имеется целый комплекс угроз и вызовов не только национальной безопасности Таджикистана, но и стабильности евразийского пространства. Вызовы национальной безопасности государств Центральной Азии влияют не только на развитие региональной геополитической обстановки, но и на перспективы реализации национальных стратегий развития новых центральноазиатских государств в 21 веке [13].

Войну в кибернетическом (виртуальном) пространстве относят к специфической, высшей форме информационной войны, где она принимает различные формы. Кибер – и сетевые войны появились сравнительно недавно, их относят к войнам нового типа, так как

традиционная цель войны – использование в своих интересах потенциала и ресурсов побежденных, достигается таким образом, что предполагаемый противник побеждается без открытого боя, не физически, а психологически или ментально [3, с.5].

На современном этапе важным направлением деятельности является формирование в Центральной Азии международного режима противодействия киберугрозам.

Сетевая война. Цель сетевых войн – психологическое подавление социумов и армий противника. На бесконечном интернет-пространстве проводятся спецоперации, способные дезорганизовать и/или дестабилизировать энергетическую или транспортную систему крупного города, страны, группы государств. Так, серверы спецслужб, Пентагона, крупнейших корпорации мира и т.д. довольно часто подвергаются хакерским атакам. Секретная информация, обнародованная ресурсом WikiLeaks, открыла доступ к данным конкурентов (или противников). Наибольшее число взломов касается банковских счетов, финансовых и деловых центров. В результате значительно слабеют их позиции, особенно при взламывании сетей с целью экономического шпионажа [3, с.3].

Вместе с тем, прослеживаются небезынтересные закономерности сетевой войны или противоборства:

- ❖ начинаются они не в момент напряженного противостояния сторон, а намного раньше, в периоды стабильности и мира или в предкризисные годы;
- ❖ по длительности сетевые операции занимают больше времени, но в итоге достигается поставленная цель: абсолютный контроль над всеми участниками международного процесса в данный исторический период и в данном пункте;
- ❖ чем страна более развита, тем более она уязвима для сетевых операций;
- ❖ информационные системы развитых стран менее защищены от хакерских атак;
- ❖ эффект разрушения информационных систем сравним с военными разрушениями [3, с.4].

Информационная война, Информационная угроза. Информационная война (англ. Informationwar) — англоязычный термин, описывающий противоборство сторон посредством распространения

специально подготовленной информации и противодействия аналогичному внешнему воздействию на себя.

Согласно работе Георгия Почепцова (2000), различия между обычной войной и информационной войной могут быть скомпонованы в семь блоков:

- информационная война имеет гибкий арсенал вооружений и высокую непредсказуемость;
- в информационной войне возможен лишь поэтапный захват территорий;
- в информационной войне есть возможность многократного захвата одних и тех же людей (или отдельных тематических аспектов в их сознании), работает нечеткая логика;
- в информационной войне воюющие стороны невозможно выделить по признаку принадлежности к какой-либо группе или выполнения определенной социальной роли;
- в информационной войне воздействие на противника неосязаемо и может облекаться в доброжелательную форму;
- в информационной войне воздействия избирательны и охватывают различные слои населения по-разному;
- в информационной войне основной опасностью является отсутствие видимых разрушений. В результате защитные механизмы общества не активируются [24].

По мнению доктора политических наук И.Н.Панарина, сегодня можно утверждать: чем большими возможностями в информационной сфере обладает государство, тем вероятнее (при прочих равных условиях) оно может добиться геополитических стратегических преимуществ [1].

Впервые термин «информационная война» был введен в 1985 году в Китае в конце 80 -х годов XX века. Тогда, китайские мыслители понимали под информационной войной действия (политические, экономические, культурные, технологические и т.д.) по захвату информационного пространства.

Ученый В.С.Пирумов определил информационную войну как «новую форму борьбы двух и более сторон, которая состоит в целенаправленном использовании специальных средств и методов влияния на информационные ресурсы противника, а также защиты

собственного информационного ресурса для достижения назначенных целей» [11].

«Информационная война – это распространение по информационным каналам противника в мировом информационном пространстве дезинформации, тенденциозной информации или специально подготовленной и обработанной информации для воздействия на оценки, намерения и ориентацию населения и лиц, принимающих решения, с целью формирования общественного мнения, выгодного для воздействующей стороны» – такое определение дают А.В.Галактионов и И.Н.Панарина [1].

Информационная война – комплекс мероприятий информационного воздействия и информационной защиты, проводимых по единому замыслу в целях захвата и удержания информационного превосходства над противником при подготовке и в ходе военных действий [12].

Г.Почепцов подчеркивает ряд принципиальных особенностей информационного воздействия:

- * информационно-психологические войны ведутся, как правило, на чужой территории.

- * информационно-психологическая война ведется так, что не оставляет следов.

- * информационно-психологическая война очень выгодна и экономна для ее создателей [6].

Термин «информационно-психологическая война» вошел в употребление из словаря военных кругов США. Дословный перевод этого термина («information and psychological war fire») – «информационное противоборство». Информационная война – это особый вид отношений между государствами, при котором для разрешения межгосударственных противоречий используются методы, средства и технологии силового воздействия на информационную сферу этих государств. Психологическая война, или информационно-психологическая война (Psychological warfare), связана с воздействием на психику индивида. Предполагает информационно-психологическое воздействие на население, руководящий состав войск, политических лидеров противоборствующей стороны, операции по модификации культуры.

Основная цель информационно-психологического противоборства – нарушение функционирования системы управления государственных институтов и лиц, принимающих стратегические решения. У этой войны избирательное воздействие, не подвергающее разрушению экономическую инфраструктуру противника. Ее стратегическая задача связана с нарушением, повреждением или модификацией информационных ресурсов общества, представлений людей о самих себе и окружающем их мире.

В информационно-психологическом противоборстве используются дипломатические, психологические и пропагандистские техники и методы воздействия на общественное мнение, подрывные действия в области культуры и политики, дезинформация и внедрение агентов в локальные масс-медиа, содействие диссидентским и повстанческим движениям, их информационная поддержка вплоть до предоставления разведданных. Проектирование стратегии и тактики такого противоборства предусматривает использование техник и методов, применявшихся в прошлом и воспринимавшихся самостоятельно, изолированно – диверсий, партизанских движений, терроризма, гуманитарных операций, пропаганды и т.д. Участниками информационно-психологического противоборства могут быть государства, их коалиции и религиозные, экстремистские, террористические организации. Этот вид противоборства стал возможен благодаря развитию микрокомпьютеров и переходу на сетевые технологии, а также трансформации социальной среды, демократии, её ценностей, геополитическим изменениям в мире [25, с.1].

Основные черты информационной войны. В информационной войне не задействуются психоактивные вещества, прямой шантаж и запугивание (это характерно для терроризма), подкуп, физическое воздействие и т.п. Хотя указанные воздействия могут применяться параллельно с информационной войной, они не являются обязательным элементом.

Объектом является как массовое сознание, так и индивидуальное. Индивидуального воздействия «удостаиваются» лица, от решения которых зависит принятие решений по интересующим противоборствующую сторону вопросам (президент, премьер-министр, глава МИД, диппредставители, главы воинских формирований и

т.п.). Можно сказать, что методы информационной войны воздействуют на массовое сознание аналогично тому, как методы психотерапии воздействуют на сознание индивидуальное [25, с.2].

Термин «информационная война» появился сравнительно недавно – приблизительно в 70-х годах двадцатого века в работе Томаса Рона «Системы оружия и информационная война». С тех пор смысловое содержание этого понятия непрерывно меняется, эволюционирует, приобретает новое звучание и новые смыслы. На сегодняшний момент в научной литературе наиболее часто используются такие определения информационной войны (далее – ИВ), как:

1. ИВ – это «межгосударственное военное противоборство, осуществляемое преимущественно или исключительно путем программно-технического, радиоэлектронного и физического поражения военной и гражданской информационной инфраструктуры государства-противника, дезорганизации его систем государственного и военного управления, дезориентации военно-политического руководства, оказания управляющего информационно-психологического воздействия на личный состав армии и гражданское население как государства-противника, так и его союзников и соседних государств при одновременной защите собственных аналогичных объектов» [9, с.246].

2. ИВ – это «коммуникативная технология по воздействию на информацию и информационные системы противника с целью достижения информационного превосходства в интересах национальной стратегии при одновременной защите собственной информации и собственных информационных систем» [22, с.8].

3. ИВ – это новый способ осуществления вооруженных конфликтов, в которых столкновение сторон происходит в форме психологических операций с применением информационного оружия. Все три подхода к определению информационной войны, на наш взгляд, лишены универсальности и недостаточно точно отражают суть и природу столь сложного социально-политического явления. Так, информационные войны ведутся как в военное, так и мирное время; следовательно, они не могут быть частью «межгосударственного военного противоборства», как того требует первый подход. Целью информационной войны не может являться «достиже-

ние информационного превосходства в интересах национальной стратегии», как того требует второй подход, так как в этом случае теряется смысл включения в определение ИВ понятия «война». Главная цель любой войны – не достижение абстрактного «превосходства», а вполне конкретное нанесение противнику военного поражения. Если же цель ИВ – «превосходство», то тогда следовало бы переименовать информационную войну в информационную политику. Что касается третьего подхода, то с его авторами и сторонниками, в принципе, можно было бы согласиться (прежде всего, в том что ИВ – это вооруженный конфликт, ведущийся странами-участниками в форме психологических операций с применением информационного оружия), если бы в научной среде существовали устойчивые и общепринятые определения как психологических операций, так и такого объекта, как информационное оружие.

С нашей точки зрения, современная информационная война – это межгосударственный конфликт, возникающий на этапе осознания и обострения политических противоречий между будущими антагонистами (в роли которых могут выступать государства и политические элиты), формирующий будущую структуру конфликтных отношений и создающий условия для применения одним из антагонистов прямой вооруженной силы. Информационная война – это стадия, охватывающая предварительную и подготовительную фазы развития вооруженного конфликта; после перехода конфликтных отношений в фазу прямого (лобового) столкновения информационная война теряет свое самостоятельное значение и становится сервисной функцией войны традиционной. Структурно информационная война может подразделяться на следующие составные части [21]: психологические операции (операции прямого действия); дезинформация; радиоэлектронная война; защита собственной информации; физическое разрушение элементов информационных систем противника; информационная атака (или информационный «вброс», такой, как был в скандале с «панамскими офшорами»). Следует отметить, что помимо понятия «информационная война» в научной среде, в военной сфере и в политике используют также ряд смежных терминов и определений: «информационные операции», «кибервойна», «информационное противоборство», «информационно-психологическая война». Такое разнообра-

зие получилось в результате специфической трактовки исходного американского термина «Information war fare», который, в зависимости от качества перевода, может звучать и как «информационная война», и как «информационное противоборство». На этом основании многие ученые и специалисты, такие, например, как А.В.Манойло [9, 246], ставят знак равенства между информационной войной и информационным противоборством. Вместе с тем, существует и другая точка зрения, согласно которой информационная война, психологическая война, кибервойна и информационное противоборство – не тождественные понятия (такой точки зрения придерживаются, в частности, В.И.Слипченко, И.Н.Панарин [18, 153] и ряд других ученых). В целом, можно констатировать отсутствие единства в понимании природы, сущности и содержания информационной войны, а также склонность различных авторов к частому использованию множества синонимически близких терминов и определений (на что весьма верно указал А.В.Манойло), которые следовало бы свести к двум-трем основным категориям: информационной войны, информационной борьбы и стратегической коммуникации. По нашему мнению, стратегическая коммуникация может служить рамочных (общим) понятием и для ИВ, и для различных форм информационной борьбы, не ограничиваясь, впрочем, только ими одними. Обобщая существующие определения информационной войны, можно выделить ряд специфических черт, которые данной войне присущи: объектом ИВ является массовое и индивидуальное сознание; в ходе ИВ происходит навязывание «своих» целей; в качестве средств доведения управляющего воздействия до массовых аудиторий используются СМИ, Интернет и другие каналы передачи информации; в операциях ИВ широко используется фальсифицированная информация; в операциях ИВ не задействуются методы, используемые в других формах борьбы, такие как физический вред, запугивание, психотропные вещества и т.д. Технологии информационных войн «активно и весьма охотно применяют не только страны Запада (прежде всего, США, где термин «информационная война» официально закреплён в боевом уставе Армии США «Психологические операции»), но и международными террористическими организациями и группировками, такими как запрещенные в РФ «Исламское государство», «Аль-Кайда»; «ИГ по

всему миру ищет, вербует или просто нанимает на работу высококлассных специалистов в области кибервойны и информационного противоборства, которые в информационно-идеологическом поле вполне успешно конкурируют с силами специальных операций стран Запада». На практике организация и проведение ИВ обычно предполагает наличие некоторых этапов: формулировка целей; разработка стратегии; разработка плана тактических мероприятий. При этом ряд ученых считают, что все операции информационной войны, ведущейся на данном этапе российско-американских отношений, укладываются в одну общую организационно-технологическую схему [7].

Угроза информационной безопасности — совокупность условий и факторов, создающих опасность нарушения информационной безопасности. Под угрозой (в общем) понимается потенциально возможное событие, действие (воздействие), процесс или явление, которые могут привести к нанесению ущерба чьим-либо интересам [20].

К основным угрозам информационной безопасности относят:

- раскрытие конфиденциальной информации; компрометация информации; несанкционированное использование информационных ресурсов; ошибочное использование ресурсов; несанкционированный обмен информацией; отказ от информации; отказ от обслуживания.

Реализация этих угроз является следствием одного из следующих действий и событий: разглашения конфиденциальной информации, утечки конфиденциальной информации и несанкционированного доступа к защищаемой информации.

Способы воздействия угроз на информационные объекты подразделяются на:

- информационные; программно-математические; физические; радиоэлектронные; организационно-правовые.

К информационным способам относятся:

- нарушение адресности и своевременности информационного обмена, противозаконный сбор и использование информации; несанкционированный доступ к информационным ресурсам; манипулирование информацией (дезинформация, сокрытие или сжатие информации); нарушение технологии обработки информации.

Программно-математические способы включают:

- внедрение компьютерных вирусов; установка программных и аппаратных закладных устройств; уничтожение или модификацию данных в АИС.

Физические способы включают:

- уничтожение или разрушение средств обработки информации и связи; уничтожение, разрушение или хищение машинных или других носителей информации; хищение программных или аппаратных ключей и средств криптографической защиты информации; воздействие на персонал; перехват, дешифровка и навязывание ложной информации в сетях передачи данных и линиях связи; воздействие на парольно-ключевые системы; радиоэлектронное подавление линий связи и систем управления.

Радиоэлектронными способами являются:

- перехват информации в технических каналах ее возможной утечки; внедрение электронных устройств перехвата информации в технические средства и помещения; перехват, дешифровка и навязывание ложной информации в сетях передачи данных и линиях связи; воздействие на парольно-ключевые системы; радиоэлектронное подавление линий связи и систем управления.

Организационно-правовые способы включают:

- невыполнение требований законодательства о задержке в принятии необходимых нормативно-правовых положений в информационной сфере; неправомерное ограничение доступа к документам, содержащим важную для граждан и организаций информацию.

Суть подобных угроз сводится, как правило, к нанесению того или иного ущерба предприятию.

Проявления возможного ущерба могут быть самыми различными:

- моральный и материальный ущерб деловой репутации организации;
- моральный, физический или материальный ущерб, связанный с разглашением персональных данных отдельных лиц;
- материальный (финансовый) ущерб от разглашения защищаемой (конфиденциальной) информации;
- материальный (финансовый) ущерб от необходимости восстановления нарушенных защищаемых информационных ресурсов;
- материальный ущерб (потери) от невозможности выполнения взятых на себя обязательств перед

третьей стороной; моральный и материальный ущерб от дезорганизации в работе всего предприятия.

Рассмотренный выше широкий спектр угроз и последствий их воздействия показывает сложность решения задачи обеспечения информационной безопасности, обуславливает необходимость научного подхода к построению системы информационной безопасности АИС экономического объекта.

Понятие психологическая война, информационно-психологическая война. Начнем с понятия психологическая война(психологические операции) – это психологическое воздействие на войска(силы) противника и население с целью их деморализации и склонения к прекращению сопротивления. Может проводиться в ходе подготовки к проведению военных операций и/или в их ходе. В СССР в том же значении использовался термин спецпропаганда.

Психологические операции как война нервов, когда вместо обращения к мышлению, адепты психологической войны обращаются ко всему бессознательному и инстинктивному, что есть в психике человека, проводятся не только в военное, но и в мирное время.

Для проведения психологической операции требуются определенные условия, например: контроль над информационными потоками – как формальными (СМИ, образовательные структуры, социальные сети и т.д., так и неформальными, распространяемыми посредством слухов, мнений и т.д. Важную роль здесь играет использование лидеров мнений, оказывающих определяющее влияние на формирование мнения в пределах своей группы. Моделью здесь служит концепция многоступенчатого потока информации [14].

Психологическая война — это специально организованное и профессионально осуществляемое воздействие на сознание, чувства и волю противника для достижения политических целей [16].

Весьма точно сущность профессионально организованной психологической войны выражена в наставлениях древнекитайского философа и военного деятеля Сунь Цзы (VI век до н.э.). Они сводятся к следующему:

- Разлагайте все хорошее, что имеется в стране вашего противника.
- Вовлекайте видных деятелей противника в преступные предприятия.

➤ Подрывайте престиж руководства противника и выставляйте его в нужный момент на позор общественности.

➤ Используйте в этих целях сотрудничество с самыми подлыми и гнусными людьми.

➤ Разжигайте ссоры и столкновения среди граждан враждебной вам страны.

➤ Подстрекайте молодежь против стариков.

➤ Мешайте всеми средствами работе правительства.

➤ Препятствуйте всеми способами нормальному снабжению вражеских войск и поддержанию в них порядка.

➤ Сковывайте волю воинов противника песнями и музыкой.

➤ Делайте все возможное, чтобы обесценить традиции ваших врагов и подорвать их веру в своих богов.

➤ Посылайте женщин легкого поведения с тем, чтобы дополнить дело разложения.

➤ Будьте щедры на предложения и подарки для покупки информации и сообщников. Вообще не экономьте ни на деньгах, ни на обещаниях, так как они приносят прекрасные результаты [16].

По мнению отечественных и зарубежных специалистов психологическое воздействие подразделяется на следующие виды:

➤ информационно-психологическое.

➤ Психогенное.

➤ Психоаналитическое.

➤ Нейро-лингвистическое.

➤ Психотронное.

➤ Психотропное [16].

Психологическая война в широком смысле — это целенаправленное и планомерное использование политическими оппонентами психологических и др. средств (пропагандистских, дипломатических, военных, экономических, политических и т. д.) для прямого или косвенного воздействия на мнения, настроения, чувства и, в итоге, на поведение противника с целью заставить его действовать в угодных им направлениях [10, с.1].

На практике, термин «психологическая война» чаще употребляется в более узком смысле. Так, во времена «холодной войны» он трактовался как совокупность идеологических акций западных стран против стран социализма, как подрывная антикоммунистиче-

ская и антисоветская пропаганда, как метод идеологической борьбы. Аналогичным образом понятие «психологическая война» использовалось в рамках конфронтационного мышления на Западе как совокупность приемов, применяемых «восточным блоком» для подрыва психологического единства сторонников западной демократии.

Психологическая война как реальный политико-психологический процесс направлена на подрыв массовой социальной базы политических оппонентов, на разрушение уверенности в правоте и осуществимости идей противника, на ослабление психологической устойчивости, морального духа, политической, социальной и всех иных видов активности масс, находящихся под влиянием оппонентов. Конечной целью психологической войны является поворот массового сознания и массовых настроений от удовлетворенности и готовности поддерживать оппонентов к недовольству и деструктивным действиям в их отношении. Достижение такой цели может выражаться в разных формах: от подготовки и провоцирования массовых выступлений для свержения политического режима до возбуждения интереса к социально-политическим и идеологическим конструкциям альтернативного характера [10, с.2].

Информационно-психологическая война (иногда ее называют просто психологической или отождествляют с информационной войной) является междисциплинарным объектом исследования. Она изучается в разных аспектах: психологическом; историко-политическом; политологическом; социологическом; философском; правовом и некоторых других [17].

Выделяют три «уровня» (аспекта) ведения информационно-психологического противоборства: стратегический, оперативный и тактический. «В основном, на стратегическом уровне информационного геополитического противоборства должны действовать высшие органы государственной власти России, а спецслужбы и крупный национальный капитал — на оперативном и тактическом уровнях» [Панарин, 2012]. На каждом из названных уровней используются определенные реализующиеся в речи стратегии и тактики. Их систематизация и описание также входят в проблемное поле ЛИПВ с предварительным уточнением самих понятий рече-

вых стратегий и тактик применительно к информационно-психологической войне [17].

Под информационно-психологической войной понимается комплекс мер, призванный подорвать у приверженцев противоположной стороны волю к сопротивлению. Когда ты имеешь дело с «бойцом информационно-психологической войны», ты должен помнить: его цель (даже когда он напрямую не врет) – не донести до тебя истину, не «раскрыть тебе глаза» (хотя он всегда будет утверждать, что его цели именно таковы), а сломать тебя морально или изменить твоё мировоззрение в нужном для него направлении. При этом без разницы, говорит ли он тебе правду или врёт; даже когда он опирается на действительные факты, весь контекст подчинен его главной цели.

О чем бы ни шла речь (обычно – о политических, этико-мировоззренческих и исторических вопросах), «боец информационно-психологической войны» стремится внушить вам, следующее:

1. Всё во что ты веришь, – бред и чепуха.
2. Всё, что по твоему мнению хорошо, на самом деле плохо, а всё, что по твоему мнению плохо, на самом деле хорошо.
3. Всё, что ты считаешь истиной, – ложь, а всё, что ты считаешь ложью, – истина.
4. Вся позитивная информация о тебе, твоей стране, твоём народе, твоей партии, твоём мировоззрении – враньё и пропаганда, вся негативная – истинная правда.
5. Все, кого ты считаешь героями, – негодяи и подонки, все, кого ты считаешь негодяями, – герои.
6. Тебе, твоей стране, твоему народу, твоей партии, твоему мировоззрению нечем гордиться, вся ваша история – сплошная цепь преступлений, провалов и позора.
7. Всё плохое, что ты знаешь о враждебной тебе стороне, – враньё и пропаганда, на самом деле мы белые и пушистые, и у нас всё хорошо (ну, есть отдельные недостатки, но они изживаются), в отличие от вас, у которых всё плохо, а будет ещё хуже.
8. У вас нет перспектив [19].

ИПВ в настоящее время рассматривается лидерами ведущих стран мира в качестве эффективного и универсального средства достижения внешнеполитических целей. Отсутствие норм междуна-

родного и национального права, дающих юридическую квалификацию особо опасных агрессивных акций (мероприятий, операций) информационно-психологического воздействия и препятствующих развязыванию такой агрессии в отношении других государств, позволяет использовать арсенал сил и средств ИПВ как в военное, так и в мирное время.

Выделяются такие особенности ИПВ:

- внезапность;
- скрытность;
- идеальные условия для маскировки и сокрытия истинных намерений, создаваемые методами психологического и информационно-технического воздействия;
- возможность действовать под чужим флагом и лозунгами;
- отсутствие материальных следов агрессии, позволяющих остановить истинного агрессора и привлечь его к международной ответственности;
- отсутствие необходимости физического вторжения на территорию противника и оккупации этой территории для достижения своих целей;
- бездействие основного вооруженного потенциала государства, ставшего жертвой агрессии [5].

Гибридная война. Сущностью гибридной войны является совокупность действий, направленных на разрушение всех основных геополитических пространств общества-соперника, то есть на его абсолютное сокрушение, причем агрессия во всех основных типах геополитических пространств осуществляется одновременно [8, с.3].

Основными геополитическими пространствами полагают следующие: географическое, экономическое, информационно-идеологическое и информационно-кибернетическое. В каждом типе геополитического пространства способы ведения гибридной войны различаются в соответствии с природой данного типа пространства.

Основные способы ведения гибридной войны в географическом пространстве: 1) локальные «традиционные» войны в ресурсных регионах страны-объекта агрессии, вовлечение данной страны в серию «конфликтов малой интенсивности» по периметру ее границ; 2) «цветные революции», то есть государственные перевороты в

стране-объекте агрессии и в государствах, являющихся ее геополитическими союзниками; 3) поощрение сепаратизма в стране-объекте агрессии [8, с.4].

Основные способы ведения гибридной войны в экономическом пространстве: 1) санкции против отдельных отраслей экономики страны-объекта агрессии, в том числе закрытие для нее международных рынков (или отдельных их сегментов) и блокирование доступа к определенным технологиям; 2) санкции против всех отраслей экономики страны-объекта агрессии в совокупности (экономическая блокада); 3) санкции против ключевых персоналий, определяющих содержание и ход экономических процессов в стране-объекте агрессии [8, с.6].

В свое время Н.А.Бердяев отмечал: «Война... есть явление гипнотической власти коллектива над личностью». Психологическая война инициируется с целью воздействия на массовое сознание. В психологической войне используется расширенный арсенал манипулятивных методик, направленных на формирование общественного мнения в нужном манипуляторам ключе. Для этого используются различные способы пропаганды и идеологической обработки граждан. Цель психологической войны — достижение устойчивого результата в формировании общественного мнения, закладывание установок и паттернов поведения в подсознание масс; впоследствии, при воздействии на такие установки, происходит управление массовым психическим сознанием [4].

В психологических войнах используются средства массовой коммуникации, информации и пропаганды, с помощью которых происходит идеологическая обработка психического сознания. Психологическая война, в отличие от войн, в которых задействуется военная техника, происходит информационным способом, который намного эффективней по охвату аудитории и не причинению разрушений материальным средствам, которые после победы можно использовать в своих целях. По нашему мнению, не следует отделять понятия психологических войн от информационных, потому как это суть одного и того же процесса [4, с.2].

Ведение информационно-психологических войн становится возможно с помощью любых средств передачи информации и обработки информацией психического сознания масс. Помимо упо-

минаемых ТВ, кино и прессы, следует обратить внимание, что к подобным средствам массового воздействия относится также литература, искусство, образование, и т.п., — то есть играют роль все способы, с помощью которых происходит (или может произойти) изменение в массовом сознании посредством внедрения в подобное сознание (через подсознание) каких-либо установок.

«...Ведение информационной войны никогда не бывает случайным или обособленным, — пишет М.Ю.Павлютенкова, — а подразумевает согласованную деятельность по использованию информации как оружия для ведения боевых действий — будь то на реальном поле брани, либо в экономической, политической, социальной сферах». Поле действия информационных войн М.Ю.Павлютенкова (2001) определяет как:

1) инфраструктуру систем жизнеобеспечения государства — телекоммуникации, транспортные сети, электростанции, банковские системы и т.д.;

2) промышленный шпионаж — хищение патентованной информации, искажение или уничтожение особо важных данных, услуг; сбор информации разведывательного характера о конкурентах и т.п.;

3) взлом и использование личных паролей VIP-персон, идентификационных номеров, банковских счетов, данных конфиденциального плана, производство дезинформации;

4) электронное вмешательство в процессы командования и управления военными объектами и системами, «штабная война», вывод из строя сетей военных коммуникаций;

5) всемирная компьютерная сеть Интернет, в которой, по некоторым оценкам, действуют 150.000 военных компьютеров, и 95% военных линий связи проходят по открытым телефонным линиям [4, с.3].

Информационная война, в конечном счете, нацелена на мировую экономику. А потому в ряде американских университетов национальной обороны в Вашингтоне создана специальная группа студентов с целью подготовки специалистов по ведению компьютерной войны. Их основное оружие — клавиатура, с помощью которой они на расстоянии смогут вывести из строя неприятельские коммуникации, манипулировать средствами информации и связи, разру-

шать финансовые системы. Следовательно, цели информационной войны совершенно иные, нежели войны в общепринятом понимании: не физическое уничтожение противника и ликвидация его вооруженных сил, не уничтожение важных стратегических и экономических объектов, а широкомасштабное нарушение работы финансовых, транспортных, коммуникационных сетей и систем, частичное разрушение экономической инфраструктуры и подчинение населения атакуемой страны воле страны-победителя. В эпоху информационных войн планы боевых операций разрабатываются военными вместе с гражданскими специалистами [4, с.4].

В законах информационного воздействия выделяются следующие пункты:

- ложь должна быть определенным образом дозирована и сохранять видимость правдоподобия;
- необходимость четкого представления об ожиданиях аудитории, что позволяет создавать иллюзии, применимые именно для данной аудитории;
- использование «логики коллективного действия», взаимной ответственности;
- изъятие и сокрытие информации, которая идет вразрез с официальным курсом;
- обращение к «священным принципам» нации;
- использование символики и символизации посредством имиджевых технологий [4, с.5].

Кибервойна. В поле действия кибервойны (прежде всего это компьютерный терроризм) входит осуществление диверсий против гражданских объектов противной стороны. Ввод случайных ошибок в пересылку данных, ведение тайного мониторинга сетей, несанкционированный доступ к закрытым данным и др. действия могут привести к тотальному параличу сетей, перебоям связи, беспорядкам, колоссальному материальному ущербу, катастрофам, человеческим жертвам. Кибернетическая война является, кроме прочего, определенной концепцией ведения войны с использованием моделей и имитации в реальном времени, в ходе которых апробируются различные сценарии боевых действий, новые тактические приемы на представленных моделях. Средством (оружием) проведения операций служат компьютерные вирусы и другое программ-

ное обеспечение. В целом, кибероружие в совокупности с иными угрозами увеличивает ряд вызовов международной безопасности [3].

Основные способы ведения гибридной войны в информационно-идеологическом пространстве: 1) замещение традиционных ценностей и/или доминирующих идеологических конструктов данного общества ценностями и/или доминирующими идеологическими конструктами другого общества; 2) фальсифицирование истории страны–объекта агрессии; 3) десакрализация пророков, основных персоналий и основных постулатов базовых религий страны–объекта агрессии; 4) имплантация и/или поощрение децивилизующих социальных практик: промискуитета, насилия в отношении слабых и беспомощных, наркомании, инцеста, бытовой и экономической преступности [8].

Киберугроза – Киберпреступность – Кибербезопасность. Первые данные о деятельности кибервойск стали известны сравнительно недавно. В 1991 г. США применили ИВ в ходе войны в Персидском заливе, затем в военных действиях в Косово. Дезинформация, распространявшаяся с самолетов и спутников союзников и СМИ, искажала информационные потоки Ирака, вызывала чувство страха, панику у его населения. В интересах безопасности США используют различные формы воздействия на «противную» сторону, включая сеть Интернет в качестве психологической атаки и как систему раннего политического предупреждения. На случай возникновения конфликтных ситуаций в разведывательном управлении минобороны США подготовлен план возможных действий по распространению среди населения дезинформации и направленных сведений с целью провоцирования выгодных для США изменений [2].

Кибернетические подразделения для специальных сетевых операций, планы, обосновывающие создание в структуре военных ведомств специальных кибернетических подразделений с целью слежения за информационными сетями и другой электронной инфраструктурой, впервые появились в западных странах в конце XX века. Необходимость формирования кибервойск для ведения кибервойн обосновал бывший министр обороны США Уильям С. Коэн: «История дала нам выбор; наука дала нам шанс; любовь к родине

обязывает нас протянуть руку в будущее и нам осуществлять его» [13]. Так появился генеральный план по созданию «Научно-технической Армии» (ASTMP) – стратегическое звено, расположенное между департаментом технологического планирования министерства обороны (МО) США и планом главного командования армии и подчиненных ей командных подразделений. В основе генплана лежит общая оперативная концепция развития будущих ресурсов армии – «ArmyVision-2010» («Видение армии будущего-2010»). Согласно плану, отрабатываются модели по использованию армией технологических возможностей для достижения новых уровней эффективности: (1) защита вооруженных сил, (2) информационное доминирование, решительные действия, (4) формирование темпа сражения, (5) проектирование вооруженных сил, и (6) поддержка вооруженных сил.

Создаваемые специальные киберподразделения призваны вывести из строя электронные системы управления. Поэтому в информационно-психологической войне широко используется потенциал хакеров. С их помощью находят слабые места в системе безопасности компьютерных сетей. К примеру, в литературе приводится эффект «арабской весны», которая началась в 2011 г., но была подготовлена намного раньше и до сих пор не завершилась. Возможно, объектом сетевого вмешательства сегодня является Украина [3].

Особенность гибридной войны в поведенческой сфере состоит в том, что никаких сдерживающих факторов морального или правового порядка в этой войне для акторов-агрессоров нет. Главное – результат (разрушение геополитических пространств соперника), а не соблюдение моральных или правовых норм. Эту особенность выделяют почти все исследователи гибридной войны [8].

Новая доктрина информационной безопасности Российской Федерации, которая была обнародована в 2016 году, констатирует, что киберпространство все чаще используется «для решения военно-политических задач, а также в террористических и иных противоправных действиях».

При этом обозначены пять блоков киберугроз:

➤ воздействие иностранных государств на критическую информационную инфраструктуру РФ (системы энергообеспечения, управления транспортом, водоснабжения и т. д.);

- использование спецслужбами иностранных государств и подконтрольными общественными организациями киберпространства для подрыва суверенитета и дестабилизации социально-политической обстановки в России;
- рост масштабов киберпреступности;
- отставание России в сфере разработки собственного программного обеспечения;
- использование отдельными государствами (читай – США) технологического доминирования в глобальном информационном пространстве для достижения экономического и геополитического преимущества.

Для противодействия перечисленным киберугрозам Россия планирует работать в правовой сфере с зарубежными партнерами, развивать свои силы и средства информационного противоборства, а также пытаться создать систему стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов [23].

В конце апреля 2015 года Пентагон презентовал новую стратегию кибербезопасности, которая явилась неким расширенным вариантом аналогичного документа от 2011 года.

Выделяется три основных направления деятельности в этой сфере.

Первое – защита собственных информационных систем от хакерских атак извне.

Второе – работа с другими агентствами и зарубежными союзниками по сбору информации разведывательного характера, совместные операции с ФБР, ЦРУ, АНБ и иностранными спецслужбами вплоть до создания системы автоматического обмена информацией, а также создание особой оперативной группы по кибербезопасности в Стратегическом командовании США.

Третье направление – кибернетическая поддержка военных операций США и привлечение квалифицированных гражданских специалистов.

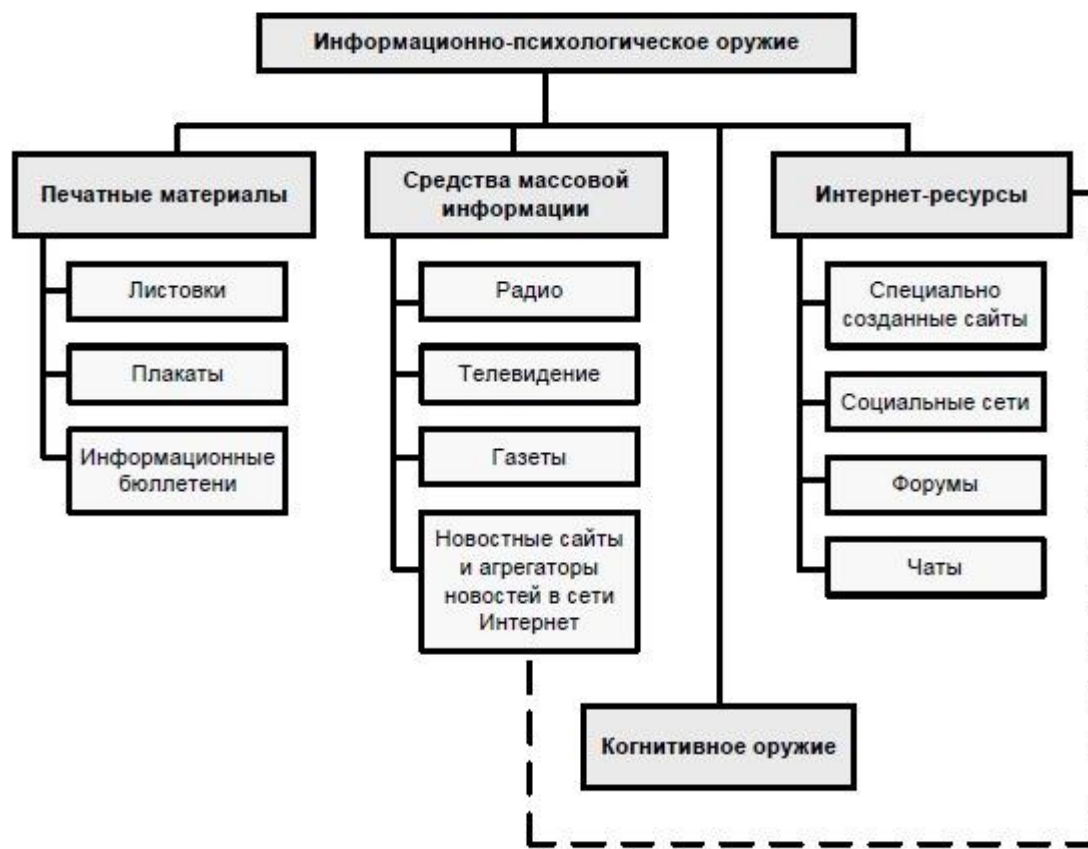
Новый документ в отличие от своего предшественника прямо называет основных противников США в киберпротивоборстве: Китай, Россия, КНДР и Иран. Причем упоминаются и негосударственные акторы, вроде хакеров из ИГИЛ (запрещенная в России

террористическая организация — EADaily) и преступных синдикатов.

Вместе с тем, остаются в силе и стратегические цели прошлой киберстратегии от 2011 года:

- создание и поддержка боеготовности сил и возможности проводить операции в киберпространстве;
- обеспечение защиты военных сетей;
- укрепление межведомственного сотрудничества для противодействия киберугрозам;
- усиление международного сотрудничества в сфере кибербезопасности [23].

Литература

1. Галактионов А.В. Панарин И.Н. Информационная война и финансовые кризисы // VIP-Premier. – 1999. – №1.
2. Галяутдинов Р.Р. Информационная безопасность. Виды угроз и защита информации // Сайт преподавателя экономики. [2014]. URL: <http://galyautdinov.ru/post/informacionnaya-bezopasnost> (дата обращения: 16.10.2021).
3. Губайдуллина Р.Р., Карипжанов Д. Кибернетические и сетевые войны: подходы к информационному противодействию (опыт Германии и Китая). URL: <https://articlekz.com/article/17538>
4. Зелинский С. Информационно-психологические войны (Современные психотехнологии манипулирования). URL: <https://psyfactor.org/lib/zln3.htm> –С.1-10.
5. Информационно-психологическая война. URL: <https://forpsy.ru/works/informatsionno-psihologicheskaya-voyna/>

6. Информационно-психологическая война и ее свойства, виды и основные понятия. URL: https://studbooks.net/733087/zhurnalistika/informatsionno_psihologicheskaya_voyna_svoystva_vidy_osnovnye_ponyatiya
7. Карпович О.Г. Особенности ведения современных информационных войн в СМИ и сети Интернет // Мировая политика. – 2017. – №4. – С.64-74. DOI: 10.25136/2409-8671.2017.4.21896. URL: https://e-notabene.ru/wi/article_21896.html; Manoilo A.V. Informatsionnaya voina kak ugroza rossiiskoi natsii // Vestnik Rossiiskoi natsii. – 2016. – № 6. –Р.174-184.
8. Комлева Н.А. Гибридная война: сущность и специфика. – 2017. – 17 июня. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/228592231.pdf> –С.1-8.
9. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: монография. –М.: МИФИ, 2003. – С.246.
10. Олышанский Д.М. Психологическая война. Приемы психологической войны. URL: https://pikabu.ru/story/psikhologicheskaya_voyna_priemyi_psihologicheskoy_voynyi_7455608 –С.107.
11. Пирумов В.С., Родионов М.А. Некоторые аспекты информационной борьбы в военных конфликтах // Военная мысль. – 1997. – №5. –С.44-47.
12. Почепцов Г.Г. Информационные войны. – М.: Рефл-Бук; – К.: Ваклер, 2000. – 576 с.
13. Пресс-релиз о круглом столе «Сотрудничество государств ОДКБ по обеспечению кибербезопасности в Центральной Азии в условиях усиления стратегического соперничества в регионе». – 2020. – 24 фев. URL: <http://www.rtsu.tj/ru/news/14613/>
14. Психологическая война. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
15. Рахимзода Ш.К. Информационная война и проблемы обеспечения национальной безопасности в Центральноазиатском регионе: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 – политические проблемы международных отношений и глобального развития / Рахимзода Шабнам Карим [Институт философии, политологии и права имени А.Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана].. –Душанбе, 2021. – 144 с. URL:

- <https://www.dissercat.com/content/informatsionnaya-voyna-i-problemy-obespecheniya-natsionalnoi-bezopasnosti-v-tsentralnoaziats>
16. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). URL: https://raaar.ru/lit/fiction/P_war_Krysko.php
 17. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия. – Красноярск, 2016. – №1(55). URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/2848/1/plin-2016-01-06.pdf>
 18. Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. – М.: Вече, 2002. – С.153; Панарин И.Н. В информационных войнах у России должен быть крепкий щит и острый меч. – URL: http://www.aif.ru/society/igor_panarin_v_informacionnyh_voynah_u_rossii_dolzhen_byt_krepkiy_schit_i_o
 19. Столбун С. Информационно психологическая война. URL: <https://proza.ru/2021/06/11/1630>
 20. Угрозы информационной безопасности. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
 21. Что такое информационная война? URL: <http://voprosik.net/chto-takoe-informatsionnaya-vojna/>
 22. Швец Д.А. Информационное управление как технология обеспечения информационной безопасности // Массовая коммуникация и массовое сознание. – М.: МГИМО, 2003. – С.8.
 23. <https://www.rsuh.ru/iintb/news/shownews.php?ID=115277>
 24. https://ru.wikipedia.org/wiki/Информационная_война
 25. https://studopedia.net/1_41831_informatsionno-psihologicheskie-voyni-ponyatie-cherti-tseli-etapi-provedeniya-i-sposobi-zashchiti.html. – С.1.

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ ТАДЖИКИСТАНА: ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Курбонова З.М.

Доктор политических наук, доцент,
заведующая кафедрой международных отношений дипломатии
Российско-Таджикского (Славянского) университета

Под кибербезопасностью понимается состояние защищенности средств связи, электронных информационных ресурсов, информационных систем и информационно-коммуникационной инфраструктуры от внешних и внутренних угроз.

Кибербезопасность государства рассматривается с двух взаимосвязанных аспектов – технического и социально-политического. Первый аспект включает гарантии защиты национальных информационных ресурсов и систем, информационно-телекоммуникационной инфраструктуры от несанкционированного доступа, использования, раскрытия, нарушения, изменения, прочтения, проверки, записи или уничтожения для обеспечения целостности, конфиденциальности и доступности информации. Второй аспект предполагает защиту национального информационного пространства и систем распространения массовой информации от целенаправленного негативного информационного и организационного воздействия, которое может принести вред национальным интересам страны.

К угрозам кибербезопасности относится информационная война «как способ ведения конфликтов без традиционного использования военной силы, с использованием информационных технологий, противоборство в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным, и другим структурам, подрыва политической, экономической и социальной систем, массовой психологической обработки населения для дестабилизации общества и государства, а также принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей стороны» [1, с.27].

Другой серьезной угрозой выступает информационный терроризм – «деятельность, осуществляемая в террористических целях с

использованием информационных ресурсов или (и) с воздействием на них в информационном пространстве» [1, с.63].

Таджикистан первым из государств Центральноазиатского региона в 2003 г. принял Концепцию информационной безопасности, где отражены конкретные цели, задачи, принципы и основные направления обеспечения информационной безопасности Республики Таджикистан. В ней указывается, что стратегические и текущие цели внутренней и внешней политики государства формируются на базе национальных интересов страны. В документе подчеркивается, что состояние защищенности национальных интересов Таджикистана в информационной сфере, которые определяются совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства, обеспечивает его информационную безопасность.

При этом интересы личности в информационной сфере заключаются в реализации конституционных прав человека и гражданина на доступ к информации, на использование информации в интересах осуществления не запрещенной законом деятельности, физического, духовного и интеллектуального развития, а также в защите информации, обеспечивающей личную безопасность. Интересы общества в информационной сфере связаны с обеспечением интересов личности, упрочением демократии, созданием демократического, правового, светского и унитарного государства, достижением и поддержанием общественного согласия, духовного обновления Таджикистана. По смысловому наполнению документ носит в большей степени политологический характер. В нем подчеркивается роль информации для развития республики, а информационная сфера обозначена как системообразующий фактор жизни общества. Документ активно используется для определения многих терминов и механизмов обеспечения безопасности в информационной сфере, его положения используют органы государственной власти для формирования и проведения политики информационной безопасности. С технологической точки зрения Концепцию информационной безопасности дополнила Государственная стратегия «Информационно-коммуникационные технологии для развития Республики Таджикистан», также принятая в 2003 г.[3] В ней впервые были поставлены задачи решения проблем растущего цифрового неравенства как внутри страны, так и на пространстве Центральной

Азии и СНГ, достойной интеграции Таджикистана в мировое информационное сообщество.

Еще до утверждения Концепции были приняты Законы Республики Таджикистан «О государственной тайне», «О печати и других СМИ», «О телевидении и радиовещании», «Об издательском деле», «О связи», «Об авторских и смежных правах», «Об архивном фонде и архивных учреждениях», «Об информации» и «О защите информации», «Об информатизации», «Об электрической связи», «Об электронном документе», «Об электронно-цифровой подписи». Закон Республики Таджикистан «Об информатизации» [4] установил условия защиты законных интересов и прав государства, юридических и физических лиц при осуществлении деятельности по созданию, накоплению, хранению, передаче и распространению информации средствами современных информационных технологий.

Под защитой информации в законе понимается комплекс мер, обеспечивающих предотвращение несанкционированного вмешательства в информационные ресурсы, незаконных действий по получению, копированию, распространению, искажению, уничтожению или блокированию информации. Для дальнейшего развития и реализации основополагающих норм вышеуказанных законов были приняты и другие концептуальные документы Республики Таджикистан, в частности, Программа обеспечения информационной безопасности Республики Таджикистан (утверждена Постановлением Правительства РТ от 30 июня 2004 г. №290) и Государственная программа развития и внедрения информационно-коммуникационных технологий в РТ (утверждена Постановлением Правительства РТ от 3 декабря 2004 г. № 468). В 2008 г. Указом Президента была утверждена Концепция Государственной информационной политики Республики Таджикистан [5], и она определяет круг деятельности органов государственной власти и управления в информационной сфере. Концепция должна гарантировать, путем внедрения современных информационно-аналитических технологий поддержки принятия управленческих решений, устойчивое экономическое развитие, приоритетность государственных интересов и национальной безопасности, эффективное государственное управление. В документе указаны объекты информационной политики, к которым были отнесены информационные общественные

отношения или отношения между субъектами, которые осуществляют подготовку, комплектование, анализ, пропаганду и применение информации в интересах общества, государства и гражданина. Сама информационная политика определялась как способность и возможность субъектов политики, т.е. органов государственной власти и управления, органов местного самоуправления, общественных объединений, владельцев СМИ и других, с помощью информации в интересах государства и гражданского общества оказывать воздействие на сознание, психику людей, их поведение и деятельность. Здесь также подчеркивается необходимость запрещения «превращения средств массовой информации в оружие предвзятого применения технологий информационного воздействия на население, перепрограммирования человека, его духовного растления и морального разложения, пресечение информационного манипулирования, формирующего мещанские, нигилистические и другие неприемлемые таджикскому обществу чувства». Стратегическими направлениями государственной информационной политики были названы:

- создание, развитие и обеспечение безопасности государственных информационных ресурсов;
- массовое использование в государственном управлении, координации социальными, экономическими и другими системами информационных технологий;
- формирование, содействие и модернизация информационного имиджа страны при помощи эффективного применения новых информационных технологий;
- охрана информационных интересов государства, обеспечение его информационной безопасности, защита от информационных атак, рисков и других диверсий, их предотвращение;
- интеграция Республики Таджикистан в мировую информационную среду.

На концептуальном уровне проблемы обеспечения информационной безопасности рассматриваются в «Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года» (2016). В этом документе сказано, что способствовать достижению поставленных стратегических целей призвано интенсивное развитие мобильной связи и информационных технологий, которые создают

возможности для их использования как в реальном секторе, так и в системе государственного управления для создания «электронного правительства». Ожидаемыми результатами НСР-2030 названы:

- создание единой сети информационно-коммуникационных технологий, функционирующей в качестве базовой инфраструктуры «электронного правительства»;
- скоординировано работающий единый правительственный портал;
- стопроцентный электронный документооборот в системе государственного управления;
- действующие «Автоматизированный реестр государственных функций» и «Реестр государственных служащих» в Единой сети ИКТ;
- внедренные стандарты предоставления государственных услуг и критерии оценки эффективности деятельности центральных и местных органов исполнительной власти[2].

Проведенный обзор концептуальных и нормативно-правовых актов РТ показывает, что в центре идеологических и технологических проблем обеспечения кибербезопасности в политической сфере Таджикистана стоит государство.

Литература

1. Махмадов П.А. Информационная безопасность в системе политической коммуникации: состояние и приоритеты обеспечения. – Душанбе, 2018. – С.27-63.
2. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. URL: [http://ef-sa.tj/publications/02.2_rus\(fileminimizer\).pdf](http://ef-sa.tj/publications/02.2_rus(fileminimizer).pdf) Об утверждении Концепции Государственной информационной политики: Указ Президента Республики Таджикистан от 30 апреля 2008 г. №451. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&ved=0ahUKEwiv1aSt8_3RAhVoIJoKHZo8CvgQFgglMAI&url=http%3A%2F%2Ffilial-nic-mkur.tj
3. О Государственной стратегии "Информационно-коммуникационные технологии для развития Республики Та-

- джикистан»: Указ Президента Республики Таджикистан от 5 ноября 2003 г. №1174. URL: <http://cis.rudn.ru/doc/255>
4. Об информатизации: Закон Республики Таджикистан от 6 августа 2001 г. №40. URL: <http://www.medialaw.ru/exussrlaw/l/tg/informatiz.htm>

ПРИОРИТЕТНЫЕ СФЕРЫ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ТАДЖИКИСТАНА И РОССИИ В ДВУСТОРОННЕМ ФОРМАТЕ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Шарапов О.М.

Кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского) университета

8 апреля 2022 года исполнится ровно тридцать лет с момента установления дипломатических отношений между Россией и Таджикистаном. По данным Министерства иностранных дел Республики Таджикистан, за указанный период между двумя государствами было заключено более 290 различных межгосударственных, межправительственных и межведомственных соглашений, регулирующих сотрудничество в самых различных областях [3]. Экономическое сотрудничество наших стран базируется на соглашениях о свободной торговле и об углублении экономического сотрудничества и развития интеграционных связей. В дополнение к указанным документам, в 2002 г. Россией и Таджикистаном было подписано соглашение о межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству, а с 2006 г. действует Торговое представительство РФ в РТ. В этой связи стоит отметить, что заседания межправительственной комиссии проводятся регулярно, а деятельность указанных структур вносит большой вклад в развитие экономического взаимодействия наших стран. Тем не менее, по нашему мнению, существует необходимость в усилении контроля над реализацией решений межправительственной комиссии и активизации деятельности Торгового представительства РФ в РТ.

Как известно, Россия на протяжении ряда последних лет занимает лидирующие позиции во внешнеторговом обороте Таджикистана. В 2021 г. объем товарооборота двух стран составил 1,13 млрд. долл. [1] Российский экспорт в Таджикистан в основном представлен минеральными продуктами, продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем, продукцией химической промышленности, металлами и изделиями из них. Основу таджик-

ского экспорта в Россию составляют текстиль и обувь, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье.

Важное место в экономическом взаимодействии Таджикистана и России занимают российские инвестиции. Россия занимает одну из лидирующих позиций среди государств, инвестирующих в экономику Таджикистана. Общий объем российских накопленных прямых капиталовложений составляет 1,6 млрд. долл., это 17,2% от всех иностранных инвестиций в экономике Таджикистана. Самый крупный и известный пример инвестиционного проекта России в Таджикистане – Сангтудинская ГЭС-1, которая вносит определенный вклад в энергоснабжение Таджикистана, составляя 12% выработки всей электроэнергии страны [2].

С 2003 г. началось взаимодействие группы «Газпром» с правительством Республики Таджикистан – было подписано Соглашение о стратегическом сотрудничестве в газовой отрасли сроком на 25 лет. Оператором по реализации проектов в Таджикистане было назначено ЗАО «Газпром зарубежнефтегаз». В 2006 г. в республике было открыто представительство Gazprom International, а в 2008 г. «Газпром» и правительство Таджикистана подписали Соглашение об основных принципах проведения геологического изучения недр Таджикистана, ставшее основополагающим документом для реализации проектов. В 2010-2013 гг. «Газпром» провел работы по бурению разведочной скважины «Шахринав-1п» – самой глубокой в Центральной Азии (6450 м.). Однако в последующем работа по бурению скважин в Таджикистане была прекращена. В целом, за время работы в Таджикистане ОАО «Газпромнефть Таджикистан» сформировало оптово-розничную сеть, транспортную инфраструктуру, системы безналичных платежей и подготовки кадров для развития современного процесса снабжения нефтепродуктами. Уже в 2014 г. российские ГСМ занимали около 90% топливного рынка Таджикистана [2].

Одно из определяющих мест в развитии и расширении внешне-экономического сотрудничества России и Таджикистана играет развитие и укрепление межрегионального взаимодействия. К настоящему времени подписаны более 80 соглашений и меморандумов о торгово-экономическом, научно-техническом и культурно-гуманитарном сотрудничестве между регионами Российской Феде-

рации и Республики Таджикистан. Расширяется промышленное сотрудничество между предприятиями российских и таджикских регионов. На данный момент в республике функционируют более 100 отдельных российских и совместных таджикско-российских предприятий. Традиционно важной формой содействия установлению и развитию торгово-экономических связей между предприятиями российских и таджикских регионов является выставочно-ярмарочная деятельность. В этой связи можно также отметить, что после утверждения в 2019 г. Соглашения об организации «Упрощенного таможенного коридора» между Федеральной таможенной службой РФ и Таможенной службой при Правительстве РТ для российских и таджикских товаров предусмотрено упрощенное перемещение овощей, фруктов и продуктов их переработки, арахиса и некоторых других продуктов. Планируется, что работа коридора позволит нарастить объемы взаимной торговли, ускорит сроки поставок и уменьшит количество посредников. Таджикская сторона предложила также реализовать проект по строительству оптово-распределительного центра в стране, который должен помочь наладить поставки плодоовощной и фруктовой продукции.

Укреплению двусторонних экономических связей России и Таджикистана способствует также налаживание взаимодействия по линии межбанковского сотрудничества. В этом плане Россия и Таджикистан наращивают взаиморасчеты в национальной валюте, составившие 70% от общего числа взаиморасчетов [5].

Важное значение во внешнеэкономической деятельности двух государств придается сотрудничеству в области миграции. В трудовой миграции в России ежегодно находятся около 1 млн. таджикских граждан. Россией и Таджикистаном на регулярной основе принимаются меры по совершенствованию законодательства в сфере миграции, в том числе по созданию надлежащих условий для мигрантов. В 2021 г. общий объем денежных переводов из РФ в РТ составил 1,7млрд. долл.

В то же время наблюдаются некоторые трудности, связанные с вопросами миграции. Так, например, председатель Комиссии по миграционным вопросам Совета по делам национальностей при Правительстве Москвы Ю.Московский отмечал, что российским властям нужно тщательнее подходить к разработке и внедрению

программ, направленных на развитие толерантности и добрососедства, на предотвращение возможных межнациональных конфликтов. Также, по мнению Ю.Московского, необходимо отменить избыточные требования законодательства, которые, как считают эксперты, нанесли значительный ущерб российской экономике и её имиджу. Ю.Московский считает, что необходимо также создать условия для того, чтобы трудовая миграция осуществлялась посредством организованного набора, а не только с использованием механизмов свободного рынка [5]. Важное значение имеет создание открытых механизмов помощи и поддержки мигрантов, таких, как, например, формирование сервиса, позволяющего мигрантам на своем родном языке получать всю необходимую информацию.

В феврале 2017 г. Россия и Таджикистан подписали межправительственное соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, которое открывает дополнительные и новые возможности для совместной работы в данной сфере. В целом, это соглашение формирует правовую основу для взаимодействия России и Таджикистана в области атомной энергетики. В рамках указанного соглашения оба государства смогут сотрудничать в области строительства и эксплуатации исследовательских ядерных реакторов, обращения с отработанным ядерным топливом и радиоактивными отходами. В числе других потенциальных сфер сотрудничества – рекультивация урановых хвостохранилищ и утилизация выведенных из эксплуатации производств, производство радиоизотопов, применение атомных технологий в промышленности, медицине и сельском хозяйстве, обучение и подготовка высококвалифицированных кадров, формирование совместной координационной комиссии для дальнейших консультаций по вопросам использования атомной энергии в мирных целях.

В настоящее время существует несколько перспективных направлений развития сотрудничества России с Таджикистаном по мирному атому. Это участие в проекте восстановления исследовательского комплекса на базе растворного реактора «Аргус ФТИ» на площадке Физико-технического института им. С.У.Умарова Национальной академии наук Таджикистана, межгосударственная целевая программа «Рекультивация территории Таджикистана, подвергшейся воздействию уранодобывающего производства», со-

трудничество в области малой гидроэнергетики, содействие предприятиям атомной отрасли.

В целом, подводя итоги, можно отметить, что динамика развития взаимоотношений России и Таджикистана является стабильной. Российско-таджикские отношения прошли испытание на прочность во время пандемии и развивались достаточно устойчиво в этот сложный период.

В то же время можно отметить определенную стагнацию в развитии новых проектов, открытии новых сфер таджикско-российского сотрудничества, несмотря на взаимную потребность и успешный опыт соседей. В основном используется тот багаж, те соглашения, которые уже существуют в рамках двустороннего формата и СНГ в целом. В таких условиях достаточно сложно добиться серьезного прорыва во внешнеэкономической политике двух государств. И здесь опыт и пример того, как соседние страны развивают свое сотрудничество с Россией, показывает, что даже в условиях экономического кризиса, географических и логистических сложностей есть возможность увеличить и расширить размеры, масштабы и направления взаимодействия. Таджикистану также необходимо серьезным образом улучшить свою инвестиционную привлекательность. Те программы реформирования, которые приняты и реализуются, достаточно скромны по своим масштабам.

При этом перспективных направлений, в которых можно было бы развивать таджикско-российское сотрудничество, множество – помимо сельского хозяйства, это, конечно же, энергетика. И здесь речь идет не только о крупных проектах, которые требуют больших инвестиций и соответствующей политической поддержки. Есть возможность развития и малых ГЭС, которые не требуют таких больших инвестиций, но при этом могут решать локальные вопросы обеспечения электроэнергией, приносить прибыль и быть реализованы как совместные проекты.

Другим актуальным и перспективным направлением сотрудничества является вопрос цифрового суверенитета. В этом плане Россия и Таджикистан совместно с другими странами СНГ могли бы объединить совместные усилия с целью выработки консолидированной позиции в рамках сотрудничества с различными ИТ-корпорациями, актуализировать вопрос создания собственного ИТ-

сектора, без чего сохранить суверенитет в современной цифровой реальности будет сложно.

Литература

1. В Таджикистане назвали главного торгового партнера. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20211214/tajikistan-glavnyi-torgovyi-partner-1044149420.html>
2. Межгосударственные отношения России и Таджикистана. URL: <https://ria.ru/20190416/1552705446.html>
3. Отношения между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Таджикистан. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/142/otnosheniya-tadzhikistana-s-rossiei>
4. Россия-Таджикистан: крепкая дружба «ковидом» не ломается. URL: <https://central-asia.institute/rossiya-tadzhikistan-krepkaya-druzhba-kovidom-ne-lomaetsya/>
5. Силуанов и Расулзода обсудили подготовку встречи лидеров РФ и Таджикистана. URL: <https://ria.ru/20170227/1488850744.html>

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ В XXI ВЕКЕ

Коваленко Г.В.

Кандидат политических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук
Филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в городе Душанбе

Начиная с 90-х годов XX в., регион со своими богатыми природно-топливными, человеческими ресурсами, удобным географическим расположением и границами с исламскими государствами стал соблазном для вмешательства и вызвал к себе немалый интерес и резонанс таких держав, как Россия, Китай, государства Европейского Союза и Соединенных Штатов. Здесь же происходит пересечение интересов западных стран с исламским миром – такими странами, как Иран, Афганистан, Турция, Индия, Пакистан.

Если учитывать трехстороннюю конфигурацию Москвы, Пекина и Вашингтона, то масштабы и степень их присутствия различны. Ни одна из держав не может быть вытеснена другой державой, но при этом каждая из них не желает возникновения полной монополии со стороны другой. Осознание нереальности вытеснения любой из держав, приводит к их мирному сосуществованию в регионе.

С момента обретения независимости Россия имеет тесные военные, политические, экономические, культурные связи со странами Центральной Азии, в то время как Соединенные Штаты контактируют в военно-экономической и политической сферах. В свою очередь, Китай имеет определенные географические преимущества по сравнению с другими игроками региона. Он имеет общую границу, тесную транспортную инфраструктуру возрастающее торгово-экономическое пространство. Центральноазиатские государства, учитывая собственные интересы, стараются поддерживать стратегический баланс между внешними силами, который дает большие экономические и политические выгоды и соответствует внешнеполитическим стратегиям стран региона.

Однако возникновение конфликтов между державами может дать трещину и дестабилизировать регион, поэтому залогом

успешного и долгосрочного сосуществования и взаимосотрудничества между странами региона и ведущими державами заключается в ведении осторожной и гибкой политики.

Одним из ведущих игроков, который имеет свои планы относительно Центральноазиатского региона, является Европейский Союз. Поставив приоритетные задачи и учитывая их важность, Европейский Союз сотрудничает в сфере образования и развития посредством своих образовательных программ, внедрения и продвижения таких ценностей, как права человека, демократия, либеральные принципы в экономическом строительстве и государственном управлении, соответствие международным критериям развития. «Все это, по замыслу Брюсселя, должно служить обеспечению прочных и долгосрочных геоэкономических / геополитических позиций Евросоюза в стратегически важном Центральноазиатском регионе, находящемся на стыке России, Китая и исламского мира» [18].

Посредством инструментов по развитию демократии и прав человека, поддерживались различные проекты и программы неправительственных организаций с проведением семинаров для гражданского населения. Европейский Союз склонен также осуществлять экономическую поддержку посредством программ помощи для развития.

«В этом смысле ЕС может быть полезным партнёром странам Центральной Азии для создания рабочих мест с целью уменьшения трудовой миграции или способствования росту трансграничной торговли. Европа может оказывать длительное влияние на Центральную Азию посредством образовательных реформ и программ, в то время как государства региона явно заинтересованы в подготовке своего растущего и всё более молодого населения к будущему» [1].

«Одновременно были учтены такие области сотрудничества, как борьба с организованной преступностью, терроризмом и наркотрафиком, развитие демократических институтов, защита окружающей среды, защита прав человека, снижение уровня бедности, повышение эффективности государственного управления, совершенствование законодательства с формированием гражданского общества».

Европейский Союз постоянно поддерживает основные сферы деятельности с целью укрепления двусторонних и многосторонних отношений и потому, чтобы не потерять влияние в регионе, поддерживает связи в области прав человека, свободы и демократии, которые являются самыми приоритетными [9, с.189].

С геополитической точки зрения Центральноазиатский регион очень привлекателен, что может послужить отправной точкой. При достижении своих целей в регионе Европейский Союз сталкивается с определенными трудностями:

- во-первых, следует отметить отдаленность на континенте;
- во-вторых, остаточное явление советского влияния в сознании людей и ведение политики постсоветскими руководителями.

«Политика Европейского Союза в отношении стран Центральной Азии затруднена географической отдаленностью региона, полным несоответствием их политики принципам защиты прав человека, принятым в Европе, своеобразием политической практики постсоветских руководителей. Однако Европейский Союз сохраняет интерес к развитию своей политики в регионе, что продиктовано как соображениями безопасности, (терроризм, наркотики, Афганистан, нелегальная иммиграция), так и стремлением закрепить свое присутствие в регионе, где пересекаются интересы России, Китая и Америки» [3, с.165].

Если рассматривать центральноазиатский вектор западной внешней политики, начиная с постсоветского периода по настоящее время, то условно это время можно разделить на 2 периода:

- 1-ый период – до событий 2001 года;
- 2-ой период – после событий 2001 года.

В первом случае Брюссель, самостоятельно вел свою политику в регионе, во втором случае были внесены кардинальные изменения и корректировки в ведении политики в регионе в интересах и рамках стратегий Америки. Хотя Европейский Союз инвестирует в развитие региона посредством своих программ, но наличие внутренних проблем, одновременное сотрудничество с Соединенными Штатами и соответствование политическим интересам ослабляют его присутствие и уменьшают влияние на регион в целом.

«Интерес ЕС к Центральной Азии был на начальном этапе слабее, чем в США, однако уровень заинтересованности и участия европейцев в делах региона постоянно повышался» [5, с.110].

Проводились совместные работы образовательных и правовых программ, где государства получали материальную помощь. В итоге, эта стратегия не была достигнута полностью, что так и не привело к радикальным изменениям в странах региона. Основным недостатком этой стратегии являлось то, что, имея многосторонний характер и направленность действий, имелись недостатки в инструментах и способах реализации. «Евросоюз не преуспел в достижении основных целей, таких как демократизация и повышение качества государственного управления; проекты по борьбе с коррупцией и наркотрафиком также провалились, а сам Евросоюз воспринимается местными акторами как слишком сложный, слишком требовательный и слишком абстрактный партнер» [11].

«Исходя из этого, усилилось экономическое отставание, деградация в сфере прав человека и демократических институтов, что привело к распространению в регионе исламского фундаментализма и радикализма, и сделало Центральную Азию менее стабильной» [26, с.4].

В 2005 году Европейским Союзом была разработана новая стратегия относительно Центральноазиатского региона в ответ на американский проект «Большая Центральная Азия». Как отметил глава МИД Германии Ф.В.Штайнмайер, «важность данной стратегии, заключается в том, что ЕС стремится помочь центральноазиатским странам самим построить свое будущее» [10, с.30].

По этому поводу в июне 2007 года, на саммите в Брюсселе был подписан документ «Европейский Союз и Центральная Азия: Стратегия нового партнёрства». Данный документ официально признавал двухуровневый характер политики Европейского Союза в отношении республик Центральной Азии: двусторонний и региональный подходы, что соответствовало интересам стран региона [17]. Данная стратегия рассматривала сотрудничество в области энергетики, охраны границ, борьбы против терроризма, образования, защиты прав человека, законодательства и права. При этом каждая область имела свои пути и подходы для самореализации и многовекторный характер сотрудничества. «Речь идёт о сложной

системе многосторонней дипломатии, охватывающей огромное число проблем по широкому спектру интересов, что требует постоянных контактов как с правительством, так и с институтами ЕС» [6, с.242].

На данный момент идет реализация новой Стратегии, где отмечается «готовность отдельных стран Центральной Азии проводить реформы, укреплять демократию, права человека, верховенство права и независимость судов, модернизировать и диверсифицировать экономику» [24].

Еще одна причина меньшего влияния в регионе – это кризис, испытываемый самим Евросоюзом, благодаря чему другие державы распространяют и усиливают своё влияние в регионе.

Одной из главных задач политики Европейского Союза в данном регионе является включение региона в сферу своего влияния посредством предложения своих стандартов в различных областях. Тем самым Европейский Союз финансово-технически, политически, дипломатически внедряет европейскую демократию и права человека, свободные принципы в государственном и экономическом строительстве. По замыслам, все эти взаимодействия приводят к содействию и в энергетической сфере, но вероятность обладания нефтегазовыми ресурсами очень низкая.

Инвестирование Евросоюза в регион посредством программ и проектов накладывает обязанности на обе стороны, что приводит к определенным сложностям в отношениях между центральноазиатскими странами и другими суверенными единицами.

Таким образом, в ближайшее время Европейский Союз намеревается играть немаловажную роль и внести определённую сумму для развития стран региона: «Опираясь на широкий круг разнообразных программ и увеличивая их финансирование, ЕС заявляет о своих намерениях стать «донором №1» в Центральной Азии. Так, если в период 2007-2013 гг. ЕС выделил 750 млн. евро, то на 2014-2020 гг. финансовая поддержка ЕС странам региона составит до 1 млрд. евро» [4].

Другая политическая единица со своими интересами в Центральноазиатском регионе – это Российская Федерация. Основное направление деятельности России в Центральной Азии – военно-политическая сфера. Здесь Россия занимает практически моно-

польное положение. Но на данный момент происходит переплетение военно-политических и энерго-экономических интересов. По этому поводу российский историк-востоковед В.В.Наумкин отметил: «В Центрально-азиатском регионе сплетаются широкие гео-экономические и военные цели России с экономическими и с энергетическими задачами» [16].

Поддержка мира и стабильности в Центральноазиатском регионе для России является основным условием предотвращения дестабилизации внутри страны из-за возможных влияний религиозно-экстремистских сил, поддерживаемых иными странами. Как отмечает по данному вопросу Г.И.Чуфрин, «в сфере политических отношений ее жизненно важным интересам отвечает совершенствование взаимодействия с региональными государствами по вопросам, связанным с обеспечением национальной и региональной безопасности» [23, с.208].

С центральноазиатскими странами Россия связана в рамках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), Шанхайской Организации Сотрудничества (далее – ШОС), Таможенного союза, Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ), Евразийского экономического сообщества (далее – ЕвразЭС).

Интеграция центральноазиатского региона под эгидой России может содействовать приданию ей статуса мирового лидера на Евразийском континенте. Посредством региональных объединений, таких как ОДКБ, ШОС, и благодаря наличию военно-стратегических объектов осуществляется военно-политическая деятельность Российской Федерации в Центральноазиатском регионе. Предоставление военно-технической помощи странам региона в виде военной техники и вооружения, её поставки по льготным ценам в рамках ОДКБ усиливает российское влияние.

К региональным международным организациям военного характера относится Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), задачами которой является совместная защита территориально-экономического пространства государств-членов договора совместными усилиями армий и других подразделений, способных предупреждать всевозможные вызовы, для обеспечения национальной безопасности, оперативно реагировать на различные

военно-политические агрессии и природные катастрофы крупного масштаба. При этом ОДКБ реализует свою военную политику на базе приоритета политических средств по предотвращению и ликвидации военных конфликтов, тем самым выйдя на качественно новый уровень. Для этого необходимо будет увеличить количество проводимых встреч государств-членов, проведение совместных военных учений, учебно-тренировочных мероприятий. Все это необходимо для усиления военного потенциала, изучения современных вызовов и угроз, предотвращения конфликтов и умения давать коллективный отпор. Также стоит отметить антинаркотическую направленность действий в рамках организации.

По мнению казахстанского ученого М.Т.Лаумулина, «Россия находится на стадии активной перестройки прежней и, вероятно, формирования новой стратегии в Центральной Азии. Целями этой стратегии является сохранение влияния и защита интересов РФ в этом регионе. Полная интеграция со странами региона передвигается на среднесрочную и даже долгосрочную перспективу. В настоящее время актуальными для Москвы остаются задачи не допустить усиления в регионе позиций своих геополитических конкурентов...» [12, с.32].

Необходимо затронуть еще один вопрос, связывающий Центральную Азию с Российской Федерацией. Это проблема миграции. Миграция несет в себе взаимовыгоду, но одновременно приводит к определенным трудностям для обеих сторон, то есть, миграция носит противоречивый характер. Поток миграции способствует уменьшению давления на местный рынок труда, уменьшению недовольств населения правительством, а денежные переводы поддерживают не только семьи самих мигрантов, но и, в определенной степени, и экономику страны. Поскольку уезжает трудоспособная часть населения, в частности мужская половина, тяжелая работа остается за женщиной. Отсутствие мужчин, должного внимания подрастающему поколению и занятость трудом, не соответствующим женской половине, приводит к возникновению недоразумений в семье, вплоть до её распада. Следует отметить и тот факт, что различные террористические и экстремистские организации сделали Россию своего рода пунктом переправки. В некоторых городах и областях представители исламского государства и других террори-

стических группировок вербуют трудовых мигрантов и через турецкие города Стамбул и Анталию отправляют их в Сирию и Ирак.

Представители террористических организаций для достижения своих целей, предоставляют литературные источники религиозного толка. В свою очередь, «завербованные» не различают суть и содержания основных аспектов законов шариата и искаженной приобретенной литературы. Часто правоохранные органы находят в квартирах, в которых проживают мигранты, литературу, направленную против неверующих, для совершения «джихада», вводя в заблуждение молодежь, которая затем оказывается в изоляторах временного содержания или в тюремном заключении.

Китайская Народная Республика является одним из следующих геополитических игроков, влияющих на внешнюю политику стран Центральной Азии. Китай и страны региона имеют много общего: историческое прошлое, тесный контакт этносов, протяженная граница с тремя республиками – с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и близкое расположение Туркмении с Узбекистаном. По мнению американского государственного деятеля, дипломата и эксперта в области международной политики Г.Киссинджера, «Китай будет обладать большим влиянием в окружающих его регионах, что вполне естественно в силу географического фактора, ценностей и истории. Однако пределы влияния зависят от обстоятельств и политических решений» [8, с.579]. «Благодаря своему географическому, геополитическому, экономическому положению в более отдаленной перспективе Китай не просто останется в Центральной Азии — но его влияние в регионе будет расти» [20, с.36]. Постоянное предоставление экономической помощи и безвозмездность еще одна особенность помощи Китая странам региона.

В последние годы прокладка трубопроводов в Китай с энергетическим содержанием производится в обход России. По этому поводу эксперт Московского центра Карнеги Алексей Малашенко в своей книге «Центральная Азия: на что рассчитывает Россия?» отмечает: «Учитывая невозможность сохранить статус-кво в сфере транзита энергоносителей, Россия по мере сил должна принимать участие в проектах, предполагающих прокладку трубопроводов, минуя ее территорию. Это дело крайне сложное и деликатное, однако неучастие в таком роде проектах может превратить диверси-

фикацию транзита энергоносителей в изоляцию России. И здесь многое зависит не только от экономических интересов, но и от политического доверия, которое Россия постепенно утрачивает» [14, с.10]. Заметно, то, что и другие державы активно прокладывают трубопроводы из Центральной Азии в соседние регионы, минуя Российскую Федерацию, и реализуют проекты без её прямого участия. Долгое время в Китай поставляли нефть и газ из стран Ближнего Востока, но из-за политической нестабильности региона транспортировка топлива затруднялась и доставлялась с задержкой, что было невыгодно для страны-импортера. Исходя из этого, возникла необходимость поиска новых и близких источников энерго сырья, с качественной, быстрой и безопасной поставкой. Таким местом сотрудничества в нефтегазовой сфере послужили страны Центральноазиатского региона, который упрощает доставку трубопроводами и сухопутными маршрутами, где удобно пересекать границу, экономить на издержках транспортировки и времени. Цель нынешних проектов по передаче газа в Китай по трубопроводам, проходящим через регион, говорит о тесных и долгосрочных намерениях Китая в регионе. Конечным пунктом поставки центральноазиатских углеводородов является СУАР, откуда далее они распределяются по всему Китаю.

Первый нефтегазовый проект, связывающий Китай со странами Центральной Азии, – Туркменистан-Китай, где магистральный газопровод Туркменистана соединяется с национальной газовой системой Китая, обеспечивая транспортировку газа в Китай, а далее в Шанхай.

Другой проект поставки центральноазиатского газа – газопровод Казахстан-Китай, состоящий из 4-х отрезков: А, В, С, D. «Казахстанско-китайский газопровод является важной частью трубопровода Китай – Центральная Азия» [2].

Отрезок А проходит через центр Узбекистана, далее в Казахстан и по южной границе Казахстана поступает в Китай. Отрезок В соединяет Казахстан непосредственно с Китаем. Согласно плану, отрезок С начинается на границе с Узбекистаном. Прокладка этого трубопровода объединяет Узбекистан-Казахстан-Китай. И только отрезок D соединит всю Центральную Азию.

Отличием вектора D является то, что месторождением газа является Туркменистан, а не Казахстан, как в предыдущих направлениях, и другая особенность этого вектора — это то, что он соединяет все страны региона, включая Таджикистан и Киргизию, хотя в реальности на этих территориях нет месторождений газа или нефти для экспорта. Цао Ямин, сотрудник китайской национальной нефтегазовой корпорации, отметил: «Для регионального сотрудничества четвертая линия имеет особое значение. Ведь первая, вторая и третья проходят по маршруту Туркменистан-Узбекистан-Казахстан-Китай. Новый газопровод позволит присоединить к газопроводу еще две страны – Таджикистан и Кыргызстан» [21]. То есть весь Центральноазиатский регион вовлекается в газовый проект Китая, передавая газ с запада на восток, оттесняя Россию в этом направлении.

После распада Советского Союза и конфигурации политической карты мира с образованием новых независимых государств регион ЦА привлек к себе внимание трансконтинентальной державы – Соединенных Штатов Америки. Одним из главных стратегических интересов Америки является недопущение образования каких-либо интеграций под непосредственным руководством России и без прямого участия самих американцев в данном регионе. Поэтому необходимо затронуть американо-азиатские отношения, то есть американский вектор в Центральноазиатском регионе, его видение и влияние на политические процессы и внешнюю политику государств региона. «Затрагивая американский фактор в политических процессах центральноазиатских государств, следует отметить, что Центральная Азия граничит на перекрестке таких стран, как Россия, Китай, Иран, а также с нестабильным Афганистаном. Фактически, на регион стали смотреть через призму Афганистана, который можно посчитать вкладом администрации Дж.Буша-мл. в американскую политику относительно Центральной Азии» [19, с.45]. Усиление военного присутствия американцев в Афганистане способствует возможности немедленного реагирования на террористические акты исламских радикалов и террористов как в самом Афганистане, так и на территории Пакистана и некоторых других стран Южной Азии, что позволяет держать под контролем военно-стратегическую ситуацию региона в целом.

«Благодаря своему присутствию в Афганистане на постоянной основе, США получают уникальную возможность контролировать громадную территорию азиатского «Хартленда», в котором расположены Китай, Индия, Иран, государства Центральной Азии» [15, с.48]. Влияние на военно-политическую сферу усиливает военное присутствие Соединенных Штатов в Центральной Азии, появляется возможность формирования определенного плацдарма для оказывания давления на Россию, вмешательства в иранские дела, возможного сдерживания роста влияния Китая, а также воздействия на Индию путем создания условий, а при необходимости и сырьевой блокады Индии и Китая.

Поэтому образование региона как нового геополитического конструкта в Центральной Азии необходимо рассматривать как результат кардинальных изменений вследствие распада СССР и окончания холодной войны с ним.

В связи с этим началась борьба за доминирование в регионе между Россией, которая некогда считала его своим тылом, и другими региональными и трансрегиональными силами. Главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан М.Т.Лаумулин обращает внимание на учтывание важности геополитического положения Центральной Азии и на то, что все основные геополитические центры силы и великие державы проявляли неослабный интерес к внутривосточным процессам в странах региона [12, с.13].

Посредством разработок и реализации проектов экономического направления в Центральноазиатском регионе американцы хотят присвоить себе запасы углеводородов. Об интересах Соединенных Штатов относительно центральноазиатской нефти достаточно откровенно говорит Р.Канья: «Американцы из ЦА могут действовать и в направлении Афганистана, и в направлении Каспийского моря. Нефть Каспийского моря очень интересует их» [7, с.65]. Связывая регион с обстановкой в Афганистане, Пентагон поднимает вопрос углеводородного сырья, который имеет геополитическое и геостратегическое значение.

Рассматривая Центральноазиатский регион как новую геополитическую единицу, можно понять, почему ведущие мировые и региональные акторы интересуются данным регионом. Эта террито-

рия достаточно богата природными ресурсами, в её недрах и бассейне Каспийского моря хранится достаточное количество запасов нефти и природного газа, превосходящих такие месторождения как Кувейт, Мексиканский залив, Северное море. Нефть составляет приблизительно 3% от мирового запаса, газ составляет 7% от всех запасов, четверть запасов урана приходится только на Казахстан, а Узбекистан занимает 4 место по запасу золота.

Работа в экономической сфере порождает давление на государства, обладающие этим богатством, а изучение и эксплуатация новых источников энергии вызывает конкурирующее столкновение интересов как региональных, так и трансрегиональных акторов.

Исходя из реальной геополитической ситуации Центральной Азии и рассматривая отношения в формате Россия-Америка-Китай в Центральноазиатском регионе, можно заключить, что многосторонний характер сотрудничества может оказаться под сомнением и не реализован, ведь вопрос взаимодействий в регионе между Китаем и Россией более или менее решен, и это фактические отношения с Соединенными Штатами. Ухудшение отношений между тремя державами приведет к напряжению и обострению, что может отразиться на ситуации в регионе. Учитывая интересы ведущих держав, страны Центральноазиатского региона могут сформировать сбалансированную обстановку и уменьшить вероятность появления открытого соперничества.

Одновременно, отношения и сотрудничество в двусторонних форматах могут привести к потере доверия между странами и возникновению конфликта с дестабилизирующей ситуацией внутри региона. Следовательно, для усиления доверия следует обеспечить открытый характер двусторонних и многосторонних отношений в виде диалогов, содействий и различных консультаций.

По отношению к странам Центральноазиатского региона наличие геополитических факторов может носить как отрицательный характер, - так как они могут послужить причиной давления со стороны акторов и дестабилизации ситуации внутри стран региона, - так и положительный, учитывая национальные интересы и переход стран на новый уровень с усилением экономики и построением внешней политики.

Литература

1. Бунстра Й., Панелла Р. Три причины, почему Европейский Союз важен для Центральной Азии. URL:<http://саа-network.org/archives/12792>(дата обращения: 20.08.2021)
2. Гэн Ч. Сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии в нефтегазовой области. URL:<https://eee-region.ru/article/5110/>(дата обращения: 27.08.2021)
3. Европейский Союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность: [монография] / [Л.О. Бабынина и др.]; под общ. ред. Ал.А.Громыко, М.Г.Носова; Федеральное гос. бюджет. учреждение науки И-т Европы Российской акад. наук. – М.: Весь Мир, 2015. – 165 с.
4. Еремина Н. Стратегия ЕС в Центральной Азии: Брюссель ищет точки проникновения в регион. URL: <http://Eurasia.expert/strategiya-es-v-tsentrалnoy-azii-bryussel-ishchet-tochki-proniknoveniya-v-region/>(дата обращения: 25.08.2021)
5. Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии: политические процессы. – М., 2009. – 110 с.
6. Зонова Т.В. Дипломатия: Модели, формы, методы: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 242 с.
7. Имангазиев А. Геополитическая роль Центральной Азии в XXI веке // Обозреватель. – 2007. – №9. – С.65.
8. Киссинджер Г. О Китае / пер. с англ. В.Н.Верченко. – М.: Изд-во АСТ, 2017. – 579с.
9. Курмангузин Р.С. Казахстанские инициативы по сотрудничеству с Евросоюзом // Вестник МГИМО. – 2015. – №1 (40). – С.189.
10. Лапинс В. Гражданские державы как игроки в Центральной Азии – германская и европейская политика интересов в эпоху перемен // Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф.Эберта, 2008. – С.30.
11. Ларюэль М. Стратегия ЕС в Центральной Азии не достигла своих целей. URL: <http://eurasia.expert/strategiya-es-v->

- tsentralnoy-azii-ne-dostigla-svoikh-tseley/(дата обращения: 20.08.2021)
12. Лаумулин М.Т. Стратегические перспективы Центральной Азии на современном этапе Центральная Азия в условиях геополитической трансформации и мирового экономического кризиса: материалы VII Ежегод. Алмат. конф. (г. Алматы, 9 июня 2009 г.) / отв. ред. Б.К.Султанов. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. – С.32.
 13. Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Т.V: Центральная Азия в XXI столетии. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. – С.13.
 14. Малащенко А.В. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? / Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С.10.
 15. Малышева Д.Б. Политическая обстановка в Центральной Азии: Новые вызовы безопасности // Перспективы сотрудничества Казахстана и России в новых геополитических условиях: материалы 4-й двусторонней международной научно-практической конференции КИСИ-ИМЭМО (г.Москва, 9 апреля 2009 г.) / отв. ред. Б.К.Султанов. – Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2009. – С.48.
 16. Наумкин В.В. Российская политика в отношении Казахстана // Стратегические перспективы: ведущие державы, Казахстан и центральноазиатский узел / под ред. Р.Легволда. – Лондон, 2004. – С.47-80.
 17. Омаров М., Омаров Н. Государства Центральной Азии во внешней политике России, США и Европейского Союза // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – №3. – С.92; The EU and Central Asia: Strategy for New Partnership. Council of the European Union, Brussels, 31 May 2007. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/st_10113_2007_init_en.pdf(дата обращения: 15.08.2021).
 18. Парамонов В., Строков А. Внешняя политика Европейского Союза в Центральной Азии: общие направления, основные «проекты» и этапы. URL: <https://ia-centr.ru/experts/10727/>(дата обращения: 15.08.2021)

19. Сафранчук И. Концепция «Новый шелковый путь» и политика США в «Большой Центральной Азии» // Международная жизнь. – 2013. – июль. – С.45.
20. Хуашэн Чж. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества / Моск. Центр Карнеги. – М., 2005. – №5. – С.36.
21. Ченг И. (ChangYing) Четыре ветки газопровода обеспечат более 20 процентов необходимого Китаю газа. URL: <http://ss1y.sp1y.sp/2014/09/14/Y10E1410704046826415^1ит1> (дата обращения: 27.08.2021)
22. Чоршанбиев П. Золотых запасов Таджикистана хватит только на 30 лет? URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20200103/zolotih-zapsov-tadzhikistana-hvatit-tolko-na-30-let> (дата обращения: 10.02.2021)
23. Чуфрин Г.И. Россия в Центральной Азии. – Алматы: КИСИ, 2010. – 208 с.
24. Шейко Ю. ЕС принял новую стратегию отношений со странами Центральной Азии. URL: <https://www.dw.com/ru/> (дата обращения: 18.08.2021)
25. Экономика Центральной Азии. URL: <https://www.brif.kz/ekonomika-centralnoj-azii/> (дата обращения: 10.02.2021).
26. Boonstra J., Tsertsvadze T. Implementation and review of the European Union – Central Asia Strategy: Recommendations for EU action. European Parliament Think Tank, 2016. – P.4.

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Шарипов А.Н.

Кандидат политических наук, доцент кафедры дипломатии и внешней политики Таджикского национального университета

В начале XXI века Центральная Азия стала одним из важнейших геополитических центров современного мира. Геополитическая роль региона определяется его межконтинентальной значимостью для торговых и других связей между странами Европы, Ближнего Востока и Азии. Регион Центральной Азии является уникальным геополитическим «узлом», связывающим четыре ядерные державы – Россию, Китай, Индию и Пакистан.

Регион представляет собой обширную территорию. Он занимает около 10% территории азиатского континента, расположен в центральной части Евразии и не имеет прямого выхода к Мировому океану. На западе регион Центральной Азии граничит с Европой, на востоке – с азиатскими странами, на севере – с Россией, на юге со странами мусульманского мира.

В современных условиях регион Центральной Азии испытывает повышенный интерес ведущих мировых экономик в связи с наличием больших запасов углеводородов, золота, меди, урана и тяжелых металлов, а также расположением транзитных и коммуникационных путей, геοэкономическим значением Каспийского моря [7].

При этом необходимо иметь в виду, что центральноазиатские страны граничат с таким проблемным государством, как Афганистан, который может оказывать дестабилизирующее влияние на своих соседей. В результате здесь сталкиваются стратегии различных стран, принадлежащих к разным цивилизациям и обладающих собственными примерами привлекательности. В то же время ЦА – регион довольно сложный для оказания влияния. Он характеризуется наличием наследия древних культур и традиций, незнание которых может повлечь результат, прямо противоположный ожидаемому. Кроме того, отношения в регионе во многом подвержены влиянию клановых и межродовых отношений, что осложняет традиционные механизмы реализации «мягкой силы» [4].

К настоящему времени в мире сложилось несколько центров силы или полюсов. После слома биполярной системы мир не стал однополярным в лице США. В то же время многополярность современного мира весьма неоднородна. Большинство существующих полюсов – исламский, индийский, японский и даже европейский по большому количеству параметров (военному, включая наличие ядерного оружия, экономическому, научно-техническому, культурно-информационному) не соответствуют критерию действительно глобального центра силы. Такими центрами в настоящее время, как представляется, можно считать лишь Россию, США и Китай [2, с.21]. Эти страны исходя из своих потенциалов, реального веса и геополитических амбиций, естественно, имеют свои виды на регион. Кроме основных держав интерес к Центральной Азии проявляют Европейский Союз, Турция, Иран, Индия и Пакистан.

С учетом вышесказанных характеристик, в регионе разразилась нешуточная борьба за право использования его природных ресурсов, стратегической и транзитной роли. Для достижения своих целей державы применяют не только геополитику и экономические рычаги, но и мягкую силу. Каждая из держав, осуществляя свой вектор мягкой силы, показывает особенности его ведения, но также просматриваются и общие подходы.

На фоне проникновения мягкой силы других государств в регион особенно выделяется Китайская Народная Республика. Центральная Азия для Китая – один из ключевых приграничных регионов, имеющих важное значение в плане обеспечения безопасности и снабжения энергоресурсами. Располагая ограниченными собственными запасами углеводородов, КНР в случае гипотетического конфликта с США и перекрытия ими Малаккского пролива, через который доставляется нефть из района Персидского залива, рассчитывает обеспечить свою энергетическую безопасность за счет поставок из Центральной Азии [8].

Китай в процессе достижения экономического благосостояния еще в начале двухтысячных годов озаботился о собственном образе и репутации страны на международной арене. Для повышения темпов развития экономики, которая требовала новых рынков сбыта китайских товаров, а также увеличения собственного веса и политического влияния на международной арене, Китай параллельно с

процессом наращивания военной силы начал процесс по изучению и разработке элементов «мягкой силы» [3].

Рост экономического веса КНР определяет необходимость расширения доступа к энергоресурсам Центральной Азии. Регион Центральной Азии рассматривается в Пекине не только как источник сырья, но и как рынок сбыта китайской продукции и транзитный маршрут доставки китайских грузов в Европу.

Расширение экономического присутствия Китая в Центральной Азии способно вызвать рост китаефобии, что создаст сложности на пути реализации китайских интересов в регионе. Стремясь избежать подобного сценария, китайское руководство расширяет культурно-гуманитарные связи в Центральной Азии с целью создать благоприятный имидж своей страны в этом постсоветском регионе [5].

Стратегия Китая в Центральной Азии не меняется уже несколько десятилетий. Пекин по-прежнему придерживается трех основных правил: не вмешиваться во внутренние дела стран и их отношения друг с другом; делать упор на экономическое сотрудничество; стремиться поднять свою репутацию.

Такая стратегия была крайне успешной в Центральной Азии. Китай стал удобным партнером, так как в обмен на активное экономическое сотрудничество требовал лишь приверженности принципу «единого Китая» (признания Тайваня неотъемлемой частью КНР) и борьбы против «трех зол» (三股勢力) — терроризма, экстремизма, сепаратизма [6].

Китай придерживается общего курса применения «мягкой силы» в отношении всех стран региона, не разрабатывая отдельную стратегию для каждой страны.

Основная работа ведется в следующих направлениях. Первое — выделение денежных средств руководствам стран региона на инфраструктурные проекты, проекты, связанные с решением социальных проблем, вопросов здравоохранения, военной помощи и так далее. Китай до 2020 года выделил Таджикистану кредиты и гранты на общую сумму до 3 млрд долл. США. Кыргызстану за период с 2010 по 2017 годы, Китай оказал поддержку на инфраструктурные проекты на общую сумму в 1,5 млрд долл. США [3].

Вторым направлением стало культурно-гуманитарное сотрудничество подразумевающее продвижение образа Китая как страны союзника, стремящегося к сотрудничеству и взаимопомощи. В рамках этого направления Китай развивает по всему миру сеть институтов Конфуция, этот процесс начался в 2004 г. с Южной Кореи. К 2020 г. число институтов Конфуция достигло 1000. При этом Китай уделяет пристальное внимание своему «ближнему зарубежью». В 51 стране, расположенной вдоль «Пояса и пути», созданы 135 институтов и 129 классов Конфуция [8].

Согласно китайской прессе, ссылающейся на Канцелярию государственной руководящей группы по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань), «на 2013 г. в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане действуют 10 Институтов Конфуция и открыты 12 Классов Конфуция. В них обучаются около 23 тыс. студентов.

Китай сосредоточился на формировании положительного имиджа своей страны в Центральной Азии посредством создания сети Институтов Конфуция, финансирования совместных культурных проектов, привлекая студентов на обучение в Поднебесную.

Кроме того, Китайское министерство образования и Канцелярия Международного Совета китайского языка не скупятся на гранты для тех, кто хочет поехать в КНР получать высшее образование. За 2010-2018 годы абитуриентам из Центральной Азии было выдано более 5 тысяч грантов на обучение, а число студентов из стран Центральной Азии, получающих образование в Китае, достигло в 2017 году почти 30 тысяч [6].

Главной базой для распространения китайского культурного влияния в Центральной Азии стала столица Синьцзяна – Урумчи. С 2010 г. здесь действует специальная база по распространению китайского языка в странах региона.

На территории Центральной Азии создано около полутора десятков институтов Конфуция, которые продолжают активно развиваться.

Пекин расширяет свое культурное влияние в Центральной Азии и путем обучения местных студентов в китайских вузах. Следует различать долгосрочные и краткосрочные цели, которые реализуются с помощью «мягкой силы» [4]. Например, высшее образова-

ние ориентировано на достижение долгосрочных целей, в то время как деятельность СМИ – краткосрочных. По данным Министерства образования КНР на 2015 г., численность казахстанских студентов в Китае достигла 13,2 тыс., увеличившись за предыдущие 10 лет в 3,5 раза.

Численность кыргызских студентов в Китае, по данным на январь 2015 г., составляла около 10 тыс. человек, а китайских студентов в Кыргызстане – 1 тыс.

Число таджикских студентов в Китае составляет 2,5 тыс. человек. В самом Таджикистане функционируют два центра Конфуция. В первом из них, открывшемся в 2009 г. при Таджикском национальном университете, за 10 лет прошли обучение 10 тыс. человек. Второй центр открылся в Чкаловске и готовит специалистов для горно-металлургической и нефтяной промышленности.

Упор при обучении в КНР делается на изучении китайского языка и культуры. Тем самым Пекин готовит профессиональных переводчиков для того, чтобы обеспечить ими работающие в регионе китайские компании. Существенная роль в этом процессе отводится образовательному сегменту. Возрастающая роль Китая в мире обуславливает интерес Пекина к Центральной Азии и в части широкого спектра культурных проектов.

Для продвижения своего влияния КНР активно использует различные международные мероприятия и выставки, такие как Летние Олимпийские игры 2008 г. в Пекине, а также Всемирная выставка «Экспо-2010», проходившая с 1 мая по 31 октября 2010 г. в Шанхае.

В КНР регулярно проводятся дни национальных культур государств Центральной Азии, а также самые различные деловые и культурные мероприятия, способствующие развитию торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества. В странах региона ежегодно проводятся выставки национальных товаров Китая, в Пекине – Кашгарская выставка, а в Урумчи – ярмарка и экономический форум с участием республик Центральной Азии.

Примером успешной реализации «мягкой силы» Китая можно назвать Шанхайскую организацию сотрудничества. Созданная как площадка по делимитации границ, ШОС со временем показала себя эффективной площадкой по разрешению вопросов, связанных

борьбой с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом, оборотом наркотиков, а также укреплению гуманитарных связей между странами-участниками организации.

В рамках организации с 2008 года действует Университет ШОС, представляющий из себя более чем 80 университетов, которые входят в международную сеть. Студенты имеют возможность получить образование по таким направлениям, как регионоведение, экология, энергетика, IT-технологии, нано технологии. Рабочими языками являются русский и китайский. Благодаря образовательным обменам студенты имеют возможность получить широкие познания помимо своих предметов, в том числе и о странах-участниках ШОС.

С целью расширения своего культурного влияния в Центральной Азии Китай предпринял меры по усилению своего информационного потенциала.

Впрочем, информационное влияние КНР в регионе пока значительно ниже, чем России или США, которые активно спонсируют региональные СМИ, выходящие как на русском, так и на национальных языках.

В 2013 году председатель КНР Си Цзиньпин, выступая с речью в Астане (ныне Нур-Султан), рассуждая о роли ЕАЭС и возможном сопряжении с ШОС, выдвинул инициативу по созданию «экономического коридора Шелкового пути».

Позже этот проект получил название «Один пояс – один путь», в рамках которого начались переговоры по строительству железной дороги, соединяющей Центральноазиатский регион с Китаем. «Один пояс – один путь» является одним из самых масштабных проектов в современной истории КНР и включает в себя сухопутный и морской пути, которые должны обеспечить Китаю выходы на богатые рынки европейских стран и стран Персидского залива [3].

Необходимо отметить, что на фоне пандемии коронавируса наблюдается снижение активности КНР в рамках инициативы «Пояс и Путь», через которую были реализованы многие инфраструктурные проекты. Очевидно, что Китай будет постепенно сокращать свои инвестиции в регион на фоне собственных экономических проблем.

Несмотря на различия подходов Поднебесной в Центральной Азии, достаточно сильны опасения, что Китай, который уже стал

одним из крупнейших, а для ряда стран – и главным экономическим партнером и инвестором, со временем окончательно их «переварит» и поставит в жесткую финансово-экономическую, а затем и военно-политическую зависимость от себя. И вырваться из «лап дракона» в этом случае будет крайне сложно.

Рост китайского влияния в странах Центральной Азии и его распространение с экономики на другие сферы вызывает отторжение и беспокойство и внутри, и вне региона.

Экономическое проникновение КНР в регион провоцирует все больше конфликтов. Общество и элиты обеспокоены растущим влиянием Китая, которое накладывается на коррупционные практики. Появление плохих проектов с китайским участием усиливает антикитайские настроения [6].

В Таджикистане опасения вызывает растущая финансово-экономическая зависимость от КНР, которая все более обретает «хронические» черты. К концу 2016 г. китайские инвестиции в республику достигли \$1,016 млрд, тогда как инвестиции всех стран СНГ – \$950 млн [8].

Кроме того, по отношению к Китаю есть подозрения по поводу спорных территорий.

В Узбекистане и Туркменистане не существуют территориальные споры с Китаем, но общее настороженное отношение к нему сохраняется.

В целом же эффективность «мягкой силы» КНР в Центральной Азии ограничена из-за негативных стереотипов, сформировавшихся как в советский, так и в постсоветский период, централизованного характера руководства культурной политикой, отсутствия универсальных культурных ценностей и определенной гибкости, характерной для западных инструментов типа НПО [8].

Большую роль играет отсутствие общей культуры, национальных традиций, обычаев, праздников. Сложность изучения языка, таинственность, мистицизм и в то же время тревога и страх перед мировой державой вызывает отторжение и боязнь Китая.

Следует отметить, что в последнее время Китай все больше внимания уделяет созданию рабочих мест, развитию ориентированных на экспорт отраслей и укреплению бюджетов Центральной Азии за счет увеличения налоговых поступлений, поскольку Китаю

выгодны торговые партнеры, которые имеют достаточный финансовый потенциал.

В этом смысле страны Центральной Азии не являются наивными жертвами хищного китайского правительства или корпоративного сектора. Они хорошо осведомлены о рисках и возможностях экономического взаимодействия с Пекином и пытаются использовать эти возможности для удовлетворения своих собственных потребностей в достижении экономического роста, увеличения и улучшения рабочей силы, инновациях и развитии [1].

Между тем китайские инвесторы по-прежнему сталкиваются с глубоким недоверием со стороны местных жителей в Центральной Азии. Отношение жителей региона к Китаю становится все более негативным, и в обществе сложилось мнение, что правительства стран Центральной Азии идут на чрезмерно щедрые уступки своим китайским партнерам. Эти потоки неудовлетворенности сделали Кыргызстан особенно трудным местом для китайских инвестиций. Но, несмотря на эту неприязнь и недоверие, Китай останется основным экономическим игроком в регионе, особенно в отсутствие других альтернатив.

Литература

1. Дирк ван дер Клей, Нива Яу. Как и почему Китай помогает индустриализировать Центральную Азию. URL: <https://www.caanetwork.org/archives/22283>
2. Имангазиев А. Роль и место стран Центральной Азии в мировой политике: на примере отношений с Россией, КНР и США: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2008. – 25 с.
3. Китайская «мягкая сила» в Центральной Азии. URL: <https://ia-centr.ru/experts/aybolot-aydosov/kitayskaya-myagkaya-sila-v-tsentralnoy-azii/>
4. Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-v-otnoshenii-tsentralnoy-azii-uchastniki-i-ih-deystviy>
5. Плотников Д.С. «Мягкая сила» политики Китая, Турции, Ирана, России и США в Центральной Азии в сфере образования

- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-politiki-kitaya-turtsii-irana-rossii-i-ssha-v-tsentralnoy-azii-v-sfere-obrazovaniya>
6. Умаров Т. На пути к Pax Sinica: что несет Центральной Азии экспансия Китая. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81265>
7. Цзюнь Чжоу. Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-gosudarstv-tsentralnoy-azii-v-mirovoy-politicheskoy-sisteme>
8. Шустов А. Мягкая сила дракона: как Китай пытается завоевать влияние в Центральной Азии. URL: <https://eurasia.expert/myagkaya-sila-drakona-kak-kitay-pytaetsya-zavoevat-vliyanie-v-tsentralnoy-azii/>

ПРИЧИНЫ И ТРИГГЕРЫ ТАДЖИКСКО-КЫРГЫЗСКОГО КОНФЛИКТА – ВЗГЛЯД ИЗ ДУШАНБЕ

Ризоён Ш.

Кандидат политических наук, старший преподаватель
Таджикского национального университета

За последние 10 лет интенсивность конфликтов на таджикско-кыргызской границе возрастает, что нередко приводит к вооруженному столкновению между погранслужбами двух государств.

Анализ информационного пространства показывает, что с начала 2000-х количество стычек и конфликтов между местным населением приграничных территорий превышает более 100 инцидентов.

К сожалению, частота повторения приграничных конфликтов после 2010г. увеличивается, что усугубляет решение вопроса и установления прочного мира и стабильности в этом регионе. Один из сложных участков границы, где переплетаются различные интересы и «триггеры» для Таджикистана и Кыргызстана, – это зона Исфара-Баткен. Здесь инциденты происходят часто, на что работают различные провоцирующие факторы. На этом участке границы имеет место жесткая конфронтация местных жителей, которые потеряли своих родственников, а их имуществу нанесен очень серьезный урон.

К корневым причинам приграничных конфликтов Таджикистана и Кыргызстана относятся: доступ к воде (питьевой и поливной), земле, инфраструктуре (дороги), полезным ископаемым и незаконные задержания местного населения.

Специфика приграничных конфликтов между Таджикистаном и Кыргызстаном. Последний вооруженный инцидент, который произошел 27 января 2022г. в таджикско-кыргызском приграничье, тесно связан с предыдущими конфликтами. Анализ медиапространства Кыргызстана показывает, что имеется прямая связь между событиями 28-29 апреля 2021 года и последним инцидентом на границе.

Во всех предыдущих столкновениях (кроме событий 28-29 апреля 2021 года) более 90% убитых военнослужащих и мирных гражд-

дан в ходе приграничного конфликта составляли граждане Таджикистана: 11 из 12 человек [6].

По опубликованным материалам многие убиты граждане Таджикистана скончались от выстрела снайперской винтовки.

К числу кровавых инцидентов на таджико-кыргызской границе можно причислить следующие события:

- июль 2014 года – конфликт из-за работ для прокладки водопроводных труб в местности Бедак села Ворух. В результате был убит гражданин Таджикистана Сафойдин Шаропов, еще 7 человек получили ранения;

- август 2014 года – вооруженный конфликт в джамоате Овчи-Калача – стрельба по пограничникам и мирным жителям из-за обустройства поста таджикской стороной вблизи водомерного мостика над каналом. В результате погиб капитан Азамат Азимов, начальник пограничной группы и местный житель Нумонджон Набиев, 7 граждан Таджикистана получили ранения;

- июль 2015 года – инцидент, связанный с движением таджикских пограничников из селения Лангар в направлении джамоата Чоркух, в результате был убит мирный житель Боборизо Ризоев и ранен таджикский пограничник;

- март 2019 года – из-за продолжения незаконного строительства автодороги «Коктош-Аксай-Тамдык» произошел вооруженный инцидент. Были убиты граждане Таджикистана Хусейн Хакимов и Рафойдин Тешаев, 11 граждан страны получили ранения, были взяты в плен 30 жителей Воруха;

- июль 2019 года – инцидент из-за развешивания флагов Таджикистана по случаю приезда Президента страны. Был убит Джалолиддин Караев, 7 граждан Таджикистана получили ранения. СМИ сообщали, что 17 граждан Кыргызстана получили ранения;

- сентябрь 2019 года – вооруженный инцидент в джамоате Овчи-Калача из-за начала возведения кыргызской стороной неизвестного сооружения на стадионе участка Бахор. Были убиты таджикские военнослужащие – подполковник Рустам Убайдуллоев, рядовые Рамазон Исломов и Гиёсиддин Суванов, 12 пограничников получили ранения. Из Кыргызстана погибли один человек и 13 получили ранения;

- август 2020 года – был убит гражданин Таджикистана Вохид Ваххобов, житель села Сомониён. Также получил ранения из охотничьего ружья старший лейтенант Шер Кабиров в местности Лангари Мохиён джамоата Чоркух;

Вооруженный инцидент 28-29 апреля 2021 года был самым кровопролитным в истории приграничных конфликтов между Таджикистаном и Кыргызстаном, который произошел из-за мониторинга водораспределительного пункта «Головной» в селе Ходжаи Аъло [11]. В результате вооруженного конфликта были убиты 19 таджиков, еще 87 получили ранения; и 36 погибших из Кыргызстана, 189 получили ранения.

Таким образом, триггером кровавых приграничных конфликтов в течение последних 10 лет выступают строительство дорожной инфраструктуры и доступ к водным ресурсам.

Конфликт 27 января 2022 года произошел на границе из-за принудительной остановки жителями села Аксай автомашины гражданина Таджикистана на участке дороги между селом Ходжаи Аъло и Сомониён. Официальные заявления погранслужб Таджикистана [12] и Кыргызстана [7] о причинах возникновения конфликта имеют диаметрально-противоположенный характер.

В течение последних месяцев шло нагнетание ситуации в медиапространстве, способствующее разжиганию и моделированию столкновения. Так, с октября 2021 года говорилось о поступательной милитаризации региона Кыргызстаном: закупка 40 единиц военной техники и снайперских винтовок (за счет средств госбюджета в размере \$3,5 млн.), которые были направлены на охрану госграницы Баткенской области. Сюда же можно отнести приобретение турецких боевых беспилотников Bayraktar TB2.

Камнем преткновения для разрешения многих предыдущих конфликтов в приграничье является Протокол о строительстве участка автодороги Исфана-Ош, арендованного Кыргызстаном на 49 лет. Протокол от 3 марта 2009 года играет ключевую роль для таджикско-кыргызского приграничья. Из-за непростых отношений с Узбекистаном Таджикистан в начале нулевых годов остро нуждался в альтернативных источниках для покрытия нужд Согдийской области электроэнергией. Кайраккумская ГЭС обеспечивала лишь 30% существующей потребности. По достигнутому с Кыргыз-

станом договоренностям, КР обязалась обеспечивать в зимнее время электроэнергией Согдийскую область. Тогда еще не была построена ЛЭП-500 «Север-Юг» и энергосистема Таджикистана не была соединённой. В мае 2004 года началось строительство 220 кВТ ЛЭП «Канибадам-Баткен». Тогда же был согласован вопрос взаимного отвода земель для строительства высоковольтных линий электропередачи и автомобильной дороги. Это было зафиксировано в протоколе встречи премьер-министров обеих стран. Протяженность ЛЭП составила 53 км, из которых 34 км проходит по территории Таджикистана и 19 км – по территории Кыргызстана. Официальная сдача в эксплуатацию ЛЭП «Баткен-Канибадам» состоялась 18 мая 2005 года, на постройку было выделено \$3 млн. долл. из средств Таджикистана. В тот же день было подписано соглашение между правительствами стран о взаимном отводе земельных участков [14]. Согласно статье 1 настоящего соглашения, стороны в месячный срок обязались решить вопрос взаимного отвода земельных участков. Согласно статье 5, стороны обязались предоставить друг другу земельные участки в аренду сроком на 49 лет с арендной платой в размере \$1 долл. в год. В тексте соглашения говорилось о ЛЭП «Баткен-Канибадам» и автодороге «Исфана-Ош» (Соглашение ратифицировано Законом КР от 13 февраля 2006 года, № 46). На тот момент ЛЭП «Баткен-Канибадам» считалась одним из успешно реализованных проектов между Таджикистаном и Кыргызстаном по прямому соединению энергосистем обеих стран.

16 мая 2008 года в Худжанде в ходе визита президента Кыргызстана было принято Совместное заявление глав государств Таджикистана и Кыргызстана. В пункте 5 этого заявления говорилось, что стороны поручат своим правительствам согласовать проект Протокола о внесении изменений и дополнений в Соглашение между правительствами о взаимном отводе земельных участков от 18 мая 2005 года [8]. Кроме того, в заявлении отмечалось, что для недопущения конфликтов по хозяйственным вопросам в приграничных районах главы государств поручают правительствам своих стран согласовать и подписать Межправительственное соглашение о запрещении хозяйственной деятельности вдоль линии госграницы до завершения ее делимитации и демаркации, что фактически не было реализовано, и стало одним из триггеров последующих конфлик-

тов, в том числе с человеческими жертвами. Что касается Протокола между секретарями Совета безопасности Таджикистана и Кыргызстана от 3 марта 2009 года, то этот документ согласно пункту 2, подписан: «Во исполнение пункта 5 Совместного заявления Президентов Кыргызской Республики и Республики Таджикистан от 16 мая 2008 года в г. Худжанд таджикской стороне в установленном порядке решить вопрос:

- о передаче в аренду кыргызской стороне участка дороги на пойме реки Исфара протяжённостью 275 метров сроком на 49 лет за символическую плату;
- обеспечить беспрепятственный доступ персонала и техники, которые осуществляют строительство указанного участка автодороги» [15].

Таким образом, положение данного протокола, где указывалось обязательство Таджикистана, было выполнено. Сегодня участок автодороги «Исфана-Ош» в селе Сомониён построен и соединяет районы Баткенской области. Опыт решения приграничных проблем между государствами показывает, что особо актуальным является соблюдение достигнутых договоренностей, режима и условий проведения переговоров по демаркации и делимитации границ.

Переговоры по урегулированию общей ситуации на границе продолжаются, кыргызская сторона согласилась начать реализацию ранее подписанного протокола от 1 мая 2021 года. В ходе переговоров 28-29 января 2022 года не было подписано новых документов. Таким образом, конфликт был законсервирован. На сегодня Таджикистан меньше всех заинтересован в появлении нового очага конфликта, поскольку потенциальные вызовы и угрозы, исходящие от Афганистана для государств Центральной Азии, не надуманные, а существуют в реальности. Решение таджикско-кыргызской пограничной проблемы стало патовой, превратив демаркацию и делимитацию границ в нерешаемую задачу, что в перспективе моделирует новые конфликты – с каждым разом более ожесточенные и кровопролитные.

Сегодня актуально то, насколько стороны будут соблюдать достигнутые договоренности и стремиться завершить переговоры по делимитации и демаркации границ во имя мира и развития. Очевидно, что без учета и признания национальных интересов сторон,

соблюдения ранее подписанных договоренностей, а также готовность идти на уступки и обмен территориями, невозможно урегулировать пограничные проблемы в таджикско-кыргызских отношениях.

Литература

1. Абдувайтова А. АдаханМадумаров, СадырЖапаров и протокол 2009 года с Таджикистаном. Коротко. URL: https://kaktus.media/doc/452873_adahan_madymarov_sadyr_japarov_i_protokol_2009_goda_s_tadjikistanom._korotko.html(дата обращения: 18.01.2022)
2. Бобоходжиев М. Глава Согда: «Приграничные жители, ваша душевная боль – это и наша боль». URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20220128/glava-sogda-prigranichnie-zhiteli-vasha-dushevnyaya-bol-eto-i-nasha-bol>(дата обращения: 28.01.2022)
3. Бобоходжиев М. МИД Таджикистана обратился к таджикстанцам с просьбой воздержаться от поездок в Кыргызстан. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20220202/mid-tadzhikistana-obratilsya-k-tadzhikistantsam-s-prosboi-vozderzhatsya-ot-poezdok-v-kirgizstan>(дата обращения: 02.02.2022)
4. Бобоходжиев М. «Нет гарантии безопасности». Министр образования призвал таджикских студентов воздержаться от поездки в Кыргызстан. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20220203/net-garantii-bezopasnosti-ministr-obrazovaniya-prizval-tadzhikskih-studentov-vozderzhatsya-ot-poezdki-v-kirgizstan>(дата обращения: 03.02.2022)
5. Генпрокурор Таджикистана возбудил уголовные дела против пограничников и жителей Кыргызстана. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/laworder/20220202/genprokuror-tadzhikistana-vozbudil-ugolovnie-dela-protiv-pogranichnikov-i-zhitelei-kirgizstana>(дата обращения: 02.02.2022)

6. Джума М. Убийства, избиения, пытки и поджоги... URL: <https://nuqta.info/ubijstva-izbieniya-pytki-i-podzhogi/>(дата обращения: 17.05.2022)
7. Конфликт на границе. Заявление Пограничной службы ГКНБ Кыргызстана. URL: <https://kabar.kg/news/konflikt-na-granitse-zaiavlenie-pogranichnoi-sluzhby-gknb-kyrgyzstana/>(дата обращения: 28.01.2022)
8. Кыргызстан-Таджикистан: Совместное заявление двух президентов. URL: <https://www.fergananews.com/news.php?id=9180>(дата обращения: 18.05.2008)
9. Маканбайкызы Г. Дело Kaktus.media. Редакторат издания был вызван на допрос. URL: https://24.kg/obschestvo/222493_delo_Kaktusmedia_redaktorat_iz_daniya_byil_vyizvan_nadopros_/(дата обращения: 01.02.2022)
10. Разъяснение по поводу публикации на сайте Kaktus.Media. URL: https://kaktus.media/doc/453595_raziasnenie_po_povody_pyblika_cii_na_sayte_kaktus.media.html(дата обращения: 28.01.2022)
11. Ризоён Ш. Анализ. Кто начал военные действия на границе Киргизии и Таджикистана? URL: <https://anna-news.info/analiz-kto-nachal-voennye-dejstviya-na-granitse-kirgizii-i-tadzhikistana/>(дата обращения: 18.05.2021)
12. Пресс-центр Пограничных войск ГКНБ Республики Таджикистан сообщает. URL: <https://khovar.tj/rus/2022/01/press-tsentr-pogranichnyh-vojsk-gknb-respubliki-tadzhikistan-soobshhaet-9/>(дата обращения: 27.01.2022г.)
13. Профильный комитет парламента Кыргызстана отложил рассмотрение соглашения с Таджикистаном о взаимном отводе земельных участков. URL: <https://24.kg/archive/ru/parlament/101937-profilnyj-komitet-parlamenta-kyrgyzstana-otlozhil.html/>(дата обращения: 06.06.2011)
14. Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Таджикистан о взаимном отводе земельных участков. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17619>

15. Что говорилось в протоколе по кыргызско-таджикской границе, который подписал Мадумаров. URL: https://kaktus.media/doc/398080_что_govorilos_v_protokole_po_kyrgyzsko_tadjikskoy_granice_kotoryy_podpisal_madymarov.html (дата обращения: 19.09.2019)

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ЭВОЛЮЦИЯ, ПРИОРИТЕТЫ, ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Майтдинова Г.М.

Доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, директор Центра геополитических исследований
Российско-Таджикского (Славянского) университета

Комилова Х.Г.

Доктор исторических наук, доцент кафедры зарубежного
регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского
(Славянского) университета

Для Европейского союза Центральная Азия имеет важное геополитическое значение не только в контексте реализации экономических, политических и гуманитарных интересов, но и для стабильного развития евразийского пространства, учитывая стратегическое расположение региона в центре Евразии и ключевую роль в формирующемся новом мировом порядке, а также его долю в импорте энергетических ресурсов ЕС и региональный потенциал рынка. При этом ЕС имеет в виду существующую тенденцию к формированию в Центральной Азии нового полюса развития и возрастающее значение новых центральноазиатских государств в геополитической динамике Азии и в мире в целом.

После появления на карте мира новых государств Центральной Азии в начале 90-х годов ЕС одним из первых признал суверенитет новых субъектов международных отношений, однако, несмотря на установление дипломатических отношений, ЕС не был широко представлен в политическом ландшафте региона. Как считает казахский исследователь М.Ш.Губайдулина, даже после распада СССР многие страны ЕС рассматривали Центральную Азию через призму России, свидетельством чего является существование отделов, департаментов, имеющих почти сходные названия в Министерствах иностранных дел государств Европы для связи с центральноазиатскими акторами. К примеру, в МИД Великобритании – это департамент Восточной Европы и Центральной Азии; в МИД Финляндии – отдел России, Восточной Европы и Центральной

Азии; в МИД Франции – Управление по Кавказу и Центральной Азии; в МИД Германии в составе 2-го Политического департамента – специальный Уполномоченный по делам России, Кавказа и ЦА. В Европейском Союзе функционирует Европейская служба внешних действий в рамках департамента по России, Восточной Европе, Центральной Азии, ОБСЕ и региональному сотрудничеству [1].

Взаимодействие ЕС со странами ЦА в сфере безопасности в 90-е годы было незначительным, оно в основном осуществлялось в рамках СБСЕ/ОБСЕ и НАТО. Более того, система безопасности ЕС в основном обеспечивалась в рамках программы Североатлантического альянса «Партнерство ради мира», к которой присоединились все пять центральноазиатских государств [4].

Активизация политики ЕС в регионе пришлось на начало 2000-х годов, и это связано с рядом факторов: диверсификацией импорта энергетических ресурсов ЕС; энергетическим потенциалом региона; событиями 11 сентября 2001 г. и вводом коалиционных сил ISAF на территорию Афганистана; увеличением потока наркотрафика по северному маршруту; борьбой с трансграничным терроризмом. Вышеизложенные факторы обусловили актуализацию интереса ЕС к региону. Так как Центральноазиатский регион был географически отдален от ЕС и не имел историю развития взаимоотношений, Евросоюзу необходимо было изучить регион. Для структурного вхождения в регион, а также укрепления своих позиций ЕС выработал новую стратегию для ЦА, инициатором которой выступила Германия в период своего председательства в ЕС. Геополитическое влияние Евросоюза как актора стало усиливаться после принятия первой единой политической стратегии для Центральной Азии в 2007 г. Стратегия Евросоюза в Центральной Азии на 2007-2013 гг. – первая комплексная программа взаимодействия с центральноазиатскими государствами, принятая от имени всего Евросоюза. Одной из главных целей стратегии было изучение региона и укрепления сотрудничества ЕС с государствами центральноазиатского региона. Стратегия обозначила ряд важных векторов сотрудничества, в рамках которой обеспечение безопасности было обозначено приоритетной сферой. Как подчеркивает ряд авторов, в стратегии присутствовали некоторые недочеты и упущения, такие как отсутствие инструментов реализации поставленных в докумен-

те целей, региональный подход и недостаточная заинтересованность стран Центральной Азии [3]. Однако, на наш взгляд, главная цель стратегии все-таки была достигнута – ЕС начал проводить активную проектную деятельность в регионе. Одним из итогов работы стратегии ЕС в регионе стало начало проведения Диалога высокого уровня Европейского союза и стран Центральной Азии по безопасности. Главными темами для обсуждения было нижеследующее: борьба с нелегальным оборотом наркотиков, терроризмом и экстремизмом; предотвращение химических, биологических, радиоактивных и ядерных угроз в регионе; борьба с радикализацией и феноменом зарубежных боевиков; миграционная политика и будущие вызовы, в том числе реинтеграция трудовых мигрантов; осуществление Стратегии ЕС по Центральной Азии в сфере безопасности; рассмотрение ситуации в Афганистане и оказание помощи национальному Правительству данного государства для обеспечения мира, стабильности и развития регионального сотрудничества; поддержка стабильности в Афганистане посредством внешнего сотрудничества ради мира.

За период реализации своей обновленной стратегии 20014-2020 гг. в Центральной Азии Евросоюз, как геополитический актор, углубил дипломатические отношения с центральноазиатскими государствами, способствовал укреплению региональной стабильности, усилил политические, экономические, гуманитарные связи, выработал инструменты взаимодействия. Особое внимание за этот период ЕС придавал значение международно-правовым аспектам взаимодействия. Значительным достижением ЕС и новых государств Центральной Азии можно считать заключение двусторонних соглашений об усилении партнерства и сотрудничества (СУПС) нового поколения, которые подписаны Республикой Казахстан, с Республикой Узбекистан, а с Республикой Кыргызстан документ находится на стадии обсуждения. Таджикистан пока только выразил заинтересованность в участии в переговорах по вопросу подписания СУПС. Данные двусторонние соглашения об усилении партнерства и сотрудничества дают возможность для участия в других существующих инициативах сотрудничества, таких как соглашения о свободной торговле и Евразийский экономический союз.

Евросоюз в настоящее время стал самостоятельным игроком в Центральной Азии наряду с Россией, Китаем, США, Индией, Ираном, Турцией и другими странами. Через реализацию своей Стратегии Евросоюз заявил о себе как о целостной геополитической силе и о том, что у него есть свои интересы в Центральной Азии, прежде всего интересы безопасности, экономического и гуманитарного сотрудничества. Стратегия активизировала политический, военно-политический диалоги и проектную деятельность. Реализация проектов в рамках Европейской стратегии способствовала уменьшению рисков для национальной безопасности и принятию превентивных мер по сохранению стабильности в государствах региона. В современной геополитической динамике Центральной Азии национальные интересы и стратегии новых государств уже учитываются в той или иной мере Евросоюзом и отдельными европейскими государствами при реализации своих региональных проектов, которые расценивают регион как ключ к системе трансконтинентальной безопасности.

Вопреки общепринятому многими экспертами мнению о том, что именно энергетические интересы ЕС заставляет активизировать центральноазиатский вектор европейского сотрудничества, следует отметить, что стратегия во многом учитывала именно нужды государств региона и при разработке документа многие вопросы были согласованы непосредственно с экспертами Центральной Азии. Сотрудничество в сфере энергетики играет определенную роль в отношениях ЕС с государствами региона, но не главную. Хотя в Стратегии говорится о расширении энергодиалога, строительстве новых энергетических коммуникаций, но внимание было акцентировано на создание условий для торговли энергоресурсами внутри региона. Важность Центральной Азии заключается и в том, что она является огромным рынком для Европы. Европейскими разработчиками учитывалось и то, что угрозы, исходящие из Центральной Азии, могут быть опасны для стабильности европейского континента. Как считают европейские аналитики, вопросы общего подхода ЕС должны быть связаны с экономической сферой, оборонной политикой, с борьбой с организованной преступностью и, особенно, с борьбой с наркотрафиком. Аналитики считают, что необходимо решение изначально таких вопросов, как нераспространение

оружия массового уничтожения, решение этнических конфликтов, из-за которых возникают и другие проблемы: нелегальная миграция и организованная преступность. Проблема безопасности требовала и требует тесного сотрудничества ЕС с государствами Центральной Азии и, в частности, с Таджикистаном, принимая во внимание его непосредственную близость к нестабильному Афганистану. Доминирующей темой в отношениях центральноазиатских государств и Евросоюза становятся проблемы региональной безопасности. В настоящее время Евросоюз и государства региона реализуют проекты по поддержанию развитию современной системы управления границами, обеспечению экологической безопасности, финансированию инфраструктурных проектов, связанных с водными ресурсами, по развитию культуры и т.д. Основное внимание в двустороннем взаимодействии по проблемам поддержания региональной стабильности уделялось не только военно-политическим аспектам, но и решению экономической, социальной, экологической безопасности. Важной составляющей взаимодействия новых государств Центральной Азии и Евросоюза является противодействие существующим угрозам, включающим терроризм, организованную преступность, неконтролируемую миграцию, торговлю наркотиками и распространение оружия массового поражения и т.д. О необходимости и оправданности принятия европейской Стратегии в ЦА свидетельствуют реализованные проекты, которые отвечали национальным интересам государств и содействовали обеспечению безопасности.

С момента принятия новой концепции действий ЕС в Центральноазиатском регионе наметились определенные позитивные изменения в европейских отношениях с новыми государствами региона как в многостороннем, так в двустороннем форматах. Очень важным моментом является то, что при разработке документа ЕС прагматично учитывал стратегические перспективы развития стран и Центральноазиатского региона в целом. При этом Евросоюзом осуществлялся индивидуальный подход к каждому государству региона при реализации проектов, учитывая особенности экономического развития и приоритеты страны.

Как известно, европейская система обеспечения безопасности является сложной и многоуровневой системой, в которой взаимодействует целый спектр акторов и состоит она из нескольких слож-

ных элементов. Безусловно, приоритетом в данной системе является обеспечение внутренней безопасности граждан ЕС и безопасности по периметру границ, также в стратегии безопасности ЕС обозначен и внешний компонент. Так, например в стратегии обеспечения безопасности ЕС на 2020-2025 гг. [5] приводится, что Союзу необходимо обеспечить долгосрочную и устойчивую безопасность в меняющемся ландшафте угроз. В качестве одного из основных компонентов стратегии Комиссия определяет новый путь вперед в области внутренней безопасности путем принятия мер в ключевых областях:

- организованная преступность;
- терроризм и предотвращение насильственной радикализации;
- устойчивость наших важнейших инфраструктур и общественных мест;
- киберпреступность, включая борьбу с сексуальными надругательствами над детьми;
- сотрудничество между правоохранительными органами и обмен информацией;
- исследования и инновации;

В условиях глобализации вышеуказанные угрозы имеют трансграничный характер, следовательно ЕС заинтересован в обеспечении безопасности в различных регионах мира и рассматривает государства в рамках различных регионов как партнеров по сотрудничеству. Термин «регионализм» во внешней политике ЕС охватывает два основных компонента: во-первых, внешнее продвижение модели региональной интеграции ЕС и, во-вторых, предпочтение ЕС межрегиональным связям во внешних связях. ЕС предпочитает региональный базис для работы со странами, и его отношения с третьими странами, как правило, группируются по регионам, чего ни один другой международный субъект не делает в той же степени. Еще одной особенностью инструментария регионализма ЕС является тот факт, что программы помощи в целях развития и сотрудничества разрабатываются на региональной основе. Политический подход ЕС к Центральной Азии также основан на регионализме [8].

В соответствии с Многолетней индикативной программой на 2014-2020 гг. для стран Центральной Азии выделялось порядка 1 млрд. евро: 60% отводилось на двусторонние проекты, 40% – на ре-

гиональные, которые также реализовывались в Таджикистане [6]. В результате реализации новой европейской стратегии на протяжении 2014-2020 гг. финансовая поддержка ЕС в сферах верховенства права, защиты окружающей среды, водных ресурсов, торговли и пограничного режима превысила 1 млрд евро, что свидетельствует о важном вкладе европейского актора в укрепление государственности стран региона. Реализация проектов Евросоюза в Центральной Азии содействовала развитию образования, гидроэнергетики, верховенства закона, экономическому и социальному развитию, укреплению границ (БОМКА), борьбе с незаконным оборотом наркотиков (КАДАП) и охране окружающей среды. ЕС решил выделить дополнительные 72 млн долл. на развитие программ помощи Центральной Азии. 20 млн евро из этой суммы получит Таджикистан для строительства новой ГЭС, которая позволит экспортировать электроэнергию на север Афганистана. Киргизия получит 36 млн евро на образование. Еще 14 млн евро будут выделены на расширение региональной программы SWITCH, направленной на поддержку устойчивого потребления, производства и перехода к зеленой экономике. Оставшиеся 2 млн евро направляются на проект по расширению экономических прав и возможностей женщин, который будет реализован совместно с Казахстаном и Узбекистаном [6]. В принятой в мае 2019 года обновленной Стратегии ЕС для Центральной Азии основной акцент во взаимодействии был сделан на «мягкую безопасность», через оказание экономической помощи для снижения бедности, содействие экономическому развитию страны, поддержку развития сельской местности, решение экологических, миграционных, этнополитических и гендерных проблем, поддержку развития образования и науки и т.д. Все указанные аспекты взаимодействия будут содействовать устойчивому развитию постсоветских государств при условии, если будут разработаны по каждому направлению сотрудничества дифференцированно по каждой стране, отдельные стратегические и тактические программы сотрудничества. За годы реализации в Центральноазиатском регионе своей стратегии Евросоюз стал заметной геополитической силой. Однако Евросоюз уступает в активности в регионе России, Китаю, Турции, которые активно взаимодействуют с новыми государствами региона в рамках различных интеграционных проектов (СНГ,

ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, «Совет сотрудничества тюркоязычных государств»), в рамках которых имеют союзнические обязательства или более тесные партнерские связи. В Центральной Азии улучшился имидж Евросоюза как надежного партнера, заинтересованного в достижении конечных позитивных результатов. Но в сложных геополитических реалиях региона, в силу уже установленных союзнических или стратегических партнерских отношений с Россией и Китаем, влияние Евросоюза на региональные процессы остается низким.

Анализ показывает, что приоритетные сферы стратегии обеспечения безопасности ЕС на 2020-2025 гг. [5] имеют явную схожесть и связь с проблемами обеспечения стабильности в Центральной Азии, а вызовы и угрозы, исходящие из Центральноазиатского региона, косвенно влияют и на безопасность ЕС. Поэтому и ОБСЕ является частью системы безопасности Центральной Азии. ЕС выбрал свою тактику поведения в регионе, которая отличается от других акторов, в первую очередь, двумя факторами: 1. Акцент на региональный подход с использованием стратегий; 2. Акцент на проектно-программный фактор как механизм реализации соглашений. ЕС реализует свою политику в основном посредством программных проектов. Евросоюз реализует в Центральноазиатском регионе Программу технического содействия (TACIS) – это инициатива оказания Европейским союзом технического содействия процессу перехода к рыночной экономике и демократическому обществу в странах СНГ. Например, в Таджикистане, при определении приоритетов, TACIS принял во внимание цели сотрудничества ЕС/ЕК и вопросы собственной политики Таджикистана, включая те, которые указаны в Стратегии сокращения бедности в стране. TACIS осуществляет в Таджикистане свою деятельность по трем направлениям: программа регионального сотрудничества; региональная программа поддержки, осуществляемая на национальном уровне; программа схемы сокращения бедности. В области обеспечения безопасности в Центральной Азии ЕС реализует два больших проекта, которые работают в двух направлениях: 1. БОМКА (Border management in Central Asia); 2. КАДАП (Central Asia Drug assistance program).

Программа БОМКА направлена на содействие странам ЦА в управлении их границами при сохранении баланса между открытостью и безопасностью. Свою деятельность проект начал в 2003г. Для достижения институциональной реформы в управлении границами ЕС выработал следующие механизмы:

- обучение сотрудников управления пограничными службами;
- региональное сотрудничество в сфере управления границами;
- обмен опытом в сфере управления границами среди стран региона;
- распространение информации по управлению границами;
- строительство центров обучения;
- установка совместных контрольно-пропускных пунктов для укрепления совместной работы;
- создание мобильных подразделений пограничного контроля для отдаленных приграничных регионов;
- обучение служебных собак по обнаружению наркотиков;
- профессиональное развитие сотрудников аэропортов;
- стимулирование сотрудничества между местным населением и пограничными войсками;
- предотвращение минирования в приграничных регионах.

БОМКА спонсировала несколько крупных региональных проектов по укреплению инфраструктуры: пропускные терминалы вдоль кыргызско-казахской границы, строительство пограничных и таможенных помещений на отдаленных участках таджикской границы с Афганистаном. В частности, под эгидой БОМКА Туркменистану оказывается помощь по подготовке кадров, формированию инфраструктуры и поставкам оборудования. Программа взаимодействует с Пограничным институтом (создан в январе 2011 года на основании указа президента Туркменистана), Управлением по борьбе с наркотиками, Миграционной службой. В г. Ашхабад также проводятся отдельные мероприятия БОМКА, в том числе региональные конференции и рабочие заседания. Программа БОМСА-9 провела 58 мероприятий, с участием Пограничных ведомств Туркменистана. По итогам мероприятий направлено 28 рекомендаций национальным партнерам Туркменистана через Министерство иностранных дел. При непосредственном участии БОМКА при Агентстве по контролю над наркотиками при Президенте Респуб-

лики Таджикистан построен Учебный центр кинологической службы [7]. ЕС передал Правительству Кыргызстана два построенных пункта пропуска на кыргызско-узбекской (“Карасуу-автомобильный”) и кыргызско-казахской (“Акжол-автомобильный”) границах 14 и 15 апреля соответственно. Новые пункты пропуска официально переданы представителям Пограничной службы и Государственного таможенного комитета Кыргызской Республики. Оба пункта играют важную роль в торговых и транзитных коридорах, соединяющих Кыргызстан с Узбекистаном и Казахстаном. Пункт пропуска на кыргызско-казахской границе обладает самой высокой пропускной способностью в Центральной Азии – в самые оживленные часы работы через него проходят более 20 000 человек и 2000 транспортных средств в сутки, а пункт “Карасуу-автомобильный” находится вблизи крупнейшего в Центральной Азии приграничного рынка¹. В Республике Узбекистан в рамках программы БОМКА было построено два пограничных пункта пропуска (ППП), «Вуадил» и «Маданият», было закуплено оборудование для ППП «Карасуу». Для Комитета по охране государственной границы в Термезе был построен и оборудован Учебный центр. Также в последние годы в Узбекистане были открыты два подразделения по профилированию наркотиков: в Международном аэропорту Ташкента и на железнодорожной станции «Келес». Для этого в рамках программы БОМКА были проведены ремонтные работы и предоставлено необходимое специализированное и офисное оборудование².

В Таджикистане были реализованы ряд проектов, включая пограничный контроль, борьбу с незаконным оборотом наркотиков (БОМКА/CADAP), содействие в вопросах охраны окружающей среды и выполнения обязательств по глобальному изменению климата по Киотскому протоколу, а также технико-экономическое обоснование для ряда участков дороги Термез-Душанбе-Сари Таш. По предложению Еврокомиссии в рамках программы TACIS в Душанбе будет построена Центральноазиатская Академия пограничных войск для обучения офицеров старшего состава. Учитывая,

¹Официальный журнал представительства ЕС в странах ЦА “BusinessMedia”, ул. Желтоксан 12, г. Алматы, Республика Казахстан. 2008г.

²Программа БОМКА передала Комитету по охране государственной границы Узбекистана автомобиль УЗИНФОРМ» (УЗИНФОРМ) – независимый информационный портал Узбекистана.

что угрозы, исходящие со стороны таджикско-афганской границы, являются общими для всех евразийских государств, ЕС осуществляет для укрепления региональной безопасности ряд проектов в рамках двух программ: «Программа содействия управлению границами Центральной Азии» (БОМКА) и «Программа по предотвращению наркотиков в Центральной Азии» (САДАР). Только за последние годы программой БОМКА оказывается помощь в укреплении границ Таджикистана- в укреплении КПП – Нау, Пахтаабад, Хошади, Сохчарев, Пролетар, Фотехобод, Рузвай, Ишкашим, Патар, Тем, Дашти Язгулам, Нульванд, Дарайсанг, Шилз, Сохчарев, Поршенев, Пастхув. Таджикские приграничные международные рынки, прилегающие к международным пунктам перехода, были также отремонтированы в рамках программ БОМКА/КАДАП, включая обеспечение дополнительными крытыми рыночными рядами, водой, базовыми санитарными удобствами. Программой полностью отремонтировано и дополнительно застроено высшее пограничное училище Государственного управления пограничных войск (ГУПВ РТ) на 300 курсантов. Более 800 офицеров Пограничных войск и таможни Таджикистана прошли обучение по пограничному контролю, профилированию и досмотру, правам человека и беженцев, а также основам компьютерной грамотности. Таджикским пограничным войскам и таможне были предоставлены транспорт, рации, генераторы, наборы для обнаружения наркотиков и компьютерное оборудование. Для руководства пограничных ведомств были организованы обучающие поездки с целью ознакомления с управлением границами в Европейском союзе. Программа БОМКА предоставляет помощь Таджикистану в развитии некоторых стратегических пограничных пунктов на севере страны. Так, спроектирован и построен Международный КПП «Патар», находящийся в Ферганской долине, на участке Душанбе-Худжанд-Коканд-Ош. Кроме того, БОМКА оснастил КПП «Патар» и «Фотехобод» специальным оборудованием. Летом 2009 г. в рамках программы БОМКА были завершены ремонтные работы на пограничных заставах «Шидз», «Пастхуф», «Сохчарв» и «Дашти Язгулям». В рамках проекта завершены полномасштабные ремонтные работы на трех погранзаставах: «Нульванд», «Дарайсанг», «Поршенев». В целях обучения, на базе пограничных отрядов в Горно-

Бадахшанской автономной области (ГБАО) и в зданиях других министерств и ведомств, были созданы компьютерные классы с программным обеспечением для самостоятельной подготовки по различным направлениям: предотвращение наркотрафика, отмывание денег и прочие преступления. Для обнаружения наркотических и взрывчатых веществ, задержания подозреваемых в наркотрафике, а также в целях сбора и анализа информации о наркопреступлениях во всех государствах Центральной Азии были созданы Подразделения по профилированию наркотиков. Для этих подразделений программа БОМКА переоснастила соответствующие служебные помещения и обеспечила их необходимыми кадрами и офисным оборудованием, провела серию учебных занятий для личного состава с привлечением международных экспертов.

Программой БОМКА оказана помощь кинологическим службам всех новых центральноазиатских государств. Кинологи, представляющие различные правоохранительные структуры РТ, и их служебные собаки по обнаружению наркотических и взрывчатых веществ прошли обучение в Казахстане и Узбекистане, и в данное время работают на пунктах пропуска и аэропортах по всей стране. В рамках данного компонента в Хороге на базе пограничного отряда был построен питомник для служебных собак, который был полностью оснащен ветеринарными и прочим оборудованием. С целью повышения мобильности и эффективности пограничные войска, ответственные за предотвращение незаконного пересечения границ между КПП, были обеспечены транспортными средствами, высокочастотными средствами коммуникации, генераторами и прочим оборудованием, необходимым для улучшения условий несения службы.

До настоящего времени ЕС выделил в рамках БОМКА 40,1 млн. евро на весь период, охватывающий 2003-2020; из этой суммы 6,6 млн. евро было выделено на девятый этап внедрения (2015-2020). В перспективе ЕС подтвердил свою готовность продолжить сотрудничество с пятью странами - участницами БОМКА в рамках следующего, десятого, этапа программы, который позволит расширить усилия по региональному сотрудничеству с Афганистаном не только для решения вопросов безопасности, но и для содействия трансграничному соединению и развитию торгового потенциала. С этой

целью ЕС обязался выделить 21,75 млн. евро на период 2020-2025 гг. В дополнение к проекту БОМКА в 2010 г. ЕС запустил «Проект содействия управления границей на севере Афганистана» – БОМ-НАФ (Border Management Northern Afghanistan – BOMNAF), направленный на повышение безопасности в приграничных зонах Афганистана, Таджикистана и Узбекистана. Учитывая, что слабо укрепленная афганская граница представляет серьезную угрозу безопасности не только Таджикистана, но всего евразийского пространства, сейчас Афганистану оказывают содействие международные организации по укреплению его границ. На его территории реализуется Программа содействия управлению границами в провинции Бадахшан Афганистана (БОМБАФ). Программа начала работать в афганском Бадахшане в 2007 году и акцентировала внимание на создание военных и полицейских структур для обеспечения безопасности на границе. Проект финансируется Европейским союзом и реализуется ПРООН в Таджикистане. По этой программе оказывается помощь афганским пограничникам в строительстве инфраструктур, КПП и приграничных постов. Программой завершено строительство КПП в Шугнани, Нусайе, Ишкашме. В настоящее время в Ишкашме завершено строительство инфраструктур для штаба пограничных войск Афганистана. Также намечено строительство двух пограничных постов в Шугнани и Нусайе. Программа БОМБАФ реализуется на двух пограничных пунктах – в районе нового моста, построенного Фондом Ага Хана, также планируется строительство нового моста в Ванджском районе. Для афганских пограничников программой предоставляются вездеходы, компьютерное оборудование, приборы ночного видения и средства связи для деятельности пограничных структур, проводится обучение афганских пограничных полицейских.

Борьба с наркотрафиком так же является приоритетной сферой деятельности ЕС в Центральноазиатском регионе. Реализацией проекта по борьбе с наркотиками в регионе занимается программа КАДАП. Программа КАДАП состоит из трех компонентов: ДАМОС (повышение знания о наркоситуации в стране), ТРИТ (поддержка введения современных систем лечения наркозависимости) и МЕДИССА (профилактика наркопотребления, повышение осведомленности и повышение доступности лечения). Основной целью

программы КАДАП является принятие успешных международных практик по борьбе с наркотиками и внесение вклада в снижение проблем, связанных с наркотиками в пяти центральноазиатских республиках [7]. В рамках своей работы КАДАП предоставила аэропортам и КПП оборудование по обнаружению наркотиков, юридическую помощь, обучение для центральноазиатских ведомств по борьбе с наркотиками и обучение служебных собак по обнаружению наркотических средств [2]. В рамках программы КАДАП в аэропорту г. Худжанда было создано первое межведомственное подразделение по наркопрофильтрованию (ПНП). Подразделение было оснащено современным оборудованием, а персонал прошел соответствующее обучение. В рамках программы при Министерстве здравоохранения был создан и технически оснащен Ресурсный центр для сбора и обмена неконфиденциальной информации по спросу и предложению на наркотики.

Важное значение для укрепления национальной безопасности Таджикистана имеет помощь, оказываемая Офисом Европейской Комиссии по гуманитарной помощи (ЕЧНО). За последние несколько лет ежегодные программы в Таджикистане охватили следующие секторы гуманитарной помощи: продовольственная помощь, помощь сельскому хозяйству, поставка медикаментов, медицинское обучение и образование в области сохранения здоровья, помощь по очистке и строительству гидросооружений и созданию необходимых санитарных условий и т.д.

Кроме вышеуказанной помощи, Еврокомиссия профинансировала проект, включающий обследование участков, которые предположительно являются заминированными, а также обучение таджикских саперов и контролеров. На севере Таджикистана в хвостохранилищах накопилось около 240 миллионов тонн отходов, в том числе 50 млн. тонн – радиоактивных. Из них в нормальном состоянии захоронено всего одно, которое находится непосредственно в городе Чкаловске. Остальные находятся в открытом виде. Для решения этой проблемы специалисты ОБСЕ завершили проект по обследованию этих хвостохранилищ. ОБСЕ и другие международные организации будут реализовывать эту программу поэтапно и, тем самым, будут содействовать устранению серьезной угрозы региональной безопасности.

Таким образом, в отношениях с Таджикистаном и с другими государствами Центральной Азии Евросоюз отдает приоритет двум подходами – развитию двустороннего взаимодействия ЕС – государства региона и сотрудничеству в рамках ОБСЕ. При этом усиливается диалоговый формат ЕС+5ЦА. Анализ проектов в Центральной Азии, реализованных в рамках европейской стратегии, показывает, что ЕС всегда учитывал геополитические реалии стран. Важно то, что Евросоюз не пытается навязать государствам региона решения по различным региональным проблемам, а стремится найти со странами Центральной Азии совместные решения региональных проблем. Вышеизложенные факты служат ярким подтверждением того, что ЕС заинтересован в усилении своих позиций в ЦА и в поддержании региональной безопасности с учетом существующих геополитических реалий.

Литература

1. Губайдуллина М.Ш. Некоторые итоги реализации региональной Стратегии ЕС для Центральной Азии (2007-2013гг.) // Вестник КазНУ. Серия: международные отношения и международное право. – 2014. – №1(65). – С.3-9.
2. Джордж Гаврилис. Программа БОМКА: содействие ЕС в управлении границами в Центральной Азии // EUCAM EU-CENTRAL ASIA MONITORING. – 2009. – №11. – дек.
3. Колесникова Л.С. Новая стратегия Европейского Союза в Центральной Азии и её влияние на евроазиатскую интеграцию // Постсоветские исследования. – 2020. – №2.
4. Малышева Д. Европейский союз в Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. – 2018. – №2. – С. 54-63.
5. Официальный сайт Европейской комиссии. URL: InternalSecurity. http://europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/internal-security_en
6. Панфилова В. Евросоюз презентовал в Бишкеке новую стратегию для ЦА. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1562642400>
7. Солиев Р.А. Сотрудничество между Республикой Таджикистан и Европейским союзом в образовательной сфере // Ученые за-

- писки Худжандского государственного университета им. акад. Б.Гафурова. Гуманитарные науки. –2018. –№2 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-mezhdu-respublikoy-tadzhikistan-i-evropeyskim-soyuzom-v-obrazovatelnoy-sfere> (дата обращения: 14.05.2021).
8. Spaiser Olga Alinda. The EU as a security actor in Central Asia: Minor but not Marginal // L'Europe en Formation, –2015/1 (№375). –Р.83-105. DOI: 10.3917/eufor.375.0083. URL: <https://www.cairn.info/revue-l-europe-en-formation-2015-1-page-83.htm>
9. Project News: Border management programme in Central Asia concluded its 9th phase The International Centre for Migration Policy Development. URL: <https://www.icmpd.org/news-centre/news-detail/project-news-border-management-programme-in-central-asia-concluded-its-9th-phase/>

ДОКТРИНА «ДВОЙНОЙ ЦИРКУЛЯЦИИ» КИТАЯ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ НА ТАДЖИКСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Шамсуддинов М.А.

Магистрант направления подготовки «Зарубежное регионоведение» Российско-Таджикского (Славянского) университета

КНР в своей новейшей истории прошла три этапа экономического развития, которые были связаны друг с другом: 1949-1979, 1979-2017, начало 2017 г. – по настоящее время.

На первом этапе (1949-1979) КНР мобилизовала все народные силы под лозунгом «Опора на собственные силы и упорная борьба» для развития страны в условиях изолированности экономики Китая от мировой [4]. Но на данном этапе были совершены просчёты, которые были достаточно не рациональными, что привело к большому перенапряжению в обществе и даже к трагическим последствиям во время так называемого «Большого скачка», в основе которого лежала идея индустриализации за очень короткое время [12]. Впоследствии ошибки первого этапа построения модели развития были учтены на следующих этапах развития.

С конца 70-ых годов КНР переходит на новую модель экономического роста. Этот этап проходил под лозунгами новый «Великий поход» и в общем получил название «национальная кампания реформ и открытости». Основоположником этих реформ был лидер «второго поколения» руководителей Дэн Сяопин. В основе этих реформ лежали «инновационные» шаги, которые включали в себя либерализацию экономики и частичные политические реформы в управлении [4]. Данная модель была экспортно-ориентирована и нацелена на быстрый рост ВВП страны. В основе этой модели лежала дешёвая китайская рабочая сила, которая должна была стать привлекательной для зарубежных инвесторов и выступить основой политики выстраивания глобальных цепочек поставок через КНР. Другим китом, на котором стояла эта модель, была достаточно дешёвая продукция, производимая в КНР. Относительно дешёвая продукция была очень конкурентной на мировом рынке, что сделало китайские товары по всему миру высоко конкурентноспособными. Стоило бы подчеркнуть, что успех китайских товаров на миро-

вом рынке был отчасти связан с тем, что более развитые страны (такие, как США, Япония, Европа) отказались от производства широкого спектра товаров для разных рынков сбыта и перешли на производство высококачественной продукции. Всё это вкуче привело к тому, что КНР стала одним из мировых центров производства и экспортно-ориентированной экономики. Немаловажным в развитии этой экономической модели КНР был китайский менталитет. Кроме «трудовой этики» в конфуцианстве, о котором так много говорится, стоило бы подчеркнуть и стремление китайцев к хранению средств. Китайцы заработанные деньги хранили в депозитах, что дало государству капитал для инвестиций в развитии. Вся эта достаточно эффективно выстроенная модель дала колоссальный экономический рост. В страну буквально «хлынули» инвестиции, и началось строительство огромных производственных предприятий. Вся эта модель была успешной и вывела КНР в лидирующие позиции в мировой экономике, а также улучшило благосостояние страны в течение четырёх десятилетий [4].

Данная модель развития и такая экономическая политика были достаточно успешными вплоть до начала 2000-х годов. Затем исчерпанность данной модели развития стала всё более проявляться. Исчерпанность данной модели проявилась в том, что дешёвая рабочая сила в Китае стала намного дороже относительно начала реформ, а рабочая сила в соседних странах стала намного привлекательнее для инвесторов, так как была относительно дешёвой. Другой стороной исчерпанности модели был относительный спад конкурентоспособности китайских товаров на мировом рынке. Это было связано как с удорожанием рабочей силы в КНР, которая сказалась на цене китайских товаров, так и с улучшением качества этих товаров, что так же сказалось на цене. В КНР постепенно приходили к выводу, что для дальнейшего развития в будущем требуется лидерство в технологической сфере, а это требовало изменения модели развития для инновационного развития страны. Это также требовало более качественного подхода к росту, а не количественного, что было присуще модели эпохи «открытости и реформ». Всё это и потребовало изменения модели экономического роста, став основой изменения фокуса развития.

Первой вехой на этом пути был мировой финансовый кризис 2008-2009 гг., который подтолкнул Китай на размышления об уязвимости экспортно-ориентированной экономики и поиски новых моделей экономического роста, в том числе ориентированных на внутренний рынок [9]. Это послужило предпосылкой для концепции «двойной циркуляции». Фактически Китай стал менять свою стратегическую модель развития именно с этого момента, когда новым направлением развития стал постепенный переход от экономики, основанной на производстве, экспорте и инвестициях, к экономике, основанной на высоких технологиях, инновациях и извлекающий выгоду из своего потребительского потенциала [4]. Данные Национального бюро статистики показывают, что доля экспорта в ВВП Китая снизилась с 63 процентов в 2006 году до 33 процентов в 2019 году, то есть на 30 процентных пунктов за тринадцать лет [4].

Стоило бы подчеркнуть, что некоторые эксперты в сфере международных отношений считают, что основным фактором перехода КНР на новую модель развития стали отношения с США, которые стали деградировать и переходить на рельсы конфронтации после прихода администрации Дональда Трампа к власти, начавшегося торговые войны с КНР. Автор статьи не относится к числу этого фронта мнений, считая изменения и переход на новую экономическую модель развития в КНР логическим процессом, продиктованным, в первую очередь, внутренней логикой развития. Конечно, отношения с США после прихода президента Трампа очень повлияли на переход на новую модель развития, но этот фактор не является решающим и единственным. Как было сказано выше, изменений в экономической политике требовали исчерпанность старой модели развития и востребованность в новых технологиях и инновациях.

Системный переход на новый этап развития начался в 2017 году, а точнее после XIX съезда КПК, где председатель Си в своём докладе провозгласил новый этап в развитии современного Китая под лозунгом «социализм с китайской спецификой в новой эре» [3]. Можно сказать, что основные тезисы этого съезда тесно связаны с дальнейшей концепцией «двойной циркуляции». В своём выступлении на съезде одним из приоритетов в политике КПК председатель Си обозначил борьбу с бедностью, а также улучшение каче-

ства и продолжительности жизни населения. Он поставил эти задачи выше темпов экономического роста ВВП (что лежало в основе предыдущей модели развития) и провозгласил переход к качественному росту и снижению неравенства [3]. Планировалось ускорить создание общенациональных систем пенсионного и медицинского обеспечения, развернуть борьбу с поставками некачественных лекарств, расширить доступ населения к образовательным услугам, развернуть программу по борьбе с бедностью. Это по сути является практическими шагами по стимулированию спроса внутреннего рынка, что более ярко проявилось в концепции «двойной циркуляции».

Другим важным тезисом председателя Си в ходе съезда был акцент на развитие «инноваций». В его докладе слово «инновации» было употреблено более 50 раз [3]. С этого момента акцент на развитие новых технологий, в которых КНР видит источник экономического роста в будущем стал очень серьезным. Развитие инноваций стоит в центре новой модели развития, которое также проявилось в дальнейшем в концепции «двойной циркуляции». Таким образом, автор статьи считает, что председатель Си на XIX съезде КПК дал старт началу постепенного системного перехода на новую модель развития.

Все эти предпосылки и послужили причиной провозглашения концепции «двойной циркуляции», хотя триггером, конечно же, послужила торговая война с США. Но опять-таки, стоило бы подчеркнуть, что торговая война с США не основная и не единственная причина. После победы и прихода к власти в Вашингтоне администрация Дональда Трампа обрушилась на КНР с претензиями. Эти претензии привели к практическим шагам и дали старт началу «торговой войны» между США и КНР. Вашингтон начал проводить протекционистскую политику против КНР и вводить беспрецедентные санкции против КНР [7]. Кроме пошлин на китайские товары, США стали также обвинять КНР в «несправедливых» практиках и краже интеллектуальной собственности, вплоть до принудительной передачи технологий [7]. Это впоследствии послужило причиной попыток изоляции КНР в глобальной технологической сфере, чтобы не дать ей достичь лидерства в этой сфере. Проблема развития технологий, как мы увидим дальше, стала одной из основ-

ных задач концепции «двойной циркуляции». Другими претензиями по отношению к КНР были поддержка так называемых «национальных чемпионов» (Государственные компании) и выделение им особых привилегий, протекционистская политика КНР по ограничению своего рынка, а также денежная политика КНР (спекуляции с юанем) [7]. Другим триггером перехода к концепции «двойной циркуляции» послужила разразившаяся пандемия коронавируса. Это подтолкнуло КНР ускорить переход к новой модели развития с упором на свои внутренние ресурсы, так как внешний мир стал менее предсказуемым [1].

Ответной реакцией на начатые США «торговые войны» было выдвижение концепции «двойной циркуляции» [8]. 14 мая 2020 в ходе заседания Политбюро ЦК КПК Председатель Си Цзиньпинь выдвинул новые идеи экономического развития. В октябре 2020 г. 5-й пленум ЦК КПК 19-го созыва утвердил рекомендации по составлению 14-го пятилетнего плана социально-экономического развития Китая на 2021–2025 гг. и выработке долгосрочных целей до 2035 г. на основе «двойной циркуляции». В марте 2021 г. эти планы были одобрены на сессии Всекитайского собрания народных представителей. Новая стратегическая концепция превратилась в руководство к действию в течение одного года [8].

В основе стратегии «двойной циркуляции» лежит идея опоры не только на внешний фактор в развитии экономики, но в первую очередь на свой внутренний потенциал роста. Внешняя и внутренняя циркуляции должны быть тесно взаимосвязаны [1]. Так, китайская газета «Женьминь Жибао» приводит разъяснения председателя Си: «Китай является крупнейшим потребительским рынком с наибольшим потенциалом, у которого есть большие возможности для роста... Но содействие крупномасштабной и бесперебойной внутренней циркуляции поможет успешнее привлекать глобальные ресурсы, удовлетворять внутренние потребности, ускорять промышленное и технологическое развитие, а также создавать новые преимущества в глобальном экономическом сотрудничестве и конкуренции» [2]. Из этих слов делается вывод, что на нынешнем этапе развития основной упор будет делаться на внутренний рынок.

В основе развития и упора на внутренний рынок лежат следующие задачи: 1) стимулирование внутреннего спроса, 2) создание

полностью внутренних цепочек поставок, 3) достижение большой степени независимости в стратегических секторах экономики. Для достижения этих задач требуются большие реформы в разных сферах экономики и общества и большие инвестиции. Центральным звеном всех этих изменений является огромное китайское население. Отныне это огромное население должно обеспечивать спрос на потребление, а не дешёвую рабочую силу, как это было прежде [1]. Такое стимулирование должно быть достигнутым системными изменениями в социальной сфере посредством улучшения качества жизни. В четырнадцатом пятилетнем плане на 2021-2025 годы на улучшение качества жизни населения в таких сферах, как здравоохранение и образование, делается основной упор [1]. В планах – улучшение уровня жизни населения, борьба с бедностью (в чём Китай добился успеха), увеличение населения, живущего в городах. Реформы уже начаты: власти ослабляют систему прописки граждан, которая привязывает их к месту, где они зарегистрированы, ведь только там они могут получать соцобслуживание. Поэтому на протяжении многих лет жизнь гастарбайтеров в больших городах была крайне нелегкой. Теперь же система станет более гибкой для населения страны [1]. Все эти изменения в жизни общества должны привести к стимулированию спроса на потребление в стране и обеспечивать рост и развитие.

Создание полностью внутренних цепочек поставок председатель Си назвал вопросом национальной безопасности [1]. Во время дискуссий в КНР о дальнейших шагах по развитию страны были высказаны разные точки зрения. Прозвучали позиции, согласно которым Китай должен продолжать делать основной акцент на «международную циркуляцию». Другие эксперты в свою очередь предложили в долгосрочной перспективе частичный выход из некоторых секторов мировой экономики, чтобы развивать эти сектора на внутреннем секторе и стать более полноценным и независимым. В итоге был выбран комбинированный подход, принципы, которого выдвинул бывший советник Народного Банка Китая, профессор Юй Юдин. По его мнению, Китай должен направить свой основной фокус на высокотехнологическое производство и создание цепочек поставок на внутреннем рынке [9]. В связи с этим в КНР предпринимают шаги по развитию внутренних цепочек поставок, особенно

в сфере высоких технологий, чтобы меньше зависеть от внешних разработок. В КНР в последние несколько лет делают огромный вклад в сферу НИОКР (Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы). Доля расходов Китая в этой сфере в 2020 году достигла рекордного уровня, составив 2,4 проц. от общего ВВП, увеличившись на 0,16 п.п. относительно предыдущего отчетного периода, свидетельствуют данные Государственного статистического управления КНР. Согласно данным Министерства науки и технологий и Министерства финансов КНР, затраты Китая на НИОКР в прошлом году составили 2,4 трлн юаней (около 377,7 млрд долл. США), что на 10,2 проц. или на 224,95 млрд юаней больше, чем в 2019 году [6]. Также в 2020 году власти КНР объявили о налоговых послаблениях для производителей полупроводников и программного обеспечения, необходимых для производства электроники. На данный момент Китай потребляет около 30% полупроводников, которые производит сам, а к 2025 году показатель должен достичь 70% [1]. Все эти шаги свидетельствуют о стремлении КНР к обеспечению внутренних цепочек поставок.

Третья задача «двойной циркуляции» зависит от выполнения двух первых, так как независимость в стратегических секторах экономики будет держаться на внутреннем спросе и самостоятельном обеспечении производственными цепочками.

Концепция «двойной циркуляции» будет, конечно, отражаться и на внешних партнёрах КНР, на их отношениях и взаимодействии, в частности на отношениях КНР с Республикой Таджикистан. Стоило бы напомнить, что Республика Таджикистан и КНР являются стратегическими партнёрами [11]. Так охарактеризовал отношения между странами Лидер Нации, Президент РТ уважаемый Эмомали Рахмон: «Мы отмечаем высокий уровень политических, экономических и культурно-гуманитарных связей между нашими странами. Ключевую роль здесь играют встречи руководителей наших государств, определяющих стратегию общего развития двусторонних отношений. Открытость, взаимное уважение и доверие стали основой двусторонних отношений» [10]. Международно-правовые основы таджикско-китайских отношений составляют более двух сотен соглашений и документов [11]. В начале третьего десятилетия XXI века отношения КНР и РТ переходят на новый качественный

уровень. Это проявляется в сопряжении Национальной стратегии развития Таджикистана-2030 и китайской инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП), а также в повышении уровня политического, экономического, военного, культурного взаимодействия [11]. В июне 2019 г. на совместном заявлении главы государств Таджикистана и КНР подчеркнули, что оба государства стремятся к укреплению дружбы и созданию Сообщества единой судьбы человечества, а также будут содействовать углублению сопряжения инициативы «Один пояс – один путь» и Национальной стратегии развития Таджикистана до 2030 г. [5] КНР является основным инвестором РТ в разных сферах таджикской инфраструктуры. КНР инвестирует в развитие коммуникационной стратегии РТ, в развитие и прокладку электросети в Таджикистане, в строительство энергетических объектов и создание индустриально-аграрной экономики [11].

Концепция «двойной циркуляции» КНР будет влиять на внешнюю политику страны в разных регионах мира, в том числе и в Центральной Евразии. Это означает, что КНР вступает в новый этап экономического взаимодействия со странами ЦА и с Республикой Таджикистан в частности. Как уже было сказано выше, одним из важных приоритетов концепции «двойной циркуляции» будет открытие внутреннего рынка КНР внешнему миру и привлечение инвестиций. Такая стратегия будет применена и касательно стран ЦА. Так как производительность стран ЦА не находится на достаточно конкурентноспособном уровне (как в количественных, так и в качественных отношениях) и вообще страны региона не обладают «развитыми экономиками», им не обязательно пытаться охватить огромные финансовые пространства большого китайского рынка. Даже небольшая доля в некоторых секторах китайской экономики даст странам региона огромные выгоды [11]. Это касается и Республики Таджикистан. Таджикистан может получить ещё более открытый доступ к китайскому рынку для сбыта своих товаров. Стоило бы отметить, что КНР является третьим торговым партнёром РТ, после РФ и Казахстана [11]. Основной объём в торговле приходится на импорт из КНР, что связано с недостаточно развитой экономикой РТ. Но, как было сказано выше, даже маленькая доля в каких-либо секторах китайской экономики может принести большие выгоды РТ. Стратегия «двойной циркуляции» может поз-

волить наращивать экспорт Таджикистана на китайский рынок. Таджикистан намерен получить доступ к внутреннему рынку Китая для поставки экологически чистой таджикской сельхозпродукции (фруктов, овощей, орехов, хлопка) [11]. Вместе с тем, эксперты опасаются, что стратегия «двойной циркуляции» может повлечь за собой и негативные последствия. КНР может использовать доступ к своему рынку, как рычаги давления на страны региона, получая от этого политические дивиденды [11]. Принятие в КНР концепции «двойной циркуляции» может влиять на отношения с Республикой Таджикистан «незначительно». Это влияние может быть как позитивным, так и негативным.

Литература

1. Двойная циркуляция. Зачем Китаю высокие зарплаты и новые технологии. URL: <https://ria.ru/20210605/kitay-1735770770.html>
2. Китайская стратегия двойной циркуляции грозит РФ новыми санкциями. URL: https://www.ng.ru/economics/2020-11-05/1_8006_china.html
3. Новый курс: некоторые выводы из выступления Си Цзиньпина. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyy-kurs-nekotorye-vyvody-iz-vystupleniya-si-tszipina/?sphrase_id=87607847
4. Отступает ли Китай? Понять «двойную циркуляцию», чтобы избежать двойной путаницы. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/otstupayet-li-kitay-ponyat-dvoynuyu-tsirkulyatsiyu/>
5. Посол Китая в Таджикистане – о пандемии, безопасности и таджикско-китайском сотрудничестве. URL: <http://www.toptj.com/News/2020/10/23/posol-kitayav-tadzhikistane-%E2%80%93-o-pandemii-bezopasnostii-tadzhiksko-kitayskom-sotrudniche>
6. Расходы Китая на НИОКР достигли новых высот. URL: http://russian.news.cn/2021-09/25/c_1310208863.htm
7. Торговая война США и Китая: экономические причины и последствия. URL: <https://www.eurasian->

- research.org/publication/us-china-trade-war-economic-causes-and-consequences/?lang=ru
8. Циркуляция против изоляции. URL: https://globalaffairs.ru/articles/czirkulyacziya-protiv-izolyaczii/#_ftn2
 9. Что означает и куда ведет «двойная циркуляция» Китая? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-oznachaet-i-kuda-vedet-dvoynaya-tsirkulyatsiya-kitaya/>
 10. Эксклюзив: Таджикистан и Китай являются близкими соседями и надежными партнерами – Р.Эмомали. URL: http://russian.news.cn/2021-12/30/c_1310401950.htm
 11. Maitdinova G. Tajik-Chinese relations in formation of the polycentric world. – 2021. – №4(4). – P.255-264. URL: http://Postsovetskie_issledovaniya=Post-Soviet_Studies (In Russ.)
 12. China's Agricultural Crisis and Famine of 1959–1961: A Survey and Comparison to Soviet Famines. URL: <https://link.springer.com/article/10.1057%2Fces.2008.4>

"МЯГКАЯ СИЛА" РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ

Нуров М.

Магистр международных отношений, соискатель кафедры зарубежного
регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского
(Славянского) университета

Глобализационные мировые процессы, происходящие достаточно стремительно в период второго десятилетия XXI века, особенно сильно чувствуются во всех сферах жизнедеятельности Республики Таджикистан. Перед государством появляются новые вызовы и угрозы. Одной из таких угроз можно считать информационную, которые усложняются ввиду развивающихся информационных технологий по всему миру. «Мягкая сила» – это форма внешнеполитической стратегии, предполагающая способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жёсткой силы», которая подразумевает принуждение. По словам введшего этот термин американского политолога Джозефа Ная, язык и культура государства — это «мягкая сила», которая играет ключевую роль в международных отношениях, влияя напрямую или косвенно на мировую политику и деловые связи. Одной из предшественниц концепции «мягкой силы» была концепция «культурно-идеологической гегемонии», которая была разработана итальянским философом Антонио Грамши в 1930-х годах в «Тюремных тетрадах». Она получила широкое распространение в кругах западноевропейских и американских неоконсерваторов. Идея использовать «мягкую силу» для установления власти восходит к древнекитайским философам, таким как Лао-цзы, живший в VII веке до н.э. Ему принадлежит высказывание: «В мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет». Самым наглядным примером «мягкой силы» является женская привлекательность, в отличие от мужской «жёсткой силы».

Появление термина «мягкая сила» в современном мире обусловлено закономерностью изменения общественно-политических систем, развития технологий, в том числе и информационных, слож-

ностью достижения экономических целей путем конфронтации и военного вмешательства. В условиях острой конкуренции между государствами в области экономики, политики и идеологии каждое государство старается лоббировать свои интересы и амбиции. Основные центры власти в мире стараются использовать концепцию «Мягкой силы» в этих целях. К инструментам воздействия «Мягкой силы» можно отнести традиционные средства массовой информации (телевидение, радио, газеты), современные средства массовой информации (интернет, социальные сети, интернет-радио, мобильные приложения, мессенджеры, новостные и развлекательные интернет-порталы), средства культурного воздействия (театр, кинематограф, литература, искусство, музыка, субкультуры). Также можно с полной уверенностью отнести к инструментам мягкой силы экономические, идеологические способы. Наглядным примером может служить новое поколение молодежи, которое более социализировано через данные технологии. Все молодые люди имеют как минимум 1 электронный гаджет с выходом в интернет, со скачанными мессенджерами и аккаунтами в популярных социальных сетях.

Эффективное использование информационных технологий играет важнейшую роль во всех сферах деятельности государства. В XXI веке невозможно представить жизнь без интернета, мобильных устройств и другой высокотехнологичной электроники. Хотя и проникновение ИТ (Информационных Технологий) в Таджикистане находится только на средней своей стадии, но его значимость, важность и эффект уже осознается нами. На ИТ держится большая часть делопроизводства всех видов организаций, почти каждый гражданин старше 16 лет имеет мобильный телефон, который позволяет получать и делиться информацией через разнообразные программы и интернет-платформы, звонить друзьям и близким в любую точку мира. Соответственно, имея возможность использовать «Мягкую силу» в киберпространстве, государство улучшает свой имидж как внутри страны, так и вне ее.

Основным показателем «Мягкой силы» государства является его имидж. Имидж страны – это эмоционально окрашенный образ страны, целенаправленно формируемый в общественном сознании средствами рекламы, пропаганды и т.д. В основе имиджа стран лежат национальные образы-символы, связанные с географическими,

цивилизационными, историко-культурными, этно-религиозными особенностями.

Общая структура имиджа страны следующая:

- Внешний имидж – представление о стране, которое складывается у населения других государств.

- Внутренний имидж – представления страны о себе, которые включают: национальную идентичность, статус государства в международной среде, ситуативные образы, привносимые правящей элитой, которые транслируются широкой общественности.

Имидж страны включает в себя ряд основных элементов:

- имидж власти;
- имидж экономики;
- имидж Вооруженных Сил;
- внешнеполитический имидж;
- восприятие гражданами образа своей страны;
- имидж информационной политики государства.

Формирование положительного образа государства является наиболее важной составляющей в вопросах модернизации общества, что обусловлено рядом обстоятельств. Образ государства — это сложный и многогранный феномен. Он развивается под воздействием различных факторов. Образ государства — это своего рода зеркало политических, социальных, культурных взаимоотношений граждан государства с законодательными, государственными и другими органами власти. Наряду с внешнеполитическим аспектом проблемы формирования образа Республики Таджикистан существует еще и внутривнутриполитическая сторона вопроса. В своем стремлении получить наиболее точную и достоверную информацию современный индивид склонен использовать различные источники, сопоставлять противоречивые оценки, обращаться к мнению экспертов, обсуждать и высказывать собственные суждения, то есть играть активную роль в данном процессе. Анализ политической ситуации показал, что не менее важной составляющей в формировании положительного имиджа государства является его позиционирование на уровне информационного пространства. Ведь последние годы характеризовались активным развитием именно компьютерно-информационных технологий. К настоящему времени практически все сферы общественной жизни подверглись информатизации.

Чтобы узнать об имидже страны в новых медиа (нетрадиционные СМИ), достаточно зайти в самые популярные поисковые системы в мире. Таковыми являются в первую очередь google.com и популярная среди русскоязычных пользователей поисковая система yandex.ru. В число популярных мировых поисковых систем также входят yahoo.com и bing.com.

Почему уровень имиджа РТ в нетрадиционных СМИ нужно искать в первую очередь в поисковых системах, ведь в разряд нетрадиционных СМИ входят не только веб-сайты и социальные сети? Ответ прост. Поисковые системы наподобие google.com – это не просто сайт для поиска нужной информации. Это сложная система, алгоритм для поиска, анализа, сбора и хранения всей информации, которая попадает в нее и далее выдается в качестве ответа пользователям, которые задают тот или иной вопрос. Все цифровые носители информации – от мобильных телефонов до компьютеров и веб-сайтов – так или иначе связаны с поисковыми системами, а значит любой оператор оставляет постоянно определенные данные в нем через выше упомянутые устройства.

Чтобы иметь хотя бы минимальное представление о том, каков имидж нашей страны в интернете, достаточно ввести в поисковую систему слово «Таджикистан» и увидеть, что еще ищут люди с этим ловом. Ниже список данных поисковых запросов.

Ключевые поисковые запросы со словом «Таджикистан» в русскоязычном сегменте интернета:

- Таджикистан новости сегодня
- Душанбе Таджикистан
- Таджикистан видео
- Таджикистан президент
- Таджикистан интересные места
- Таджикистан музыка
- Таджикистан карта

Ключевые поисковые запросы со словом «Таджикистан» в англоязычном сегменте интернета:

- DushanbeTajikistan
- Tajikistanpeople
- Tajikistanreligion
- Tajikistanlanguage

- Tajikistanculture
- Tajikistantourism
- Tajikistanpopulation
- Tajikistanpronunciation

Как видно, в русскоязычном сегменте всемирной поисковой системы доминируют запросы информационно-политические, тогда как в англоязычном туристические и культурные запросы.

Стоит отметить, что имидж страны в нетрадиционных СМИ зависит в первую очередь от качества публикуемого контакта в электронных носителях (сайты, странички, блоги, социальные сети). Уникальность текста, фотографий, видео и их качество играют важнейшую роль в продвижении имиджа страны в поисковых системах, т.к. только эти критерии помогают информации пробиваться на первые страницы поисковых ответов.

Задача поиска, каталогизирования и ранжирования информации в интернете лежит на поисковом «пауке» и поисковой системе. Каждая новая информация в интернете попадает в поисковую машину, где, исходя из более чем 700 критериев, ранжируется. Поэтому более качественно изготовленная и представленная информация выводится на ответы пользователям выше и чаще, чем некачественная.

Бренд как часть имиджа

К самым наглядным примерам действенных мер для улучшения имиджа страны в виртуальном пространстве стоит отнести меры Российской Федерации в данной сфере. РФ, как и другие технологически развитые страны, ведет активную деятельность, направленную на улучшение общественного мнения как о самой стране, так и о ее регионах, культуре, экономике. Среди таких мер можно отметить то, что многие регионы РФ имеют свой фирменный стиль, как часть национального брендинга, а также качественные и полезные веб-сайты, сервисы, где можно получить нужный контент.

Новые подходы и инструменты «Мягкой силы» Республики Таджикистан в киберпространстве. Республика Таджикистан, как и другие страны региона и мира, тоже старается активно развиваться и внедрять передовые методы достижения своих внутривнутриполитических и внешнеполитических целей посредством «мягкой силы». Государство находится только на начальном своем пути проб и

ошибок, достижений и исправления недостатков. Если государство старалось в первых двух десятилетиях после обретения независимости продвигать свою «мягкую силу» исключительно традиционными методами, то сейчас особое внимание уделяется киберпространству.

С появлением сети Интернет была создана новая информационно-коммуникативная среда, которая была и остается доступной наиболее активной, информированной и требовательной части общества. Интернет-аудитория имеет выраженную тенденцию к увеличению и представляет собой большой интерес в качестве фактора формирования общемирового общественного мнения. В создании имиджа государства Интернет предоставляет фактически равные возможности разным политическим акторам, то есть все заинтересованные субъекты имеют возможность влиять на имидж государства.

Один из наиболее важных аспектов возможностей влияния киберпространства, то есть интернета, на общественное сознание заключается в отображении реального государства в его виртуальном имидже. Разумеется, интернет-пространство не может вобрать в себя всю сложность и многогранность происходящих в государстве процессов и событий в неизменном виде. Но в сравнении с традиционными СМИ, многие из которых представлены в Сети, интернет-пространство дает возможность ознакомления с наиболее широким спектром различных мнений, восприятий и представлений, фактов и новостей о том или ином государстве.

Республика Таджикистан в лице государственных институтов и учреждений является мощнейшим генератором продвижения «мягкой силы» страны как внутри страны, так и вне ее. За последнее время активизировалась деятельность государственных сайтов, страничек в социальных сетях, онлайн-изданиях и прочих площадках нетрадиционных СМИ. Данную тенденцию можно считать одним из новых подходов, которому следует государство. Хотя активность пресс-служб и отдельных личностей государственных структур усиливается, большая часть государственных сайтов не используют свои возможности в полной мере.

Среди самых активных сайтов государственных структур можно отметить:

- President.tj – Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. Обновляется постоянно, модерзируется, имеет интерактивный функционал и много уникальной информации.

- mfa.tj – Официальный сайт МИД РТ. Обновляется постоянно, модерзируется, имеет интерактивный функционал и много уникальной информации.

- nbt.tj – Сайт НБТ РТ. Обновляется постоянно, модерзируется, имеет интерактивный функционал и много уникальной информации.

- andoz.tj – Сайт Налогового комитета РТ. Обновляется постоянно, модерзируется, имеет интерактивный функционал и много уникальной информации.

- mvd.tj – Сайт МВД РТ. Обновляется постоянно, модерзируется, имеет интерактивный функционал и много уникальной информации.

- khovar.tj – Сайт государственного информационного агентства. Обновляется постоянно, модерзируется, имеет интерактивный функционал и много уникальной информации.

Пожалуй, одним из самых эффективных инструментов является культура, особенно популярная культура. Республика Таджикистан имеет огромные возможности в распространении «Мягкой культурной силы» ввиду того, что таджикская культура и общество может контактировать как со странами бывшего Советского Союза, так и с восточными странами. За последние годы представители Таджикистана успешно представляли страну в разных музыкальных, спортивных, интеллектуальных и прочих проектах. В интернете все больше и больше появляются известные медиа-персоны из Таджикистана с большим числом поклонников. То есть вклад гражданского общества в продвижение «мягкой силы» в киберпространстве государства год за годом увеличивается. Данный факт можно считать одним из новых подходов и инструментов продвижения «мягкой силы».

Другим инструментом продвижения «мягкой силы» является туризм. Особенно в условиях Таджикистана, где много гор, красивой природы и достопримечательностей. Визитной карточкой Республики Таджикистан являются такие направления туризма, как экотуризм, экстремальный туризм, медицинский туризм, исторический

туризм. Данные направления рекламируются в интернете активно как государственными структурами, так и частными туристическими компаниями. Всё это дает свой позитивный отклик в продвижении «мягкой силы», так как делается постоянный вброс позитивной информации в просторы киберпространства.

«Мягкая сила» – это важная составляющая стремления государства к решению тех или иных внешнеполитических и внутривнутриполитических задач в киберпространстве. Это обусловлено скоростным развитием информационных технологий в мире. Республика Таджикистан находится только на ранней стадии развития и внедрения передовых подходов к продвижению «мягкой силы» в киберпространстве. Предприняты значительные шаги как в законодательной сфере, так и в практических направлениях. При этом есть и неосвоенные перспективы, требующие особенного внимания в сферах развития информационно-коммуникационных технологий, внедрения новых стандартов дизайна и имиджирования государственных институтов и самого государства.

Киберпространство – это нефизическое пространство, которое постоянно изменяется, технологии в нем постоянно улучшаются и совершенствуются. Государства, которые поспевают за данными изменениями, будут стоять в авангарде развития «Мягкой силы», продвигая свои интересы и геополитические возможности. Республика Таджикистан, имея огромные перспективы развития в данной сфере, не должна отставать от таких трансформаций, необходимо готовить новые узкопрофильные кадры, которые будут следовать новым подходам и инструментам «мягкой силы» государства в киберпространстве.

Литература

1. Астафьева Е.М. Жесткое влияние «Мягкой силы» // Общерегionalные проблемы развития. –М., 2009. –С.17-27
2. Байчик А.В., Никонов С.Б. Ноополитика как глобальная информационная стратегия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. востоковедение. журналистика. – 2012. – №1. –С.207-213.URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17671609>

3. Байман З. Индивидуальное общество. –СПб., 2002.
4. Байман З. Текучая современность – СПб.: Питер, 2018.
5. Най С. Дж. (мл.). Будущее власти. –М.: АСТ, 2014. – 444 с.
6. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер с англ. А.Гарькавого. –М.: ФАИР ПРЕСС, 2006. – 416 с.
7. Русаков В.М. Мягкая сила военной мощи // Дискурс Пи. – 2017. – №3-4 (28-29). –С.96-107.
8. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Информационно-коммуникационные компоненты «мягкой силы» // Международные процессы: научно-образовательный форум по международным отношениям. – 2019. –Т.17. – №1(56). –С.62-72.
9. McClory J. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power Portland PR Limited. – 2017. – 152 p. URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf> (access mode: 27.02.2020).

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 05.04.2022. Подписано в печать 06.04.2022.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Услов. печ. л. 19,7.
Тираж 100 экз. Заказ № 987.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсун-заде, 30